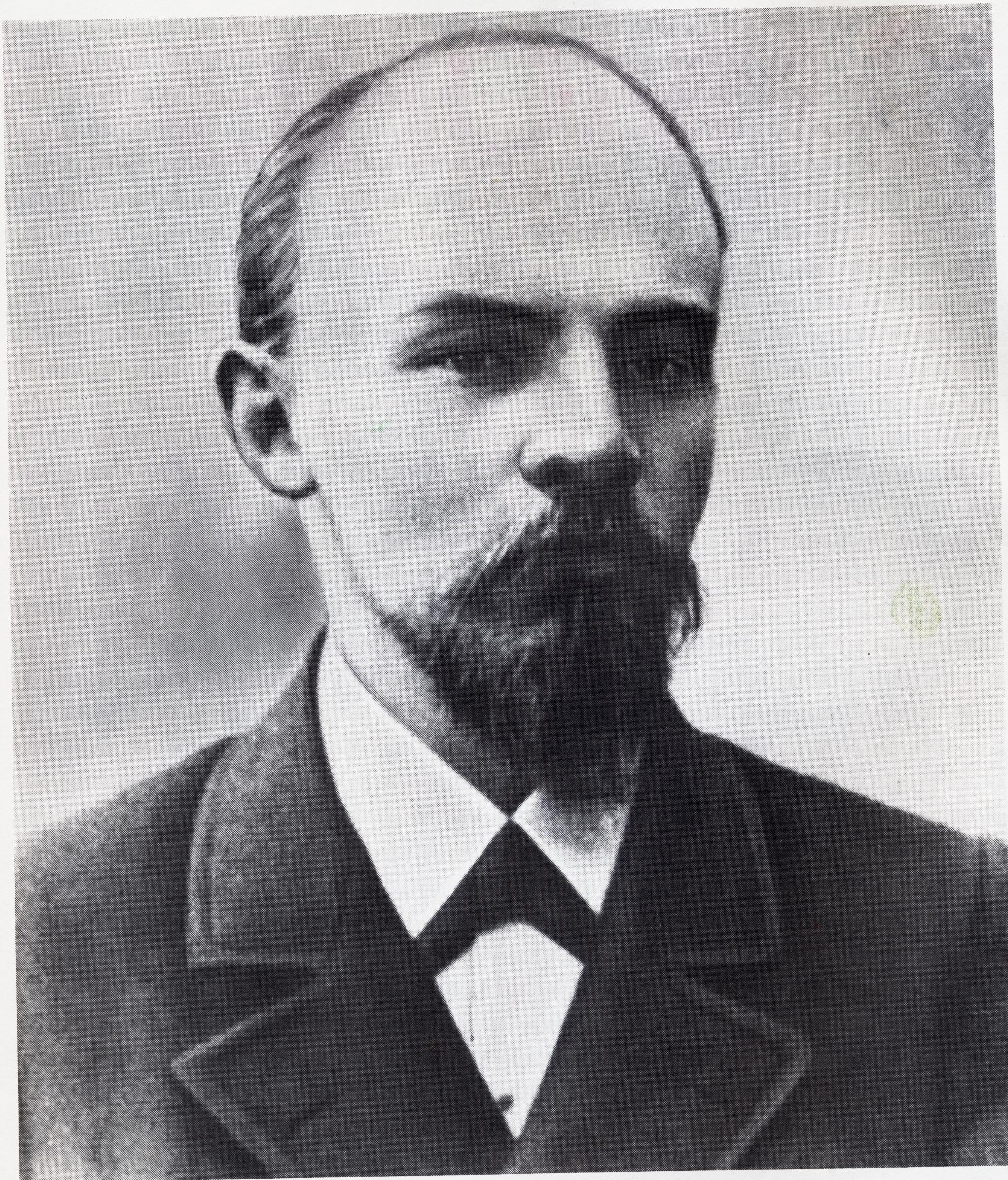

ПИОНЕР 7

1983

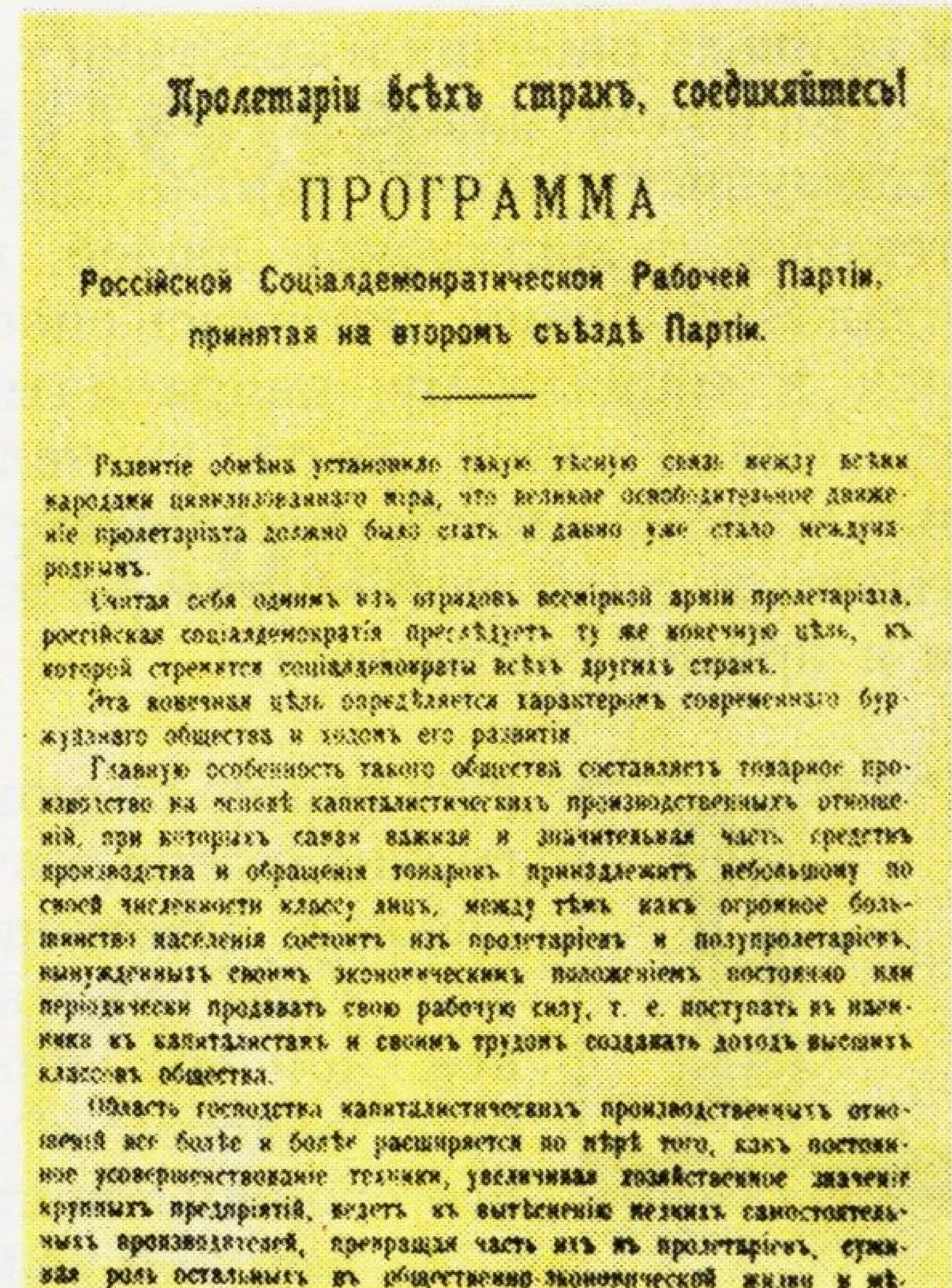

Владимир Ильич ЛЕНИН

Путь, пройденный ленинской партией,— поистине героический путь борьбы и побед.

Из Постановления ЦК КПСС «О 80-летии Второго съезда РСДРП».

ЕСТЬ ТАКАЯ ПАРТИЯ!

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ПРОГРАММА

Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи, принятая на второмъ съѣздѣ Партіи.

Развитіе обмѣна установило такую тѣсную связь между всѣми народами цивилизованнаго міра, что великое освободительное движеніе пролетаріата должно было стать и давно уже стало международнымъ.

Считая себя однимъ изъ отрядовъ всемірной арміи пролетаріата, россійская соціалдемократія преслѣдуетъ ту же конечную цѣль, къ которой стремятся соціалдемократы всѣхъ другихъ странъ.

Эта конечная цѣль опредѣляется характеромъ современнаго буржуазнаго общества и ходомъ его развитія.

Главную особенность такого общества составляетъ товарное производство на основѣ капиталистическихъ производственныхъ отношеній, при которыхъ самая важная и значительная часть средствъ производства и обращенія товаровъ принадлежитъ небольшому по своей численности классу лицъ, между тѣмъ какъ огромное большинство населенія состоитъ изъ пролетаріевъ и полупролетаріевъ, вынужденныхъ своимъ экономическимъ положеніемъ постоянно или періодически продавать свою рабочую силу, т. е. поступать въ наемники къ капиталистамъ и своимъ трудомъ создавать доходъ высшихъ классовъ общества.

Область господства капиталистическихъ производственныхъ отношеній все болѣе и болѣе расширяется по мѣрѣ того, какъ постоянное усовершенствованіе техники, увеличивая хозяйственное значеніе крупныхъ предпріятій, ведетъ къ вытѣсненію мелкихъ самостоятельныхъ производителей, превращая часть изъ въ пролетаріевъ, суживая роль остальныхъ въ общественно-экономической жизни и мѣ-

Страничка июльского календаря напоминает нам о знаменательном событии в истории Родины: восемь десятилетий назад, 30 июля 1903 года, открылся II съезд Российской Социал-Демократической рабочей партии.

Мысленно перенесемся в то далекое время. Столица Бельгии — Брюссель... Когда-то, в середине девятнадцатого столетия, в этом городе были написаны бессмертные строки «Коммунистического Манифеста». А теперь, спустя полвека с лишним, здесь собрались ученики и наследники Маркса и Энгельса — русские марксисты.

Заседают тайно в помещении заброшенного мучного склада (позже из-за преследования бельгийской полиции пришлось совсем покинуть Бельгию: съезд заканчивал свою работу в Лондоне). А пока — Брюссель, пыльный, неуютный зал. Самодельная трибуна. Простые деревянные скамейки. Сквозь завешенные кумачом окна светит солнце. Падают на стены, на молодые лица багряные отблески.

Большинство делегатов — люди двадцати — тридцати лет от роду.

Владимиру Ильичу — тридцать три года. Он молод, полон энергии, сил. Он счастлив. Свершилось то, к чему так стремился, о чем мечтал в самарских кружках и на улицах петербургских застав, среди снегов Шушенского и в скитаниях по чужбине: великое дело объединения отдельных революционных организаций в единую пролетарскую партию.

Бурлит, спорит, рукоплещет настоящий партийный форум!

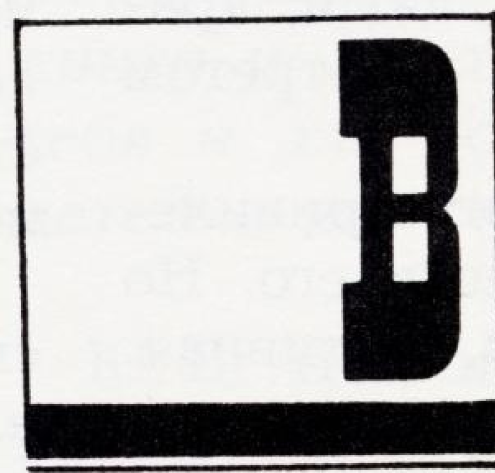
От всего сердца воскликнет Владимир Ильич Ленин:

— Какая прекрасная вещь — наш съезд!..

Много славных имен значится в списке делегатов: Николай Бауман и Сергей Гусев, Петр Красиков и Розалия Землячка, Мартын Лядов и Александр Стопани, Дмитрий Ульянов и Александр Шотман.

Молодые первостроители нашей партии, они представляли тогда самые боевые отряды грядущей революции — питерских и московских металлистов, тульских оружейников, иваново-вознесенских ткачей, донецких металлургов, бакинских нефтяников, одесских портовиков...

В непримиримых спорах по пунктам программы, параграфам устава, развернувшихся на съезде (а там были не только сторонники Ленина), делегаты рабочих центров стойко и твердо шли за Лениным, отстаивали ленинские взгляды, дрались за ленинскую точку зрения. За это и назвали их — первыми на земле — ленинцами, большевиками.

В том маленьком зале на брюссельской окраине начала свой путь ленинская партия. Кремнисты ее дороги. Круты испытания, выпавшие на ее долю. Выстояла, выдержала! Ленинский гений дал ей крылья, зоркость и мудрость. Ленинская воля сплотила ее ряды в нерасторжимый союз бойцов.

Партия большевиков стала авангардом трудящихся масс. Она подняла народы России на сознательную борьбу и через университеты двух револю-

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

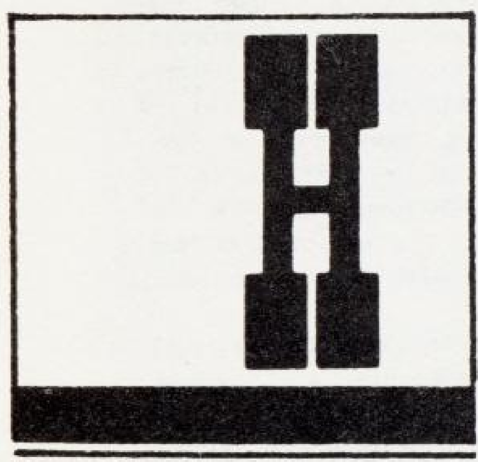
ИЮЛЬ 7

Москва 1983 г.
Издательство «Правда»

ций привела рабочих и крестьян к решающей битве в октябре семнадцатого года.

Коммунистическая партия завоевала высокий авторитет у миллионов людей, потому что, как считал В. И. Ленин, оказалась способной вести весь народ к социализму, направлять и организовывать новый строй, быть учителем, руководителем, вождем всех трудящихся и эксплуатируемых в деле устройства жизни без буржуазии и против буржуазии.

еобычайно широка сейчас, многогранна сфера деятельности, сфера работы Коммунистической партии. Она охватывает буквально **все**, чем мы живем, **все** области производства и духовной жизни, **все** стороны нашего бытия.

За все, чем мы живем, за наше настоящее и будущее несет ответственность партия, воплотившая думы и чаяния миллионов, взявшая на себя великую миссию — привести народы к торжеству коммунистических идеалов.

Ответственность за мир и безопасность народов, за силу и могущество нашей державы, за охрану наших рубежей.

Ответственность за то, чтобы разумно, экономно использовались богатства нашей земли.

Ответственность за сердца и души людей, за подрастающую смену, ее взгляды, убеждения, знания.

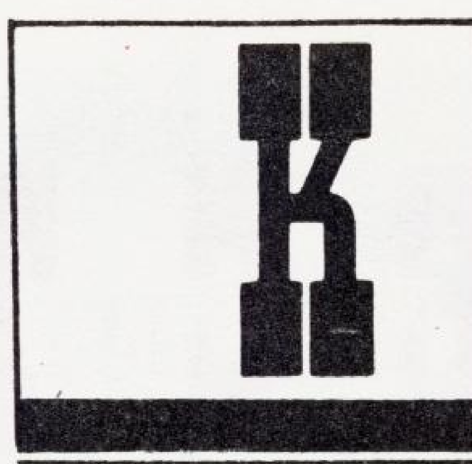
ВЫСОКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ — вот самая характерная черта жизни и деятельности партии Ленина.

Трудом миллионов созидается коммунизм. Кипит великая созидательная работа. И на каждом ее участке — на полях и стройках, в заводских цехах и в научных лабораториях, на земле и в космосе — вдохновенно, творчески работают люди, хранящие у сердца алые книжечки с портретом Ильича.

Партийный билет не дает им никаких привилегий. Они — часть народа, плоть от плоти его. Но часть наиболее сознательная, боевая, активная. Своим примером учат коммунисты, как надо жить и работать по-ленински.

Опыт жизни, борьбы, работы Владимира Ильича Ленина — драгоценное наследие партии.

Работать по-ленински — значит быть требовательным к себе и другим, нетерпимым к парадности и шумихе, к самодовольству, бюрократизму и формализму.

оллективно, по-ленински дальновидно и мудро решают сложнейшие вопросы и проблемы внутренней и внешней политики Центральный Комитет партии, его Политбюро.

Мирное небо и мирный созидательный труд во имя счастья народа, во имя полного торжества лучших человеческих идеалов — вот она, живая, реальная политика партии!

Вырастают на бывшем пустыре светлые и удобные дома. Сколько новоселий справят здесь люди! Вступают в строй новые здравницы, библиотеки, театры, стадионы. Такова воля партии, такова ее политика, чтобы еще лучше, богаче, интереснее была жизнь народа!

Твоя школа, твой бесплатный учебник, песня серебряных горнов над твоим пионерским лагерем — это тоже политика партии. Она воплотила в жизнь ленинский завет: «Все лучшее — детям!» Она учит подрастающее поколение добру, справедливости, мужеству, трудолюбию, патриотизму.

«Советский народ,— говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС Юрий Владимирович Андропов,— безгранично доверяет своей Коммунистической партии. Доверяет потому, что для нее не было и нет иных интересов, чем кровные интересы советских людей».

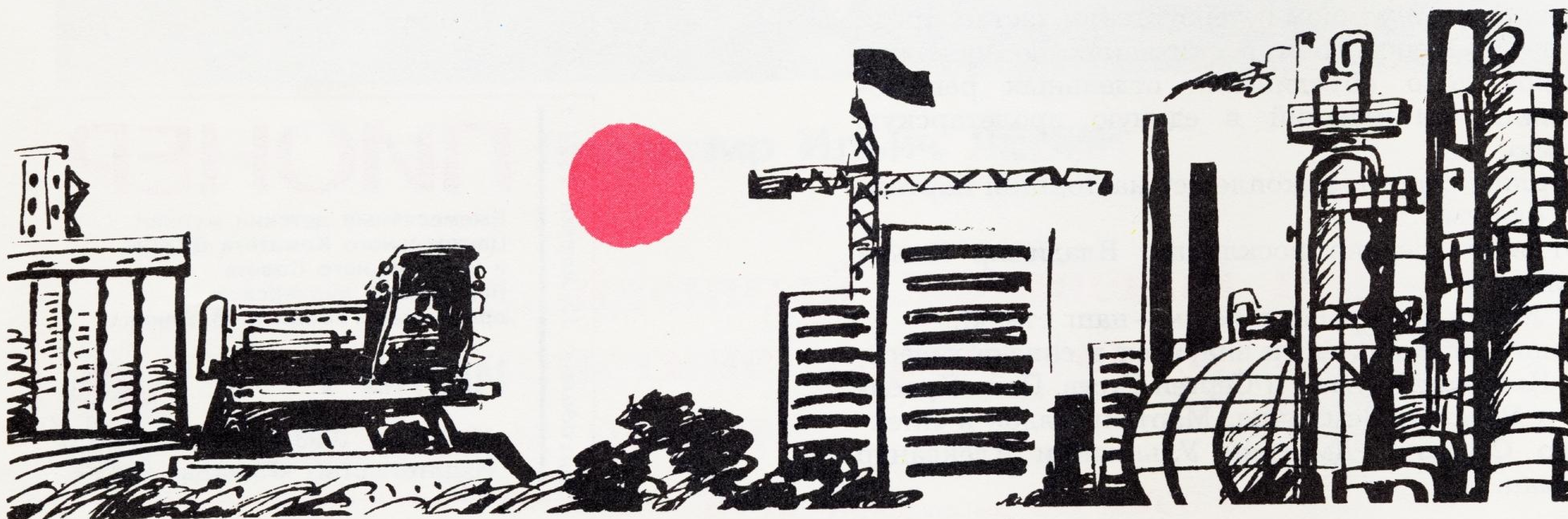
сть такая партия!» — сказал летом семнадцатого года, в канун решающих революционных битв Владимир Ильич Ленин. С гордостью за грандиозные исторические преобразования и свершения говорим мы сегодня:

— Есть такая партия — ум, честь и совесть нашей эпохи. Под ее руководством советские люди — пионеры нового общества — выстояли, выдержали, победили в самых тяжелых испытаниях.

Есть такая партия — организатор наших побед и свершений! Под ее водительством советский народ, народ-труженик построил развитое социалистическое общество, проложил дорогу к социализму всему человечеству.

Есть такая партия — руководящая и направляющая сила нашего общества! Смело и уверенно ведет она страну к победе коммунизма. Достойно продолжает дело великого Ленина!

В. ЯКОВЛЕВ

Ответ Ю. В. Андропова на письмо американской школьницы

Американская школьница из города Манчестер (штат Мэн) Саманта Смит прислала Ю. В. Андропову письмо, в котором пишет, что ей 10 лет и что она очень обеспокоена, не случится ли ядерная война между Соединенными Штатами и Советским Союзом. «Вы за войну или нет? Если Вы против, пожалуйста, скажите, как Вы собираетесь не допустить войну?»

На это письмо Ю. В. Андропов направил ответ, в котором говорится:

«Дорогая Саманта!

Получил твое письмо, как и многие другие, поступающие ко мне в эти дни из твоей страны, из других стран мира.

Мне кажется — я сужу по письму,— что ты смелая и честная девочка, похожая на Бэкки, подружку Тома Сойера из знаменитой книги твоего соотечественника Марка Твена. Эту книгу знают и очень любят в нашей стране все мальчишки и девчонки.

Ты пишешь, что очень обеспокоена, не случится ли ядерная война между двумя нашими странами. И спрашиваешь, делаем ли мы что-нибудь, чтобы не дать вспыхнуть войне.

Твой вопрос — самый главный из тех, которые волнуют каждого человека. Отвечу тебе на него серьезно и честно.

Да, Саманта, мы в Советском Союзе стараемся делать и делаем все для того, чтобы не было войны между нашими странами, чтобы вообще не было войны на земле. Так хочет каждый советский человек. Так учил нас великий основатель нашего государства Владимир Ленин.

Советские люди хорошо знают, сколь ужасна и разрушительна война. 42 года тому назад нацистская Германия, которая стремилась к господству надо всем миром, напала на нашу страну, сожгла и разорила многие тысячи наших городов и сел, убила миллионы советских мужчин, женщин и детей.

В той войне, которая закончилась нашей победой, мы были в союзе с Соединенными Штатами, вместе боролись за освобождение от нацистских захватчиков многих народов. Я надеюсь, что ты это знаешь по урокам истории в школе. И сегодня мы очень хотим жить в мире, торговать и сотрудничать со всеми своими соседями по земному шару — и с далекими, и с близкими. И конечно, с такой великой страной, как Соединенные Штаты Америки.

И у Америки, и у нас есть ядерное оружие — страшное оружие, которое может в один миг убить миллионы людей. Но мы не хотим, чтобы оно когда-либо было пущено в ход. Именно поэтому Советский Союз торжественно, на весь мир объявил, что никогда — никогда! — не применит ядерное оружие первым ни против какой страны. И вообще мы предлагаем прекратить его дальнейшее производство и приступить к уничтожению всех его запасов на земле.

Мне кажется, что это — достаточный ответ на твой второй вопрос: «Почему вы хотите завоевать весь мир или по крайней мере Соединенные Штаты?» Ничего подобного мы не хотим. Никто в нашей огромной и прекрасной стране — ни рабочие и крестьяне, ни писатели и врачи, ни взрослые и дети, ни члены правительства не хотят ни большой, ни «малой» войны.

Мы хотим мира — нам есть чем заняться: выращивать хлеб, строить и изобретать, писать книги и летать в космос. Мы хотим мира для себя и для всех народов планеты. Для своих детей и для тебя, Саманта».

Ю. В. Андропов пригласил американскую школьницу Саманту Смит побывать в пионерском лагере «Артек».

Письмо Ю. В. Андропова Саманте Смит было направлено через советское посольство в Вашингтоне.

«Это письмо полностью изменило мое представление о Советском Союзе,— заявила Саманта Смит американским корреспондентам.— Это очень теплое и успокаивающее письмо. Раньше русские казались мне чуть ли не жителями иной планеты. Теперь я поняла, что они такие же люди, как мы, американцы». Письмо и аргументы, отметила Саманта, ее полностью убедили. Она очень хочет поехать в СССР, куда пригласил ее советский руководитель. «Теплым, дружеским, прямым и откровенным» назвал письмо Ю. В. Андропова отец Саманты, преподаватель университета штата Мэн в Огасте. Дочь была счастлива, получив это письмо, заявил он.

(ТАСС)

Идет пионерский Марш мира

С одобрением и огромным интересом встретили советские ребята ответ Юрия Владимировича Андропова на письмо американской школьницы Саманты Смит. Наш корреспондент В. РЫБИН встретился с шестиклассниками 280-й московской школы и попросил их рассказать, что они думают по этому поводу.

Юля КОЗЛОВА. *В памяти советских людей еще не стерлась минувшая война. Наша страна потеряла 20 миллионов жизней. Разве могут люди, пережившие такую страшную войну, готовить новую, еще более страшную?*

Таня ЛЕВКОВА. *Когда я прочитала письмо Саманты Юрию Владимировичу Андропову, то очень расстроилась: неужели американцы, даже дети, так запуганы «советской угрозой»?*

Таня ЦАРЬКОВА. *А я подумала, что Саманта должна быть смелой и честной девочкой, если решилась написать письмо советскому руководителю. Ведь в США повсюду кричат: «Бойтесь русских! Они готовятся на нас напасть!» Империалистам не хочется, чтобы простые американцы узнали правду о Советском Союзе, о нашем стремлении жить в мире.*

Римма СЛУЦКАЯ. *В прошлом году мы направили в США письмо на имя президента Рональда Рейгана. В письме мы писали о том, что советские дети не хотят войны, что наша страна не угрожает США, а, наоборот, предлагает дружить. Под письмом поставили подписи все ученики нашей школы. К сожалению, мы не получили ответа.*

Флюра КАЛИМУЛИНА. *Я бы хотела встретиться с Самантой в Москве. Познакомила бы ее с папой и мамой, показала бы нашу школу. А потом все вместе мы бы пошли на Красную площадь. В прошлом году на Красной площади был парад, посвященный 60-летию Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина. Я участвовала в этом параде.*

Андрей НОВОСЕЛОВ. *Вообще Саманте надо больше рассказать о советских пионерах, о том, как они борются за мир. Наверняка она ничего не знает о пионерском Марше мира.*

Алеша СКОТНИКОВ. *А я бы провел Саманту по аллее Космонавтов и показал Музей космонавтики — он недалеко от нашей школы. Президент Рейган мечтает о том, как бы разместить в космосе ядерное оружие. А Саманта бы узнала, как Советский Союз осваивает космос в мирных целях.*

Таня ЦАРЬКОВА. *Мне кажется, надо написать письма американским школьникам и рассказать о том, как советские люди ненавидят войну и борются за мир.*

Юля КОЗЛОВА. *А Саманта передаст эти письма американским ребятам. Я уверена, они поймут нас, наше желание жить в мире. Давайте дружить, а не готовиться к войне!*

ОТ РЕДАКЦИИ. Дорогие ребята! Если кто-то хочет написать Саманте Смит, присылайте ваши письма в редакцию журнала «Пионер». Мы передадим их Саманте.

Раим ФАРХАДИ,
лауреат премии
Ленинского комсомола Узбекистана

Твоя тропинка

Тропинка, бегущая вдаль от ворот,
Становится шире и шире.
Растешь —
И с тобою тропинка растет
И не потеряется в мире.
Сидишь ты за партой.
А в школьном дворе
Тропинка,
Дождями умыта,
Сверкает багряной листвой
В сентябре
И снегом январским покрыта.
Она ведь
Не зря подружилась с тобой,
Она тебя ждет,
Посмотри-ка:
И в поле,
И в лес,
И к реке голубой
Ведет неустанно тропинка.

И станет она
Постепенно иной —
И трудной,
И очень далекой,
Крутой и тревожной,
И самой прямой.
Твоей она станет
Дорогой.

Цветы

Можно вырастить цветы
На большой планете
В каждом уголке Земли,
Если на рассвете
Дружно будут их сажать
Взрослые и дети.

Можно вырастить цветы
В маленьком вазоне.
На девятом этаже
Дома, на балконе.
Можно вырастить цветы
Даже на ладони...

Ведь не зря в краю у нас
Говорят от века:
Настоящие цветы —
Руки человека!

Птицы

До рассвета птицы встают,
Оттого и песни поют.
Песни птичьи в лесной тишине —
О весне, о будущем дне.
О земле, о шири полей
Льется песня с высоких ветвей.
Птицы славят солнца восход,
Отправляются в первый полет.

Книга

С клена упавший осенний листок
Я подобрал.
Положил между строк
В эту нарядную книжку...

Будет зимою стылый денек,
Ты загляни-ка на огонек —
Я тебе дам эту книжку.
И на странице — не помню какой! —
Вспыхнет кленовый листок золотой
И озарит эту книжку...
Что ты запомнишь —
не знаю, дружок,
Может быть, сказку,
а может, стишок.
Но, прочитав эту книжку,
Не потеряй тот кленовый листок,
Листик осенний, который помог
Мне написать эту книжку.

Рисунок Г. ЧЕЛОВЕЧКОВА.

Станислав **РОМАНОВСКИЙ**,
лауреат премии А. П. Гайдара журнала «Пионер»

СЕМЕЙНЫЙ ЭКИПАЖ

ПОВЕСТЬ

Продолжение. Начало в № 6.

Рисунки В. ДУДКИНА.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Берегиня

По степи с перекатным гулом катился ветер. При свете далекой молнии мальчик увидел, что ветер несет по воздуху сорванные колосья, пыль и полову. А пшеница мечется туда-сюда.

В какой стороне мама?

Молния высветила белую дорогу.

С термосом в руках, пригнувшись, как на фронте под огнем, Нурлан побежал по дороге, и ветер на все лады загудел вокруг.

Вспышка молнии озарила раздорожье, череп быка с темными глазницами и одним рогом, и мальчик, не испугавшись, побежал по правой дороге и свернул на тропинку в хлебах, где по его предчувствию была мама.

Справа, как пароход в огнях, по грудь в пшенице плыла железная громадина.

Мамин комбайн!

— Мама-аа! — крикнул Нурлан, но ветер отнес в сторону голос и погасил его.

Как быть?

Напрямки бежать к машине нельзя, и не потому, что не пробиться Нурлану через пшеничную густель.

А потому что грешно хлеб топтать.

Только в обход!

Тропинка вывела его на толоку — на землю, ископыченную пастьбой, и, запнувшись о копытный след, Нурлан упал, не выпуская из рук термоса. Он лежал и слышал, как в ребра, отдаваясь в земле, колотится его сердце и никак не может успокоиться.

На шею повыше воротника рубахи упала большая холодная капля. Нурлан встал и, прихрамывая, пошел по толоке на голос комбайна. А кругом падали редкие звучные капли... Случаются в степи такие вот странные дожди: в горячих токах воздуха летят ледяные капли, как из погреба, готовые вот-вот обернуться градом.

Тяжело ступая, Нурлан поднимался по склону, по которому струились белые ковыли Иоанна. Полыхнула молния, и одновременно с ней грохнул гром, рассыпавшись на подгромовники. Сердце Нурлана не успело отмякнуть от страха, как близко-близко от него разорвалась вторая молния и осветила каменную бабу-берегиню, ее широкое лицо, узкие прорези глаз, крупные руки, покойно сложенные на животе.

Нурлану было жутковато и все-таки отрадно смотреть на нее, словно он встретил в степи живую душу, а не камень. Мальчик подумал о том, что за многие сотни лет в изваяние не попала ни одна молния, и, стало быть, около берегини можно переждать грозу.

Молнии то вырывали ее из темноты, то погружали во мрак, и при каждой вспышке выражение каменного лица менялось, и по щекам, глянцевым от ветра и времени, катились капли дождя, как слезы.

Нурлан ощупал все еще теплый от дневного жара камень... Берегиня была несколько наклонена назад над лункой, где скопились сухие стебли и листья. Мальчик забрался в эту лунку, как в гнездышко, положил в головах термос и закрыл глаза.

Промокнуть он не успел. Настоящий дождь да с градом пошел только сейчас. Градины прыгали вокруг, били, как пули, по камню!.. Крошки льда и мелкие капли изредка кропили лицо мальчика. А там — в лунке — было тепло и сухо.

Град налетел и укатил куда-то.

Сквозь зажмуренные веки Нурлан видел вспышки молний. Из края в край степи гремела гроза, а дождь падал все реже и реже.

Из укрытия Нурлан подставил дождю открытую ладонь и долго ждал, когда в нее упадет капля.

Выглянула луна, и в ее свете влажно заблестели ковыли. С термосом, как с малым ребенком на руках, Нурлан выбрался из укрытия.

Берегиня, вымытая чисто-начисто, загадочно улыбалась мокрым лицом, и в каменных ладонях ее, как гроздь незрелого винограда, белели градины. Она обсыхала под слабым ветром, неожиданно теплым, и смотрела куда-то поверх Нурлана.

Он уходил от нее, оскальзываясь на градинах, оглядывался и задерживался на берегине взглядом с благодарностью за приют от непогоды.

Под курганом Нурлан увидел комбайн, неподвижный, как дом, с выбитыми стеклами и без единого огня. Сердце его сжалось. На борту комбайна, как на борту боевого истребителя во время войны, были нарисованы пятиконечные звезды: два ряда полных, а третий только начат.

Звезды были хорошо знакомы Нурлану.

Это был мамин комбайн.

А мамы не было.

Где она?

У нескошенной пшеницы, далековато от машины, Нурлан увидел человека, с головой накрывшегося мокрым плащом, и пошел к нему.

Плащ открылся, и, как свет в окошке, Нурлан увидел прекрасное смуглое лицо матери, в каплях дождя, в шелушках от солнца, и темный огонь ее глаз под длинными ресницами. Вместе с термосом она втянула сына под плащ, пахнущая дождем, хлебом и солидолом, и, целуя в глаза и лоб, шептала:

— Мальчик мой!.. Мальчик мой маленький!.. Большой мой мужчина!.. Как ты нашел меня? Зачем? Нельзя так в твои годы... Ты шел ко мне, чтобы напоить меня горячим отваром? Нес такую тяжесть?.. Спасибо!.. Только больше так не делай, ладно? Ты меня любишь? Ой, что я спрашиваю! Глупая. Любимый мой!.. Ты не боялся молний? Ты еще маленький, поэтому не боялся. А мне казалось, что все они падают в меня!.. Я остановила комбайн, а сама бегом сюда. Я такая трусиха! Я боюсь грозы...

— Мама, грозы больше нет!

— Нет?..

Она выглянула из-под плаща, выпрямилась, подставила небу лицо и, поежившись, воскликнула:

— Свежо-то как!..

Вместе с сыном мама обошла комбайн и сказала с грустью:

— Я машину не успела от града отвернуть... У меня все стекла выбило. Просо, конечно, побило. Овсам досталось. Они тоже метелочками... Пшеница устояла: она собраннее. Вот мы ее и будем убирать!

Она достала железный шприц с маслом, легко скользнула под железное днище машины, чтобы смазать его. За ней скользнул Нурлан. Здесь было сухо, и в узком пространстве между стерней и днищем загостился жаркий день. Отсюда комбайн представляется Нурлану сильным, добродушным, но беззащитным существом.

В степи сыро и холодно, а здесь, под машиной, хорошо, как в шалашике. Кругом дышит нива. Мальчику кажется, что он слышит, как, ни на миг не давая себе передышки, спеют хлеба: в земле пробираются их корешки, наверху шевелят усами колосья, потрескивают колосковые чешуи, и зерна с краями полны ярой животворящей силы!..

Мальчик с тихой радостью вдыхает живое маслянистое тепло машины вместе с запахами чернозема, стерни, корневищ, всего того, чем пахнет земля в страдную пору. Ему хочется сказать комбайну, как доверчивому усталому слону, слова утешения.

— Нурлан, где ты? — слышит он высоко голос матери.

Мальчик вылезает на лунный свет, по железным ступеням, как матрос по трапу, вбегает в кабину, где прибирается мама. Она вынимает осколки стекла из железной рамы, а они сыплются и звенят.

А мама заметает их в жестяной совок и замирает с веником в руках.

Замирает и Нурлан.

Кто это?

В выбитом окне нарастает обвальный грохот, от которого дрожит земля. Светло-песчаное стадо сайгаков, осиянное луной, несется мимо и видится ветром, обретшим очертания диких животных.

Сайгаки — древние антилопы, современницы мамонта; у них рога, как лиры; носы, как хоботы; в легоньких копытах, которым сносу нет, говорят, есть дырочки для воздушного охлаждения, и в них свистит воздух. Но сейчас ничего этого разобрать нельзя, и они мчатся, как лучики к рассвету или туча стрел, предназначенных не для убийства, а для жизни. Сайгаки бегут по кругу, такому широкому, что Нурлан и мама не видят его, потрясенные зрелищем скорее полета, чем бега.

Вольная стая степных антилоп, сотни сердечек, и каждое стучит по-своему, как бы ни были они похожи в немыслимо быстром беге. От кого бегут они? Кто с сотворения земли гонится за ними? А может, уже никто?.. Они не топчут хлеба, жалея, не забегают в них, а летят по стерне, по толоке, по пастбищу, пересекают, как перерубают, мелкую речку, и вода играет под ними тысячами золотых крутобоких рыб. Они давно скрылись во мгле, а еще долго было слышно, как мечется в берегах перепуганная речка, на перекатах расплесканная досуха.

Их появление и исчезновение восторгом отозвались в душе Нурлана, и, понимая, что виновница этого дива — мама, что она позвала его в степь и благодаря ей он впервые в жизни увидел сайгаков, о которых много слышал, мальчик предлагает великодушно:

— Мама! А не выпить ли нам шиповника?

Но мама не слышит.

Она завела комбайн, и он, подрагивая, идет по полю с зажженными фарами.

Она сидит в кожаном кресле перед приборами, и, если судить по выражению маминого лица, ей не все нравится в реве мотора. Движения ее рук, ласковые и властные, успокаивают машину, и Нурлан повторяет громче:

— Мама! А не выпить ли нам шиповника?

Кажется, она опять не расслышала?

Да нет, расслышала!..

Не спуская глаз с поля, мама отвинчивает крышку термоса, зубами вынимает пробку, наливает в крышку дымящийся отвар и подает сыну.

— По старшинству! — кричит Нурлан и с великой радостью видит, как мама до дна осушает крышку и собирается опять ее наполнить.

— По старшинству! — снова кричит Нурлан.

Но мама останавливает комбайн и говорит озабоченно:

— Мотовило не крутится. Посмотри, что там у него, сынок.

Нурлан бежит к выходу, но мама просит его:

— Погоди.

И подает крышку термоса, где в густом коричневом, как гречишный мед, отваре плавает луна. Нурлан с наслаждением выпивает подряд две крышки и, отдуваясь, долго спускается по лестнице в поле.

В граблинах мотовила Нурлан видит большую черную корягу. Вся она переплетена стеблями пшеницы и стоит в них, как щука в водорослях.

Выволакивая корягу из мотовила, Нурлан говорит громко, чтобы слышала мама:

— Ах, какая рыбина попалась!

Коряга холодная, скользкая, и мальчик вскрикивает, оттого что ему кажется, что она шевелится.

Нурлан относит ее подальше от комбайна, опускает на землю и наказывает:

— Лежи.

Когда он идет к маме, то, не удержавшись, оборачивается. Толстоголовая черная коряга блестит в стерне и смотрит на Нурлана бугорками-сучочками. При лунном свете они видятся сонными и хитрыми, а корешки под ними похожи на сомовьи усы.

— Никак щука сомом стала? — про себя ахает Нурлан.

А вслух произносит не очень грозно:

— Лежи. Лежи... Нечего!

Не оборачиваясь, прибавляет шагу и бегом поднимается в кабину.

Идёт-гудёт комбайн, как красный зубр, мотовилом подминает стебли пшеницы, на ходу, на плаву обмолачивает их, отрясает зерна от соломы и половы, и в свете фар, словно золотой пчелиный рой, словно пчелы при медосборе, брезжат пшеничные колосья. Взлетают, но далеко улетать не собираются и опускаются навстречу своей судьбе.

Птица с широкими крыльями долго не может выбраться из светового коридора, пока не догадывается свернуть в сторону, в мягкую хлебную мглу.

Нурлан крепко спит на коленях у матери.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Взрослый разговор

В ночи за зерном приезжает дежурная автомашина и кузовом становится под шнек — под красный железный рукав комбайна. Мать Нурлана выпрямляется, поправляет волосы и следит, как в кузов, шурша, течет лунное окатное зерно.

Поток иссякает, но шофер не спешит уезжать и спрашивает:

— У вас... град был тоже с голубиное яйцо?

— Да.

— У нас просо положило. Гектаров шестьдесят... Ты не простудишься, Галя?

— Нет.

— У тебя же все стекла выбиты. Сквозняки ходят!.. Давай я починю. Нет, серьезно? Или ты не боишься? А я обладаю редчайшей способностью при сорокаградусной жаре находить сквозняк и простужаться!.. Сегодня всю ночь кашлял. Сейчас отпустило... Почему ты молчишь?.. Ты все-все позабыла?

— Да.

— Все-все?.. Гм... На уборку меня оставляли в городе. А я ради тебя... чтобы только взглянуть на тебя!.. Приехал в эту степь. Ты знаешь, она мне нравится! Меня она звала давно... Разве ты не помнишь, как мы смотрели в телескоп на звезды?

В разбитое окно женщине видно, как через все небо, теперь уже чистое, без туч, течет Млечный Путь — великая искрящаяся река с синими и черными омутами, со сверкающими островами и полуостровами, с пылающим звездным стрежнем. Река эта начинается из нескошенной пшеницы и, омыв все небо, впадает в пшеницу же, и чем дальше смотришь на нее, тем видится она ближе. Имя ее — Млечный, Молочный Путь — очень родное, крестьянское.

Млечный Путь начинается от земли, на которой пасутся коровы и кумысные кобылицы. На ней мать кормила грудью младенца, когда он был совсем маленький и не мог ходить.

— Тише,— просит женщина шофера.

— Что?..

— Я говорю: тише. У меня на коленях спит сын.

— Можно мне взглянуть на него?..

Женщина отвечает не сразу:

— Взгляни.

Водитель, стараясь не греметь железом, на цыпочках поднимается в кабину и, задержав дыхание, долго-долго глядит на Нурлана. Мальчик дышит ровно, полные губы полуоткрыты, глаза зажмурены. Он спит так сладко, что, пожалуй, нет выше счастья, чем сидеть рядом и оберегать сон ребенка.

— Насмотрелся? — спрашивает женщина.— А теперь иди.

Водитель говорит шепотом:

— Он мог быть наш...

Женщина обрывает его, приложив палец к губам, тише, мол, и произносит тихо, раздельно и устало:

— Ты в чем-то меня винишь? В чем? Я любила тебя, а ты не замечал меня. Когда я заболела, ты ни разу не пришел ко мне в больницу. Ты объяснил это тем, что стеснялся меня. Даже робел. Смешное объяснение, правда? Или грустное? Бывает, наверное, больных стесняются, да все равно навещают. Жалеют! Жалеют... Потом ты признался мне в любви. Но было поздно: я полюбила другого. Он мой муж и отец моего ребенка. Я никогда не разлюблю его.

— Ты говоришь это с вызовом...

— Не выдумывай,— мягко обрывает женщина.— Прошу тебя: иди.

— Сейчас.

Водитель задерживается взглядом на мальчике, покорно спускается по трапу, садится в кабину автомашины, говорит негромко, как бы сам себе:

— Поехал.

И прибавляет громче:

— Тебе что-нибудь привезти, Галя?

— Нет.

— Ничего-ничего?

— Ничего. Ничегошеньки!

— Гм... «Ничегошеньки...» Я всегда буду приезжать туда, где ты. Даже если состарюсь...

Женщина включает скорость, и комбайн, вздрогнув, как спросонок, принимается за работу:

— Та-та-та...

Нурлан не просыпается, а только говорит во сне нечто непонятное.

— Та-та-та...

Некоторое время автомашина на малом ходу идет рядом с комбайном, а потом сворачивает к дороге и, набирая скорость, скрывается из виду.

«Что было, то прошло,— мысленно говорит себе мать Нурлана.— Я люблю мужа и сына и буду любить их всегда. Скоро из армии придет мой муж, и мне будет не стыдно посмотреть ему в глаза. Я так соскучилась по нему. До слез соскучилась!»

Женщина поворачивает к себе зеркальце в кабине, близко видит свое отражение, любуется им, пальцами убирает слезы и опять любуется. Роговым гребнем, что достался ей от прабабушки, купленным в прошлом веке у коробейника, она расчесывает волосы. Мягкие, струистые, они тихо потрескивают, как на огне...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Свети, малыш!

По золотому полю под белым небом плывет красный комбайн.

В кабине на коленях у матери сидит Нурлан и ворочает головой туда-сюда, туда-сюда. Кругом, как в самолете, множество приборов: рычагов, разноцветных лампочек, циферблатов со стрелками.

Как бы их все запомнить?

Сразу все — никак.

А некоторые можно. Вот рычаг с черным шариком. Нажмешь на него тихонько — и из красного железного рукава посыплется зерно.

— Мама, а почему ты ничего не говоришь?— спрашивает Нурлан.— Неохота?

Мать не отвечает. Наверное, не слышит из-за шума мотора.

Нурлану мир видится новым, вымытым чистой росой. Редко взмахивая крыльями, парит орел-могильщик. Из-за обилия солнца он выглядит белым, как чайка, и далеко слышен его голос:

— Тьяф! Тьяф!

Бело блестит излучина реки в окружении тальников, выгоревших дожелта. Вода приближается без единого всплеска или морщинки. Мать заглядывает в пустой термос, останавливает комбайн и подает термос Нурлану.

— Сынок, сбегай к речке за водой,— просит она.

— А ты уеде-еешь!— жалобно тянет Нурлан, хотя знает, что мама никуда не денется.— Уеде-еешь...

— Куда, сынок?

— Уеде-еешь!

— Куда все-таки?

— Уеде-еешь, и все.

Сейчас ему страсть как хочется ощутить себя маленьким, колыбельным, чтобы его понянчили, поласкали, а мама думает о чем-то своем и говорит:

— Будешь капризничать — на комбайн не возьму.

Нурлан замолкает. Прижимая к груди термос, он по трапу спускается на стерню и что есть духу бежит к реке. Он бежит долго-предолго, превозмо-

гая желание обернуться и взглянуть на мать, и, наконец, оборачивается.

Оказывается, он совсем недалеко убежал, и комбайн рядом — красная громадина под белым небом по грудь в золотой пшенице.

Мать объявляет с капитанского мостика:

— Тише едешь — дальше будешь.

И улыбается вдаль — не ему, а кому-то другому.

Опустив голову, Нурлан бредет к реке, и прибрежные травы смыкаются над ним. Здесь сыро и парко, и земля зыблется. Открывается речная заводь в окружении толстых, как в тропиках, тростников. По их суставчатым стеблям Нурлан взбирается взглядом до солнышка. Все как есть оно оплетено листьями, и лик его прохладен и кроток. Мальчику думается, что, пока он шел за водой, тростники выросли до неба.

Он опускается на колени, упирается руками в землю, рассматривает свое отражение в реке и остается им чрезвычайно доволен. Лицо — как смуглое солнышко, брови — дужками, а глаза смелые, словно у отца.

Мальчик нагибается — отражение приближается, увеличивается, расплывается и пропадает.

Где оно?

У самых губ — вода.

Ой, пить-то как охота!

Мальчик пьет воду, пахнущую водорослями, рыбами и землей.

— Ух! Устал. Чуть всю заводь не выпил.

А это кто?

У корней тростников стоит зеленая, в маскировочных пятнах, щука с наростами на лбу и шевелит ребристыми плавниками.

Нурлан в страхе отползает от воды, лежит, обхватив руками голову, и старается не дышать.

Ой, что теперь будет?

Лежать ему скоро надоедает. Нурлан потихоньку распрямляется и видит, что рыбина стоит там же.

— Эй! — окликает ее Нурлан.

Щука не шелохнется.

Сухой тростинкой мальчик с опаской щекочет щучью спину. Щука никак не отзывается на щекотание. Выпученные глаза ее задумчивы, рот полуоткрыт, жабры колышутся.

«Жарко ей,— догадывается Нурлан.— Неужели и в реке жара бывает?»

И холодеет: он вспоминает наказ матери принести воду. Мать убирает хлеб в поте лица, пить хочет, а сын здесь прохлаждается.

Ой, что теперь будет?

Не возьмет его мама больше на работу.

Торопясь, мальчик погружает термос в реку и с восторгом слушает, как наперегонки лопаются пузыри воздуха и вода, одушевленно звуча, проталкивается в посудину.

Нурлан выволакивает термос из заводи, идет в поле, но в пути вспоминает про щуку — как там она? — и возвращается.

Щуки в заводи нет.

— Была, да сплыла,— вздыхает Нурлан.— Ну и ладно.

И замирает: из воды прямо ему в глаза смотрит большая студенистая лягушка и не моргнет ни разу.

— Ты раньше щукой, что ли, была? — с уважением спрашивает Нурлан.— Была, да сплыла?

Лягушка шевелит лапками-кисточками и раздувается, словно готовится к выступлению. А Нурлан ей рассказывает:

— У нас в доме две лягушки жили. Большая и маленькая. Большая была смирная и любила спать. А маленькая спать не любила. И вот...

Он вспоминает мать, обрывает повествование и бежит в поле. Комбайн — железный терем — стоит на том же месте, а сердце у мальчика сжимается.

По трапу он вскарабкивается в кабину.

Мамы там нет.

Кабина с выбитыми стеклами выглядит нежилой и холодной.

— Мама,— плачет Нурлан.— Мамочка! Где ты? Миленька-ааял...

Из кабины видно, что в поле нет ни души. Только высоко в небе плавает орел-могильник.

— Тьяф! Тьяф!

Мальчик слезает на землю и видит: в тени комбайна, подложив ладошку под щеку, спит мама. Мальчик опускает на землю запотевший, грузный, как ведро с водой, термос, счастливо вздыхает и, не удержавшись, прикасается губами к раскрытой ладони матери.

Ладонь пахнет мамой и хлебом.

Нурлан ложится рядом, сворачивается клубочком и пытается заснуть. Однако у него не получается: хорошо выспался, даже переспал немного, а мама не спала две ночи.

Зажав в зубах соломинку, Нурлан переворачивается на спину.

Где-то кричит кобчик:

— Ки! Ки! Ки!

Мальчик садится и близко видит кобчика. У птицы черные крылья, рыжие штаны и красные лапы.

— Ки! Ки! Ки!..

Вдруг кобчик ныряет в стерню, невысоко взлетает, а в клюве у него извивается золотая ящерица.

— Ого! — говорит Нурлан.— Я видел еще, как кобчик суслика поймал. Вот такого!

Он разводит руки, показывая маме, какого суслика поймал кобчик.

Но мать не слушает — она спит.

Мальчуган опять сворачивается клубочком и слышит голос:

— Есть кто живой?

Это спрашивает водитель дежурной автомашины, который приехал за зерном.

Не открывая глаз, мать напоминает Нурлану:

— Рычаг с черным шариком...

А голос из дежурной автомашины повторяет:

— Есть кто живой?

— Есть! — откликается Нурлан.

— Кто?

— Мы!

Гремя башмаками по железному трапу, Нурлан взбегает в кабину, обеими руками ухватывается за рычаг с черным шариком.

Рычаг не поддается.

Нурлан повисает на нем всем телом — рычаг неподвижен. Что делать?

Ослаб человек или сломался механизм?

Раньше-то получалось.

Тут Нурлан обнаруживает, что тянет он совсем не в ту сторону. Легонько-легонько мальчик давит на черный шарик в нужном направлении, и рычаг двигается.

— Пошло!

Из красного рукава комбайна в кузов льется, брызжет, играет и шуршит зерно.

— Хорош-шшо!

Шофер, высунувшись из кабины, спрашивает Нурлана:

— А мама где?

— Отдыхает.

— Ааа...

Шофер уважительно смотрит на Нурлана. Маль-

чик догадывается, что это он снят на фотографии рядом с мамой семь лет назад. Правда, в жизни он полнее и старше, и волосы не такие пышные. Нурлан глядит на него с любопытством и приязнью, потому что человек этот занят на страде, как и все добрые люди, да еще потому, что он сватался к матери, любил ее, мог быть отцом Нурлана, и, значит, он не совсем чужой или случайный человек! Нурлан не видел отца два года, соскучился по нему, и, разглядывая водителя, мальчик с удовольствием находит или домысливает в нем сходство с родным отцом.

А водитель не уезжает, хотя бункер пуст и зерно давно не течет из шнека.

— Тебя как звать-то? — спрашивает он.

— Меня?

— Да.

— Меня — Нурлан.

— Я приезжий. Казахского языка пока не знаю,— признается водитель.— Как твое имя будет по-русски?

— Мое?

— Да.

— Мое? — Нурлан задумывается.— Мое — «Свети, малыш».

— Очень хорошее имя,— радуется водитель. Нурлан радуется вместе с ним и говорит:

— Отец так назвал.

— Да?..

— Да!

Какое-то время водитель молчит, а потом тихо просит Нурлана:

— Ты маму не буди. Мы ей сейчас замену пришлем.

Он включает мотор, но не едет, смотрит на Нурлана, словно запоминает его на всю жизнь, и говорит:

— Не буди...

И, подавив желание сказать еще что-то, уезжает на тихой скорости.

А под белым небом в золотых хлебах остается красный комбайн.

Нурлан идет к маме.

Она по-прежнему как будто спит, дышит ровно, на щеках лежат рубчатые тени от ресниц. Нурлан ложится рядышком и закрывает глаза. А когда он открывает их, то видит, что мама сидит, закинув загорелые руки за голову, убирает волосы в тяжелый узел на затылке, и на маминых плечах покоится белесый небесный свод.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Отец

На стане, куда Нурлана и маму привезли отдыхать, пахнет кухней. В тени здания военный колет дрова. Зеленая фуражка, по краю тульи обшитая красным шнуром, сдвинута на затылок, и Нурлану неясно, почему она не падает на землю. На военном — пыльные яловые сапоги, брюки защитного цвета и гимнастерка с мокрыми подмышками. Топор выпрыгивает над головой, как лещ из воды, опускается на чурбан и со звоном разваливает его надвое.

А Нурлан с замиранием ждет, когда же с военного спадет фуражка.

Или никогда?

Может быть, там проволочки, зажимы или прищепки какие, чтобы фуражка стоймя стояла на затылке?

Вот-вот она готова упасть, но встряхиванием головы военный ловко возвращает ее на место и замечает Нурлана.

Мальчик видит его лицо.

Военный похож на отца, только постарше и с усами.

Может, это отец и есть? А наград и значков-то сколько на гимнастерке! Они незнакомы Нурлану, кроме комсомольского значка — крылышка красной бабочки...

Военный вздыхает полной грудью. Из опущенной руки его сам собой выпадает топор.

Бряк!

Военный идет к Нурлану, берет на руки и, напугав прикосновением усов, жестких, как щетка, целует и говорит:

— Сынок, как ты вырос!

Тут он видит маму и идет к ней с Нурланом на руках. Она глядит на него снизу вверх с восторгом и потаенным испугом, который никому, кроме Нурлана, не виден.

Мама обнимает мужа, целует и говорит-говорит, задыхаясь:

— Милый мой! Приехал... И ничего не прислал — ни телеграммы, ни письма, никакой весточки... Милый мой Тунгушпай[1] — мой первый и последний!.. Торопился? Скорее хотел нас увидеть!.. Разве я не понимаю? Родной мой... Сразу с поезда и сюда? Я чувствовала. Я все-все чувствовала!.. Сынто тебя узнал? Нурлан, кто это?

Мальчик нагибает голову и молчит.

— Кто я? — растерянно спрашивает военный. Мальчик мельком видит его усы и нагибает голову еще ниже.

— Кто я? — Голос у военного подрагивает от обиды, и мальчику становится жаль человека. Наверное, это все же отец, только немного не такой, не как в снах и воспоминаниях. Откуда вот усы взялись, да такие колючие? Правда, люди с бородами ходят, и ничего. Не шарахаются же от них знакомые. Привыкают. Терпят.

— Кто?..

Зажмурившись, мальчик храбро обвивает ручонками шею отца и, стараясь держать лицо подальше от усов, говорит:

— Папа мой...

Нурлану хочется, чтобы мать взяла его на руки, а там он, глядишь, привык бы к военному, перестал бы стесняться и побаиваться. Но отец не думает отпускать сына. Он колет лицо усами, как рогами бодает, и подбрасывает, и ловит на лету, так что степь раздается и встает на ребро со станом, рекой посредине и красными комбайнами по краям, по подолу.

Мальчик терпеливо сносит отцовские ласки и радуется про себя, когда мать отбирает его у мужа и ставит на землю.

— Ну, будет, будет! — говорит она.— Ты же его перебултыхаешь. А сам надорвешься...

— Я?..

Легко, как ребенка, отец берет мать на руки, кружится с ней, и оба они смеются.

Нурлан бежит от них, наслаждаясь свободой, но скоро ему становится одиноко, и он возвращается к родителям. Они не замечают его возвращения и говорят не наговорятся:

— Третьего дня я видела дрофу. Такая рыжая, длинная. Как баскетболистка! Ходила-ходила и

[1] Тунгушпай — первенец, первый (казахское имя).

улетела от моего комбайна. Я поняла: ты приедешь!

— А я сайгаков видел,— говорит Нурлан, но так тихо, что они его не слышат.

— Я тебя видел во сне, Галенька...

— Я не помню, когда я толком спала последний раз. До уборки я каждую ночь видела тебя во сне.

— А я сайгаков видел! — возвышает голос Нурлан, но почему-то и на этот раз они не слышат его, и ему думается, что отныне родители любят только себя, а у него на свете есть один дедушка, и больше никого.

Нурлан идет к обрыву, над которым веется березовый дух баньки, садится и смотрит в заречную даль, где за хлебами скрывается дедушкин сад. В мыслях Нурлан говорит старику:

— Дедушка, дедушка, какой ты хороший! Тебя не видно отсюда, но я знаю, что сейчас ты окапываешь яблоню, чтобы корням ее дышалось вольно. У тебя бессонница. А у меня сонница. Я столько сплю, что просыпаю много всего на свете. Возьми от моего сна столько, сколько хочешь. Нам его вот так хватит на двоих! Но я знаю: тебе от людей ничего не надо. Какой ты добрый, дедушка! Когда совсем-совсем невесело жить, я думаю о тебе или прихожу к тебе.

Думы Нурлана прерывают отец и мать. Они идут сюда со свертками, и по выражениям их лиц мальчик догадывается, что в мире произошло нечто важное.

Что именно?

— Куда ты убежал? — выговаривает мать и подает сыну сверток — полотенце, трусы и майку, завернутые в газету, и объявляет с великой радостью:

— С отцом в баню пойдешь!

Мужчины — отец и сын — раздеваются в предбаннике, присматриваются друг к другу, и, привыкая к отцу, подражая ему, Нурлан по-военному аккуратно складывает одежду на лавке и идет за старшим в парилку.

Жар — упругий, косматый! — перехватывает дыхание, толкается, и Нурлан пятится. Отец удерживает его, моет, трет колючей мочалкой, оглаживает

березовым веником, и мир качается в банном пару — горячий до звона в ушах и неразличимый.

Хотя почему неразличимый?

Нурлан видит красные, золотые, лазоревые камни каменки, и по ним, как человечек в башлыке, снует эфирный огонь. А отец уже окатывает сына из ковша прохладной водой и приговаривает:

Убегу от болей
На белом коне.
Ускачу от хворей
На красной лошади.
На золотой кобылице
Умчусь от напастей
В тихую долину,
На шелковые травы...

И камни каменки кажутся мальчику многоцветными конями, а эфирный огонь в башлыке — им самим: маленьким проворным, бесстрашным всадником!..

Отец заворачивает сына в мохнатое полотенце, выносит в предбанник, ставит на скамью, а сам убегает в косматый жар парилки, плотно затворив за собою дверь.

Мальчик с уважением прислушивается к сочным ударам веника, кряхтенью и стонам отца.

Слушать ему надоедает, и, не вылезая из полотенца, он идет к выходу мелкими шажками.

Мимо, облепленный березовыми листьями, пробегает голый, малиновый от жара отец с выпученными глазами.

С разбегу он подпрыгивает на порожке и ныряет в реку. Тотчас с дальнего плеса снимаются дикие гуси. В закатной мгле свистят их крылья, и нечто невыразимо вольное живет в этом свисте и хлопанье крыльев, отчего у мальчика сжимается сердце.

Сверху Нурлану хорошо видно, как под водой малиново светится тело отца, как он по-лягушечьи толкается ногами, и ему, раскаленному, должно быть, благостно в этой светлой, как роса, реке.

Наконец, отец выныривает, мотает головой, отряхивая с волос влагу, и издает победный клич:

— Воля!

И опять уходит в глубину остужаться, да так, что его не видно и не слышно. Нурлан беспокоится, сбрасывает полотенце, бежит вдоль берега и, похныкивая, зовет:

— Папочка-аа!.. Миленьки-ий!..

Отец показывается совсем не там, где его ожидал мальчик.

— Нурла-аан! Галя-яя! — кричит он и опять уходит под воду.

Но скоро выныривает и, отфыркиваясь, просит осевшим голосом:

— Сынок, баньку закрой.

Нурлан закрывает дверь в баньку, чтобы не вышел жар, садится на сухой порожек и не выпускает из виду отца, который никак не может остыть и с пеной бороздит плес вдоль и поперек.

Над плесом загорается звезда — голубой алмаз с отколотыми углышками, и тихо-тихо становится на земле. Так тихо, что никаких звуков на ней нет, кроме плескания и фырканья отца.

После бани отец, несколько не похожий на себя — багроволикий, с распушившимися усами, пьет чай в столовой. На стане остались мама, что после мужчин тоже парилась в бане, повариха Алевтина и Нурлан.

Отец пьет густой чай, пиалу за пиалой, голый до пояса, а мать то и дело промокает пот на его груди и спине двумя полотенцами.

— Простуда выходит,— говорит отец.— Прошлая и будущая.

Он глядит на Нурлана, а Нурлан на него и, не выдержав, просит полотенце у матери:

— А я?

Бережней бережного сын вытирает сильные бронзовые плечи отца, дотрагивается до белой отметины на шее и спрашивает:

— Папочка, пуля?..

— Простуда,— говорит отец.— Стояли мы на острове с пушкой и пушке окоп долбили. Ломы ломались — до того земля закаменела от холода. Тут меня и прихватила простуда, но я виду не подал, с батареи не ушел...

— Как дедушка! — радуется Нурлан.— Его на Лысых горах ранило, а он из окопов тоже не ушел.

— Как его здоровье-то? — спрашивает отец.— Не болеет?

— У стариков одна болезнь — старость,— отвечает мать.— А так ничего. Хлопотливый.

— Он всю жизнь такой — мой родной прадедушка,— улыбается отец и гладит Нурлана по голове. Рука у отца сильная, а гладит он легонько, как целует, и Нурлан спрашивает:

— Папа, ты много раз стрелял из пушки?

— Приходилось.

— А уши затыкал?

— Никогда.

Нурлан вспоминает грозу и удивляется:

— Почему ты уши не затыкал?

— Потому что я солдат. Артиллерист. А артиллеристы никогда не затыкают уши. Я открывал рот, чтобы не лопнули барабанные перепонки.

— А если в рот бабочка залетит? — вслух задумывается Нурлан.— Она залетит и вылетит?

Разморенный баней и чаем, отец улыбается, одной рукой гладит Нурлана, а другой маму, и от этого мальчику хорошо: все трое рядышком, вместе, и по всем трем идет одно тепло.

— Ты кого-нибудь убил из пушки? — спрашивает Нурлан и пугается своего вопроса.

— Никого,— говорит отец.— Я на учениях только стрелял... Всякое было. А через границу они не пошли, побоялись. Советский Союз все-таки!..

Повариха Алевтина, подперев щеку рукой, с добром глядит на всех троих и говорит, как поет:

— Хорошо нынче на стане. Тихо. Покойно. Весь народ в чистом поле... Страда. Вот мы и страдаем.

— С утра тоже в поле пойду,— вслух загадывает отец.— А то и раньше.

Воспоминания об отце доармейском, безусом сейчас приходят к мальчику, живые и явственные, и, соприкасаясь с явью, наполняют душу человека неизъяснимым счастьем, от которого теснится дыхание. И это здание, пропахшее кухней, и эта речка, и эта банька-землянка, и эта степь, и небо над ней так милы мальчику, как прежде не были милы никогда, оттого что они освящены присутствием родителя.

Нурлан всматривается, вслушивается в отца, вдыхает его тепло и, как ягненок, трется головой о его руку.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Разговор с лиственницей

Ближе к вечеру Нурлан собирается встречать родителей. На стане никого нет, кроме поварихи Алевтины. Да на вешалке висит черная кожаная фуражка. Ее забыл Инкогнито, которого за ненадобностью отправили в город. Эта фуражка почему-то беспокоит Нурлана. Он старается быстрее прошмыгнуть мимо нее и по пыльной дороге бежит в поле.

Там, где работают родители, над полем, как зеленая округлая гора, возвышается пятисотлетняя лиственница.

Она одна-одинешенька на все величайшее безлесное пространство.

Задолго, не доходя до дерева, Нурлан снимает фуражку.

Лиственница растет в плоской круглой лунке, куда, оберегая от засухи, сбегаются дождевые и вешние воды. Узловатый ствол ее, мученный морозами и ветрами, ветвится невысоко от земли, и весь он в морозобойных трещинах и буграх-мозолях, как ладонь крестьянина. Лиственница лоснится юной хвоей, мягкой, как травушка, источает запах смолы, и он напоминает о том, что севернее этой степи шумят Шишкинские боры, где в самую жаркую погоду — тень и прохлада.

Мальчик распахивает руки, обнимает, сколько может захватить, теплый древесный ствол, прижимается к нему щекой и близко видит натек смолы.

А в нем, как синий жук в янтаре, запеклось железо. Четырехгранник.

Наконечник боевой стрелы!

Какую тайну хранит он, кованый кусочек металла? Были времена, когда такой стрелой лучший лучник насквозь пробивал трех сайгаков на бегу — на лету. Или доставал белого лебедя под облаками и относил на царскую кухню. Или просекал самую крепкую кольчугу...

А что, если извлечь наконечник из засмолка и показать отцу? Отец про оружие многое знает.

Чем извлечь-то?

Да и больно будет дереву: живое оно.

Нурлан гладит его, пальцами опробует наросты, неровности, морозобоины, слышит тяжелый потаенный гул и мысленно разговаривает с деревом:

— Кого ты помнишь, Старая Лиственница?

— Я помню всех, кого встречала на своем веку.

— Долог ли твой век?

— Во сто раз длиннее твоего.
— Тебе хочется в другие страны?
— Как это?
— А так. Всю жизнь ты стоишь на одном месте. Нигде не была, никуда не ездила. Разве тебе не хочется объехать весь мир?
— Нет.
— Почему? Разве это плохо: «лиственница-путешественница»?
— Здесь я слышу весь мир. Мои корни ветвятся глубоко-глубоко, припадают к чистейшим родникам тысячелетий, и этим я жива. Мои корни слышат всю Землю, ее мантию и удары расплавленного слитка — сердца Земли.
— У Земли — крепкое сердце?
— У нее огромное горячее сердце. Оно крепкое, если ему не мешать. Люди пробиваются к нему. Если задеть его неосторожно, оно может остановиться. Скажи людям, чтобы они берегли сердце Земли. Ты им скажешь?
— Я им скажу обязательно!
— Говорить мало: ты должен сберечь сердце Земли.
— Один?
— Нет, конечно. Хороших людей много. Если вы сохраните сердце Земли, она будет жить долго-долго.
— Вечно?
— Не знаю. Ночами я простираю ветви в небо, вижу и чувствую звезды, постигаю их свет и пути. Я знаю: забытая звезда падает и гаснет. Погасшее не возгорается. Земля, если не любить ее, тоже может погаснуть.
— Мы не дадим ей погаснуть!
— Я верю.
— Скажи, Лиственница, кто это шумит в твоих ветвях?
— Птицы большие и малые, как бабочки. Их так много, что я сбилась со счету. Без них я не жила бы так долго. Я знаю: без меня им будет худо,— и живу.
— А одинокий орел-могильник?
— Сейчас он здесь. Дремлет в брошенном вороньем гнезде. Слышишь, он переступает с ноги на ногу, отчего гнездо крошится и трещит?
— Почему он не построит себе орлиное гнездо?
— Я спрашивала почему. Он говорит: «Представь себе, я построю орлиное гнездо. Но для кого? В нем не будет орлят. А без орлят — гнездо не гнездо».
— В твоем теле сидит наконечник стрелы. Хочешь, я выну его?
— Во мне сидит много железа, и от этого тело к непогоде болит. Но вынимать железо не надо: оно срослось со мной.
— Почему так много в тебе железа?
— Потому что я заслоняла людей от него, чтобы они были живы.
— Ты даже нагибалась?
— Как могла.
В ветвях лиственницы то ли летают птицы, то ли перепархивает солнце, то ли отдыхает ветер, отчего вся она наполнена летучим светом и ропотом.
Налетает ветер, отчего хвоя лиственницы искрится и переливается, и яснее ясного из поля доносятся голоса машин.
Нурлан надевает фуражку и что есть духу бежит на закатное солнце, туда, где полоса родительских комбайнов. Опутанное хлебными колосьями, оно трепещет красным карасем, выброшенным из озера в сухую степь, и в горячих токах воздуха края солнца бугрятся и растекаются к ногам мальчика.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Паутинка

Ранней осенью, когда хлеб в полях убран и приезжие механизаторы разъезжаются по городам, в степной поселок приехала автолавка — грузовая машина с магазином: кузовом под крышей.
Нурлан с родителями стоит позади толпы и видит одни спины и затылки.
Чем там торгуют?
Отец сажает его на плечи, как на первомайском параде. Мир сразу раздвигается-раздается, и дышать становится легче. Ближе облака, степь, и, долетая из нее, полынный ветер ерошит мальчику волосы.
Хорошо!
А в глубине магазина-кузова, как поленья в русской печи, пылают красками золотые платки с красными журавлями — накидки на телевизоры. Кроме них, если присмотреться, всякого товару видимо-невидимо. Продавщица, немолодая женщина с обветренным лицом, еле успевает рассчитываться с покупателями и то и дело кричит:
— Сдачу возьмите!
Мелочь она кидает в коробку из-под леденцов, а бумажные деньги кладет на ящик и, чтобы их не унесло ветром, придавливает камнем-голышом.
Накидки, как золотые птицы, выпархивают из рук продавщицы.
— Все! — объявляет она.— Улетели журавлики.
Народ ахает и начинает разбирать остальной товар. Кружатся-роятся голоса:
— Кофта какого размера? Шестьдесят восьмого?..
— Неужели такие размеры бывают?
— Да таких женщинов-то нету!
— Может, за границей они есть? Наклейка-то заграничная.
— И у нас есть.
— Где?
— Да в поселке Теренсай!
— Ааа...
— Так она, грубо говоря, великан.
— Почему «грубо говоря»? Ничего грубого нет: очень даже симпатичная особа.
— Не привозите вы нам такие размеры!
Над общим гулом парит голос продавщицы:
— Да сядет кофточка, сядет! От стирки уменьшится. Раза три постираете, и вы будете ходить приталенная. Из большой маленькую скроить недолышко! Где вы еще видели такую красоту?
Продавщица так расхваливает свой товар, что Нурлан удивляется, почему родители ничего не берут.
Он чувствует, что они собираются идти домой подальше от шума, и тянет:
— А я сейчас игрушку или книжечку выберу-уу. Ох, и выберу-уу!
Но игрушек и книг нигде не видать.
А груда денег растет и клубится и все норовит разлететься из-под камня-голыша.
— Того, чего нам надо, я не вижу,— говорит отец.— Домой пойдем.
Мать просит:
— Постоим еще!..
— Чего стоять-то? — удивляется отец.— Мы тут ничего не выстоим.
— Все в поле, в поле,— оправдывается мать.— Здесь хоть на людей посмотрим...
— Смотри.

Нурлану тоже охота подольше побыть на людях. Вот он видит Богдана и Светлану. Отсюда, сверху, с отцовских плеч, они кажутся маленькими, и мальчик покровительственно машет им рукой. Богдан по обыкновению не замечает его и, заложив пальцы за борт пиджака, что-то важно говорит Светлане. А Светлана в очках — она, наверное, просто не видит Нурлана, не различает его оттуда.

— Ээх! — думает Нурлан про Богдана.— Такой молодой — шесть лет,— а уже в пиджаке ходит. Что дальше-то будет? Может быть, он роль какую-нибудь получил у Натальи Николаевны — у королевы?.. Вживается в эту роль.

А где она — королева-то?

Нет ее.

Вряд ли она станет толкаться у автолавки.

Ээх!

Нурлан смотрит на облака. Они близко — тихие, рыхлые — с утра закрыли солнце, собираются, да, пожалуй, сегодня так и не соберутся пролиться дождем.

— Что вы, облака, там делаете? Дождик задумали? Эх, вы, облачонки! — мысленно и вслух разговаривает с ними мальчик.— Погодили бы пока. Вон народу сколько на площади.

Отец опускает Нурлана на землю, и облака сразу уходят высоко-высоко.

— Не люблю я в очередях стоять. Не мое это занятие,— говорит отец.

— А я разве люблю? — Мать берет его под локоть, снизу вверх заглядывает в лицо, смеется громко, и все трое идут вдоль толпы — то ли домой, то ли в кино на дневной сеанс, то ли гуляют, чтобы людей посмотреть и себя показать.

По пути они встречают приезжего из города — того самого, что снят с мамой на одной фотографии, а в страду работал шофером. Сейчас он в пиджаке из искусственной кожи, потрескавшейся от жары. Лицо загорело дотемна, волосы выгорели добела и словно поредели.

Он первый подает руку матери, потом отцу и шутливо пожимает ладошку Нурлану.

— Свети, малыш! — говорит он, улыбаясь изо всех сил, отчего мальчику кажется, что приезжий вот-вот чихнет.— Славное имя.

— Папа придумал! — радуется Нурлан и смотрит на отца. Но тот почему-то не радуется.

— Да?..— рассеянно спрашивает приезжий.— А я уезжаю. Время пролетело, как один день. С завода сюда звонили и дозвонились: «Когда главный инженер приедет?» А я так привык к этой степи!

— Погода вот только подвела,— хмурится отец.

А мать перебивает:

— Это разве подвела? В иных районах все сгорело.

— Да?..

Приезжий краснеет на глазах, достает из внутреннего кармана пиджака что-то завернутое в бумагу и подает матери.

— Это от меня,— конфузится он.— Прошу понять правильно... Подарок всей семье...

Мать извлекает из бумаги шелковую косынку и, качая головой, ласково выговаривает:

— Что вы придумали? Зачем так тратиться?

— Какие траты? — Приезжий смотрит на мать и на отца.— Не обижайтесь, пожалуйста!.. Вместе учились... На добрую память. Может, не увидимся больше.

Почему-то все молчат.

Мать повязывает косынку, снизу вверх глядит на мужа и на приезжего. Сейчас она похожа на девочку с той фотографии, только в венке из васильков. Нурлану кажется, что глядит она на нечто яркое, отчего глаза ее увлажнены.

Приезжий неловко кланяется и хочет уйти.

Отец улыбается и, сверкая зубами из-под усов, говорит:

— Зачем так спешить?

И жестом приглашает следовать за ним.

Нурлан видит, как бьется темная жилка на виске у отца, и ему становится боязно. И еще он видит: в глубине автолавки, словно под сводами пещеры, висят зимние пальто и обликом своим напоминают людей, что втянули головы в плечи и замыслили что-то недоброе. Мальчик старается не смотреть на них и слышит, как отец просит показать ему оренбургский пуховый платок.

— Вам «пуховку» или «паутинку»?[1] — осведомляется продавщица.

Отец не успевает ответить: прохожие подсказывают наперебой:

— «Пуховка» лучше, практичнее.

— А «паутинка» ажурней!

— С ажуру шубу не сошьешь!

— Холода придут — в ажур не спрячешься.

— А под венец?

— О чем вы говорите? Там все в ажуре.

Толпа тянется к платкам, чтобы на ощупь узнать, какие они, но продавщица убирает товар и сердится:

— Руками не трогать! Ручная работа. Ей цены нет. На валюту идет.

Народ волнуется:

— Как это не трогать? Кота в мешке покупать прикажете?

— Человек такие деньги платит.

— Настоящий платок через золотое кольцо пропускают!

Продавщица заявляет решительно:

— Никаких колец. А если он не пройдет да порвется? Мне всю жизнь расплачиваться? Спасибо!

Жилка на виске отца бьется чаще частого. Ни к кому в отдельности не обращаясь, он спрашивает:

— Есть у кого обручальное кольцо?

И сразу тишина.

Народ только что с поля, принарядиться, кольца надеть не успел, не ждал такого случая, и — вот, пожалуйста, помочь человеку нечем.

— Да что вы все холостые, что ли? — говорит продавщица.— Хорошо живете! До седых волос в молодых. Одна я замужем, да и то всю жизнь в свадебном путешествии. Эх, была не была!..

Она пытается снять кольцо с безымянного пальца и жалуется:

— Мясом заросло. С самой свадьбы не снимала...

Наконец-то кольцо снято, и под причитания «Ой, боюсь, женщины! Ой, боюсь...» продавщица подает его отцу, а потом и платок — «пуховку».

В тишине, держа обручальное кольцо большим и указательным пальцами левой руки, отец поднимает его, чтобы всем было видно. А правой рукой, как нитку в иголку, сверху вдевает в него уголок платка и не столько тянет, сколько подхватывает его снизу.

Платок пробегает сквозь кольцо, словно соскальзывает с него, как змеиная шкурка, и опускается было на землю, но до земли не долетает и белой смирной птицей садится на ладонь отца и вздрагивает.

---

[1] «Пуховка» — толстый платок. «Паутинка», или, как ее часто называют, «путинка»,— тонкий, сквозной платок. Вяжутся они из козьего пуха.

— Чистый пух! — ахает толпа. А отец с раскрасневшимся лицом просит у продавщицы «паутинку» и говорит, что заплатит сразу за оба платка.

Продавщица подает ему ажурный, как кружево, платок и весело причитает:

— Ой, боюсь, женщины! Ой, боюсь!..

А бояться нечего: «паутинка» легче «пуховки», и она словно сама собой падает сквозь кольцо. Толпа опять ахает:

— Чистый пух!

— Это не подделаешь...

— Какая подделка? Тут все натуральное.

— Природа!..

Продавщица получает от отца деньги, подает ему покупки, по отдельности завернутые в вощеную бумагу, и хвалит его:

— Вот это покупатель! Вот это мужчина! Ой, боюсь: уведут его чужие женщины от жены. Ой, уведу-уут!..

— Все может быть, — соглашается отец. — Только не это.

Темная жилка на виске отца, вспухая, бьется чаще, и радость, объявшая было душу Нурлана при торговом зрелище, гаснет. Он старается не смотреть в пещеру, где, словно люди без голов, теснятся зимние пальто, и, не оглядываясь, бежит за отцом.

— Папа-аа!..

Отец подает приезжему пакет с «паутинкой».

— Примите от нашей семьи,— говорит он с некоторой торжественностью.

— Такой дорогой подарок,— отмахивается приезжий.— Не могу.

— Почему? — улыбается отец, сверкая белыми зубами из-под усов.— Вы нас обижаете. Мы ваш подарок приняли. С благодарностью.

— Да?..

Приезжий растерянно глядит на маму в косынке.

— Да,— тихо отвечает она.

— Да! — подтверждает Нурлан. А отец добавляет:

— Жене отдадите.

— У меня ее нет,— говорит приезжий.

— Будет! — улыбается отец.

Приезжий опускает голову, говорит в землю:

— Нет...

— Почему? — успокаивает мама.— Будет обязательно.

Он вскидывает голову, глядит на маму и говорит только ей:

— Спасибо...

Поворачивается и, не прощаясь, уходит — прямой, с намечающейся лысиной в русых волосах. Он идет через площадь все дальше и дальше, туда, где улица проемом вдается в степь, в рыхлые облака, которые сегодня весь день собираются пролиться дождем, да никак не соберутся.

Нурлану жалко приезжего, и легко, оттого что он ушел, и жутковато. Ему охота, чтобы отец взял маму под руку, но родители идут порознь и словом не перемолвятся.

Дома мать выговаривает отцу:

— Сколько ты денег истратил, господи... Это же подумать немыслимо сколько! Ты им счета не знаешь, а я хозяйка...

Отец перебивает чужим голосом:

— Галя, может быть, ты все же наденешь мой подарок?

— Я?..

— Ты.

— Я...

Мама медленно снимает косынку, хрустя бумагой, медленно разворачивает «пуховку», и движения у нее — это Нурлан отлично чувствует — безвольные, как во сне.

Она зябко передергивает плечами и кутается в пуховый платок.

Что-то вспоминает, собирается с силами и подходит к зеркалу.

Лежит платок на плечах мамы, как сотворенный из снежинок, и не тает. Он клубится и ластится — лебяжий туман, чистое дыхание степи. А в зеркале мама не походит на себя: нездешней и краткой видится Нурлану мамина красота, и глаза ее далеко-далеко, за тридевять земель...

Если мама уйдет туда, куда глядят ее глаза? Что делать-то?

Пока не поздно, Нурлан хватается за ее запястье, да так сильно, что женщина вскрикивает.

— Сынок, ты что? — шепчет она.— Зачем так, а?

Она берет сына на руки, ходит с ним по комнате, и в глазах ее, удивленных и всепонимающих,— тихая боль и возвращение в этот мир, где она родилась, и где родился ее ребенок, и где когда-то, как заклинание, как оборону от бед, она шептала над его колыбелью:

— Зернышко ты наше!..

— Зернышко-оо.

ОКОНЧАНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Никогда не кончается

Журналист ленинградской газеты «Смена» Юрий Ковешников приглашает тебя в поход, который никогда не кончается,— в поход по местам боевой, революционной и трудовой славы нашего народа. Эта книга написана вместе с сотнями тысяч красных следопытов — наследников славы своих дедов и отцов. Вместе с ними по дорогам Ленинграда и Ленинградской области, по дорогам страны шагал корреспондент «Смены». И он знакомит тебя с уникальными открытиями. Ребята Ленинградского Дворца пионеров имени А. А. Жданова открыли новый адрес, по которому жил Владимир Ильич Ленин. И сегодня их открытие вошло в план экскурсий по ленинским местам. Поиск длился долгое время, и все же ребятам удалось доказать точный адрес пребывания Ленина на даче Л. Х. Гоби.

А сколько удивительных открытий сделали красные следопыты на легендарной ленинградской земле! За каждым таким поиском — огромный труд и огромная любовь к истории Отечества. В книге ты познакомишься с хроникой финалов Всесоюзного похода комсомольцев и пионеров, побываешь в Бресте, Ленинграде, Киеве, Иванове, Ульяновске, Волгограде, где собирались красные следопыты.

Советуем тебе прочитать эту маленькую, но очень интересную книгу, выпущенную Лениздатом.

ТЕЛЕГРАФ ТЧК
ТЕЛЕГРАФ ТЧК
ТЕЛЕГРАФ ТЧК

Тимуровцы пионерского лагеря имени Ю. А. Гагарина помогают всем, кто нуждается сейчас в пионерской заботе. А когда объявили трудовой десант в колхозе «Красный восход», тимуровцы вышли в поле. Собирали колорадского жука с картофеля, пололи ряды, выполняли каждый по две нормы — одну за себя, а другую за погибших комсомольцев и коммунистов, которым поставлен обелиск в поселке.

Старшая пионерская вожатая Е. Рябинина.

Началась пятая, трудовая четверть. Тимуровцы клуба «Чайка» деревни Сендимиркино Вурнарского района ЧАССР работают в лагере труда и отдыха. Заготовили веточного корма более 50 тонн, собрали и сдали 500 килограммов лекарственных трав, пропололи 2,3 гектара моркови, 2 гектара свеклы, высадили рассаду капусты на площади 2,3 гектара. Тимуровский ансамбль ложкарей выступил на районном празднике песни и труда, выезжал с концертами на колхозные поля.

Командир клуба Александр Назаров.

ПОИСК!

Началось все с того, что в один из своих походов пионеры 7-го класса «В» Троицкой средней школы Челябинской области нашли могилу неизвестного летчика. С трудом удалось разобрать первые буквы фамилии и инициалы. Ребята сразу же взялись за дело. Расспросили всех жителей близлежащих деревень, разослали запросы в архивы и наконец получили скромные сведения. Имя летчика — Калмыков Петр Порфирьевич, погиб в 1942 году. А еще узнали тимуровцы, что в Туле живет сейчас сестра Петра Порфирьевича. Сразу же телеграммой сообщили ей о волнующем событии, попросили приехать в гости. Это было накануне Дня Победы. Ребята знали, что на торжественный митинг «... И сорок лет спустя» приедут вместе с сестрой Петра Порфирьевича его друзья, однополчане, родственники. Каждому следопыту было дано важное задание — встречать гостей. Одни дежурили на железнодорожном вокзале, другие с 11 часов утра до 6 вечера на автобусной остановке встречали гостей из Тулы. Штабом стала квартира классной руководительницы 7 «В» Анны Яковлевны Лагутиной. Туда приезжали все гости.

И вот наступил торжественный день 9 Мая. У могилы Петра Порфирьевича Калмыкова собрались ветераны войны, пионеры, воины. Много узнали ребята на этом митинге — рассказывали друзья, родственники летчика и решили создать в школе комнату боевой славы. И первое дело, которое они организовали,— поездка в Борисоглебск, на родину погибшего героя.

Юнкор Лариса Прохина.

ПУСТЬ СВЕТИТ!

Дорогие тимуровцы!

К вам обращаются ребята из тимуровского клуба «Пусть светит!» Аграмаковской восьмилетней школы Куйбышевского района Татарской АССР.

Мы создаем в своей школе музей нашего любимого писателя Аркадия Петровича Гайдара. Это очень трудное дело, особенно в сельской школе. Мы проводим большую поисковую работу, но материалов для открытия музея у нас пока недостаточно. Нам нужны книги Гайдара и о Гайдаре на русском языке и языках народов СССР и зарубежных стран, фотографии, открытки, газеты и журналы с заметками о нем.

Может быть, на наше письмо отзовутся люди, знавшие Аркадия Петровича. Их воспоминания оказали бы нам неоценимую помощь. Мы надеемся, что у нас появятся новые друзья, завяжется переписка. САЛЮТ ГАЙДАРУ!

От Всесоюзного Штаба Тимура. ***Красные следопыты, тимуровцы разных поколений, помогите ребятам из села Аграмаковка собрать интересный материал для музея А. П. Гайдара. Адрес клуба: 422859, Татарская АССР, Куйбышевский район, село Аграмаковка, музей А. П. Гайдара.***

Рисунки В. КУРОЧКИНОЙ.

ВЕЛИКИЕ БИТВЫ СОРОК ТРЕТЬЕГО ГОДА

БИТВА НА

ВИКТОРИНА ДЛЯ ЮНЫХ ИСТОРИКОВ

Ведет викторину писатель А. МИТЯЕВ.

Пятьдесят огненных дней

В феврале 1943 года Советская Армия закончила ликвидацию фашистских войск, окруженных у Сталинграда. Гитлер и его генералы, потрясенные катастрофой на Волге, начали планировать на летние месяцы гигантское сражение, в котором намеревались взять реванш за Сталинград.

В районе Курска линия фронта изгибалась дугой, обращенной выпуклой частью на запад. Оборонялись там войска Центрального и Воронежского фронтов. Фашисты решили нанести с концов дуги — с севера от Орла и с юга от Белгорода — мощные удары навстречу друг другу и таким способом превратить дугу в кольцо, окружить советские армии.

Враг приготовил к решающей битве больше двух третей танков, две трети самолетов, находившихся на советско-германском фронте. Особые надежды фашисты возлагали на новые тяжелые танки «тигр», средние танки «пантера» и самоходные орудия «фердинанд».

Наша разведка добыла сведения о подготовке этой операции еще весной. И можно было упредить противника — самим начать наступление, пока враг не сосредоточил все силы. Советское командование решило, что целесообразнее встретить врага в обороне, на подготовленных позициях уничтожить его танки и уже после этого пойти в контрнаступление.

Фашисты назначили свое наступление на 3 часа утра 5 июля. Наша разведка узнала и об этом. В 2 часа 20 минут советская артиллерия нанесла мощный удар по вражеским войскам, приготовившимся к атаке. Еще не наступая, враг понес большие потери. Курская битва началась. Постепенно обе стороны вводили в битву все новые войска. Число сражавшихся превысило 4 миллиона человек.

Всего через неделю боев, по сути, ничего не добившись, а только потеряв множество танков, фашисты стали переходить к обороне. И тогда началось наше контрнаступление: 12 июля на севере от Курска, 3 августа — на юге. Множество городов было освобождено от оккупантов. Со взятием 23 августа города Харькова битва, длившаяся пятьдесят дней, закончилась.

Враг потерял больше полумиллиона солдат и офицеров, около 1500 танков, 3000 орудий и свыше 3700 самолетов. Перед нашими войсками открылись пути на Украину и в Белоруссию. После Курской битвы гитлеровская армия постоянно отступала, откатывалась на запад. И ни у кого во всем мире уже не было сомнения, что фашистская Германия оказалась на пороге позорного краха.

Подвиг разведчика

Как уже говорилось, советское командование заблаговременно получило сведения о планах гитлеровцев на лето 1943 года. Их добыл наш знаменитый разведчик с помощью подпольщиков города Ровно, действовавших в тылу врага. Этот мужественный человек выстрелом из пистолета убил главного фашистского судью Украины Функа, уничтожил двух заместителей фашистского генерального комиссара Украины палача Коха, похитил фашистского генерала Ильгена, совершил много других героических дел.

Вопрос викторины: *Назовите имя легендарного разведчика.*

КУРСКОЙ ДУГЕ

ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Величайшее сражение танков

12 июля произошло крупнейшее во всей второй мировой войне танковое сражение. С обеих сторон в нем участвовало 1200 танков и самоходных орудий. Враг сделал последнюю отчаянную попытку прорваться к Курску с юга. На широком всхолмленном поле наши танки вошли в боевые порядки танков врага. Орудия били с близкого расстояния; израсходовав снаряды, танки шли на таран. Грохот взрывов, скрежет металла, дым, пламя, рукопашные схватки танкистов, покинувших горящие машины,— так было целый день до сумерек. Обе стороны понесли огромные потери: триста боевых машин потеряли мы, четыреста — фашисты. А победа была наша. Последняя попытка врага атаковать была отбита.

Вопрос викторины: *Как называется населенный пункт, у которого произошло танковое сражение?*

В курском небе

В Курской битве отличились все наши войска: танкисты, пехотинцы, артиллеристы, саперы, связисты... Храбро бились с врагом и летчики. Старший лейтенант Алексей Петрович Маресьев после ампутации обеих ступней сражался в курском небе и сбил трех фашистов. Иван Никитич Кожедуб, ныне трижды Герой Советского Союза, а тогда еще начинающий летчик-истребитель, в первый свой вылет сбил фашиста, во второй — еще один самолет, в третий — два. По нескольку раз в день летал на штурмовку танков Георгий Тимофеевич Береговой; его ИЛ был подбит, летчик выпрыгнул из горящей машины с парашютом, добрался до своей части и снова воевал. Удивительный подвиг совершил тогда сын белорусского крестьянина старший лейтенант Александр Константинович Горовец. В одном бою он сбил девять вражеских бомбардировщиков. Такое не удавалось никому в мире. Горовец погиб после этого боя: расстреляв весь боезапас, он оказался беззащитным перед вражескими истребителями.

Вопрос викторины: *Какая книга написана о летчике А. П. Маресьеве? Сколько самолетов сбил за войну летчик И. Н. Кожедуб? Какой подвиг совершил летчик Г. Т. Береговой после войны?*

Салют Москвы

Воинские части, соединения, объединения награждались за коллективный подвиг орденами, им присваивалось гвардейское звание. В дни Курской битвы в честь отличившихся войск в Москве начали производиться артиллерийские салюты, этим войскам присваивались почетные воинские наименования.

Вопрос викторины: *Освободителям каких городов салютовала Москва впервые? Когда? Какие почетные воинские наименования были присвоены первыми?*

Дорогой «Пионер»! Ты созываешь нас, взрослых пионеров прошлых лет, принять участие в сборе-поиске «Верность красному галстуку», просишь, чтобы взрослые помогли пионерам организовать общие дела, а потом рассказали о них. Вот я и рассказываю.

Пятый год я классный руководитель теперь уже 8-го класса. Когда наша страна начала выполнять Продовольственную программу, пионерский отряд нашего класса решил взять на доращивание трех поросят в совхозе «Тимково», что находится в Бологовском районе Калининской области. Школа наша сельская, в ней всего 45 учеников и 10 учителей. Как и во многих других селах, в нашем Кофтине в каждом классе занимается не более шести — девяти человек. В моем классе пять девочек и один мальчик, и мы решили, что каждый ухаживает за поросятами один раз в неделю. А в неделе-то семь дней. Вот и стала я седьмой, рядом со своими учениками.

Посчитали мы, что в 1990 году будет моим ученикам лет уже не так мало, станут они специалистами в той или иной профессии и им приумножать богатства Родины. За короткое время этому не научишься. Надо учиться ответственности, шагая от высоты к высоте маршрутами Марша юных ленинцев «Мы дружбой ленинской сильны!».

Ухаживать за животными трудно. Они требуют корма, чистоты, теплой подстилки и — ласки. Но мы знали, что взялись за дело государственной важности, и это нас поддерживало. А еще поддерживало нас то, что помогали нам и кормами, и травой все пионеры дружины. Они все время приходили в сарай, который мы оборудовали для поросят. Мальчики убирали навоз. Нашему Юре Васильеву помогали Вася Зимицкий и Юра Николаев. Все вместе мы косили сено, сушили траву, переживали, когда поросята, совсем еще маленькие, заболели. Помогали нам и родители наших пионеров. Отцы смастерили для поросят корытца, а матери постоянно подсказывали, как лучше ухаживать за животными. Ветеринарный врач С. В. Гусев учил нас лечить поросят, у которых животы разболелись. Их ведь оторвали от маток, дали непривычную пищу, поместили в незнакомом месте.

Теперь мои ребята кончили 8-й класс, вступили в комсомол. Провели вечер встречи с выпускниками нашей школы, бывшими нашими пионерами и комсомольцами. Тема разговора — рассказ о своей профессии. Так хочется, чтобы мои ученики стали специалистами в деле, которое выберут для себя на всю жизнь.

Лидия Михайловна Мамаева, учительница, село Кофтино, Калининская область.

ПОХОД БЕРЕЖЛИВЫХ

«**Зорька**», газета пионеров Белоруссии, сообщила, что Фанипольская средняя школа Дзержинского района — это один большой и дружный отряд бережливых. В этом прекрасном отряде каждый пионер что-то умеет делать сам, своими руками, и все берегут школу и школьное имущество. Стол, стул или парту, как утверждает «Зорька», в этой школе всякий починит. А некоторые ребята могут даже выполнить сборку и крепление верстаков и шкафов. То, что сам построишь, не станешь разрушать, разумеется. Ребята еще сами озеленили классы и кабинеты, украсили коридоры. Возможно, поэтому в классах и кабинетах всегда чисто и нарядно. Вокруг школы посажены деревья и кустарники. Летом школу не надо капитально ремонтировать, надо только

еще раз все внимательно посмотреть и чуть-чуть подновить свой дом к следующему учебному году.

«**Юный ленинец**», газета украинских пионеров, рассказывает об отряде бережливых из 8-й школы г. Борисполя. Здесь кабинеты русского языка, украинского языка, математики три года не ремонтировались — ремонт попросту не требовался. В библиотеке нет ни одной растрепанной книги — ребята сами приводят их в порядок. Тут тоже нет проблемы, когда надо починить стол или стул или замок в дверь врезать. Тут не пропадает зря ни одной крошки хлеба, ни одной капли воды и свет не горит зря.

РАЗГОВОР СО ВЗРОСЛЫМИ

В 4-м номере «Пионера» мы уже сказали, что будем публиковать письма ребят, в которых они рассказывают о том, как трудно складываются отношения со взрослыми. Но, разумеется, в том случае, если согласимся с ребятами и сочтем возможным обратиться ко взрослым с просьбой пересмотреть позицию. Вот такое письмо.

ЭТО БЫЛА НАША ДВОРНЯЖКА

Пишут вам ребята со всего двора дома 86 улицы Гагарина города Омска. В прошлом году к нам во двор прибежал маленький щенок. И остался у нас жить. Мы его назвали Тошкой. Это была дворняжка, такая хорошая! Жила она у нас в будке. Мы ее кормили и любили. Все наши ребята любят животных.

Тошка была наша собака, наша дворняжка. Мы надели ей ошейник, чтобы никто не подумал, что она ничья.

Но прибежала злая женщина, комендант нашего дома, и увезла Тошку. Говорят, что она увезла ее в лес, но точно никто не знает. Мы искали нашу собаку. Искали, но не нашли. Мы перестали здороваться с комендантшей. Мы вообще не можем ее видеть. Но разве это поможет нам? Тошку уже не вернешь.

Все ребята нашего двора.

Товарищи взрослые! Ваше мнение? Ждем писем!

НАСТОЯЩЕЕ ДЕЛО

Мы стараемся помогать взрослым выполнять Продовольственную программу. В нашей школе четыре пионерских отряда, и каждый выращивает поросят. Мы их кормим кукурузой и остатками хлеба, которым не даем пропадать в буфете. Приносим поросятам корм и из дома. За пять лет мы сдали государству больше чем полторы тонны мяса. В одиннадцатой пятилетке мы обещаем сдать две тонны мяса. Наша пионерская производственная бригада выращивает эфиромасличные культуры, герань, базилик и получает высокие урожаи. Еще бригада «Нартаа» собирает казанлыкскую розу и сдает государству 4—5 тонн каждый год. Недавно мы побывали на эфиромасличном заводе нашего села и своими глазами увидели, как перерабатывают розу, герань и базилик. Мы, пионеры, стараемся внести свой вклад в большую работу взрослых.

От имени совета дружины
председатель совета Асмат Лагвилава,
с. Тамыш, Очамчирский район, Абхазская АССР.

Ребята, просим всех, кто пошлёт письмо в нашу новую рубрику, ставить на конверте «Отряд говорит с отрядом». Ждём ваших писем!

Страничка для размышлений

Кто в лагере хозяин?

«Наш лагерь «Юбилейный»,— пишет **Ира СЕРИК** из г. АНГАРСКА,— самый лучший в Иркутской области. Но там скучно. В корпус не пускают. В бассейне купались один раз. Остаются карусели да кино и массовка через день. Запомнилось только, как встречали рассвет, пекли картошку, а старшая вожатая Света придумывала игры...»

«Никакой самостоятельной жизни не было в нашем лагере «Дзержинец»,— сообщает журналу **Люда СТОЯН** из г. СУМЫ.— За всю смену мы ни разу не ходили в поход, не было ни одного костра. Однажды ребята через дырку в заборе вышли за территорию лагеря нарвать цветов. Узнали об этом директор и вожатые лагеря, выставили ребят на линейке и стали отчитывать. Родителей вызвали, строго предупредили, что выгонят нарушителей из лагеря. А что делать, если скучно?»

ДУМАЕМ ВМЕСТЕ:
От кого зависит, чтоб в лагере было весело, интересно?
Кто хозяин в лагере?

А ТЕПЕРЬ ЧИТАЕМ ПИСЬМО **Тани А.** из г. ЧИМКЕНТА:

«Чтобы в пионерском лагере было весело и интересно, немалую ответственность несут взрослые. Но если ребятам скучно и взрослые не обращают на это внимания, РЕБЯТА ДОЛЖНЫ ПРОЯВИТЬ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ. Организовать конкурсы, концерты, спортивные соревнования, кружки, где будут учить товарищей тому, что умеют делать сами. Разве не под силу старшим отрядам все это придумать и повести за собой малышей? Нужно, чтобы мы все наконец поняли, что пионерский лагерь — не дом отдыха и санаторий, а пионеры — не отдыхающие, которых кто-то должен развлекать и обслуживать. Пионерский отряд и в лагере пионерский отряд. И в лагере отряд живет по законам пионерского самоуправления».

ДУМАЕМ ВМЕСТЕ:
Что мешает нашей инициативе и самостоятельности?
Как сделать, чтобы в лагере всем жилось хорошо — интересно для себя и с пользой для окружающих?

ЛУЧШИЕ РАССКАЗЫ РЕБЯТ С КОНКРЕТНЫМИ ПРЕДЛОЖЕНИЯМИ И РАЗМЫШЛЕНИЯМИ мы напечатаем в «Пионере».
А пока — два первых рассказа.

«Солнышко»

В наш пионерский лагерь «Солнышко» я езжу уже не первый год, и он мне очень нравится. Все в лагере мы делаем сами. Сами выбираем дела, которыми хотели бы заняться, и составляем план. Сами, без подсказок вожатых и воспитателей, выбираем своих командиров — совет отряда. И начинаем действовать. И каждый руководит тем, что хорошо умеет и любит делать сам.

Больше всего мне запомнились игры «Зарница» и «Найди флаг», соревнования «Старты надежд». Еще «трудовой десант» и операция «Уют», «Костер дружбы» и концерты, которых было немало. Но особенно все мы сдружились, когда проводили День самоуправления. Все взрослые в этот день организовались в один отряд, такой же, как и наши. А ребята из старшего отряда заняли место начальника лагеря, пионервожатых, воспитателей, физрука и других взрослых. Было так интересно и весело. Мы катались на катере по Вятке, играли в разные игры, устроили футбольный матч между командами лагеря и поселка Донаурого.

За смену мы так сдружились, так выросли, так окрепли, что уезжать из лагеря не хотелось.

Ирина Ветлужских,
г. Уржум, Кировская обл.

«Колосок»

«Наш «Колосок» — один из лучших в области. Самый главный закон нашего лагеря: «Колосок» — твой дом, и ты — хозяин в нем». Это действительно так. В первый же день вся дружина собирается в клубе и составляет план на смену, составляют планы и отряды. Мы любим конкурсы, соревнования, игры, мы их и проводим. Сами. Вожатые нам помогают, подсказывают. Но победителей определяют ребята. И какой отряд лучший, тоже решают сами ребята. По-моему, только тогда интересно, когда сам придумываешь, сам делаешь, сам за все отвечаешь.

Люда Баршина,
г. Горбатов, Горьковская обл.

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

Голубцы из свежей капусты

Выцветшее небо сливается с землей. Узкое шоссе рассекает степь. Едешь, едешь по этому шоссе, а пейзаж один и тот же: выжженная, голая земля.

Но именно здесь, в сухой земле, в сухом воздухе, под сухим ветром, вырастает и наливается самая сочная среди овощей культура — капуста. Удивительно, непостижимо.

Не вызрело бы капустное зерно, если бы не боролись за него люди. Взрослые и дети: Айман Садвокасова и Саша Балашенко, Радик Самадбаев и Любаша Гомонова, их друзья по ученической производственной бригаде, мамы и папы, братья и сестры — все, кто трудится в совхозе «Николаевский» Ленинского района Северо-Казахстанской области.

Новый год начинается осенью

В совхозе говорят: «Работящие в бригаде ребята, до дела хваткие. Уже сколько урожаев собрали — и все один другого лучше. Славную капусту выращивают, недаром и название у нее такое — «Слава».

Новый год для николаевских школьников начинается осенью. И учебный и трудовой. Едва заканчивается уборка — начинай все сначала: надо обрабатывать почву, подготавливать семена, парники на пришкольном участке для зимних опытов. Вся николаевская средняя школа трудится в бригаде.

У каждого свое дело на поле. Самые маленькие собирают в кучки оставшуюся траву, ребята постарше сжигают и разбрасывают ее по полю как удобрение. Пахнет в воздухе первыми морозцами и последними кострами. А старшие, самые опытные в бригаде, работают на вспашке. И для каждого его дело — главное. Кочан как завязывается? Сначала один лист, другой, третий. Так же и работа в поле. У каждого — свое, а в итоге — один общий урожай.

Маленькие тянутся за старшими. А старшие посматривают на малышей — не ударить бы в грязь лицом, не посрамиться. Много умеют и знают старшие: как почву вспахать, а весной, когда земля перестает к граблям липнуть, пробороновать ее, как семена высадить так, чтобы ни вода не размыла, ни солнышко не сожгло.

Старшим учить малышей, передавать опыт. Как когда-то учили их самих братья и сестры.

Старший брат Саши Балашенко сейчас служит в армии. А когда в школьной ученической бригаде работал, часто Сашу с собой в поле брал. Все показывал, всему учил. Даже когда до армии в колхозе комбайнером работал, рядом с собой в машину сажал: пусть учится, заодно и поможет немного.

Потому и умеет Саша все делать сам — и тяпкой вовсю орудует, и трактор мастерски водит — новенький «Беларусь», подарок колхоза бригаде за победу на республиканских соревнованиях. Светке, его сестре-второкласснице, с ним на трактор, конечно, пока еще рано. Но зато дома с огородом она лихо справляется! А Саша ей помогает. Вечером корову домой загонять — Светкина забота. Она бы и с удовольствием, да стадо колхозное такое большое, что свою корову там не сразу отыщешь. Привязал Саша корове синий бантик — и все в порядке, издалека видно.

Так и помогают друг другу. Старшие — младшим, младшие — старшим. И на колхозном поле, и у себя дома.

Сестры Курмангалиевы очень похожи. Если обе одинаково заплетут косички, ни за что не догадаешься, кто старшая, а кто младшая. Они все делают вместе, дружно. Даже рассказывают иногда и то в один голос. А дома — третья сестра. Летом вся семья в поле, а она за хозяйку: ей обед варить и за огородом ухаживать. Вечером соберутся все домашние после работы, а на столе любимое кушанье: щи из свежей капусты. Струится дымок из большой кастрюли — не утерпеть, подливай добавки.

Когда старшие братья-сестры работают рядом, сам становишься старше, увереннее. И не боишься прополоть хуже всех, не боишься, что твой ряд на посадке будет самым неровным... Да и ответственность за младшего — вещь серьезная. Она не бывает на сегодня-завтра. Она — навсегда.

Раз, два, три — взяли!

Это, наверное, самая противная работа на свете — сорняки дергать. Особенно если земля как камень, в глубоких могучих трещинах, держит их крепко — не вырвешь.

На поле целые заросли ромашки и репейника. Любашу Гомонову — она пока самая маленькая в бригаде — среди них и не видно. Схватилась за куст репейника, тянет, даже сопит от усердия, а куст — ни в какую. Отрывается по веточке, а корень в земле.

Нет, не догнать старших — далеко ушли. И вдруг!

Налетели девчонки: «А ну-ка давай вместе! Раз, два, три — взяли!» Помогли — и снова по своим местам.

Потом придумали игру. Кто первый до конца ряда дойдет, бежит проверять поле: все ли чисто прополото, не повреждены ли посадки. И уж если замечен брак, возвращается вся бригада. Работу на совесть выполнять надо, иначе никакой капусты не вырастет, забьют ее сорняки.

В любом деле так: чуть поторопишься, пропу-

В капусте 90% воды. Одно растение способно испарять за сутки 5—7 литров воды, а за сезон — больше 300 литров.

* * *

Капуста обладает большой пластичностью, огромным разнообразием форм и сортов. Поэтому ее можно выращивать и получать высокие урожаи даже на Крайнем Севере, в условиях вечной мерзлоты.

* * *

Если осторожно срезать кочан и оставить на кочерыжке несколько листьев, можно вырастить второй урожай. Через два с половиной месяца образуется новый кочан.

ПРИГОТОВЬ ИЗ КАПУСТЫ

Щи кислые

Сварите мясной бульон. Положите в кастрюлю квашеную капусту (если капуста очень кислая, отожмите ее перед этим), добавьте $1\frac{1}{2}$ стакана воды, немного масла, затем накройте кастрюлю крышкой и тушите около часа. После этого капусту залейте бульоном, положите поджаренные с бульоном коренья и варите до полной готовности. Перед окончанием варки прибавьте томат, лавровый лист, перец, соль.

На 500 г мяса: 2—3 литра воды, 500 г квашеной капусты, по одной штуке кореньев, 1 луковица, томат, перец и соль — по вкусу.

стишь мелочь — и вся работа насмарку. Представьте себе, что подруги Валя Смалькова и Лариса Покидова стали взрослыми и работают, как и мечтают сегодня, ткачихами. Идет нить — ровная, гладкая, и вдруг — обрыв. Ох, как не хочется узелки связывать, но разве обойдешься без этого?

Так же и на уборке капусты. Там целый конвейер: подрез — бросок — еще бросок — и тяжелый крутой кочан летит в машину. А вдруг кто-нибудь поленится и пропустит свой участок? Кто свяжет здесь узелок? Кто исправит? Каждый в ответе за свое дело. Его работа — работа товарищей, и подводить их никто не имеет права.

Каждый вечер, когда ребята возвращаются с поля, идет им навстречу дежурная бригада поливальщиков. Днем поливать растения нельзя. Капельки воды, как крошечные стеклянные линзы, пропускают сквозь себя солнечные лучи, сжигая даже такие плотные листья, как у капусты. А не полей хоть раз — капуста зачахнет. Поэтому, чтобы до восхода солнца земля успела влагой пропитаться, работают поливальщики с вечера до полуночи.

Дождь

...Однажды вечером вдруг пошел дождь.

Редкие тяжелые капли разбивают верхний высушенный слой земли вдребезги. Словно крошечные резиновые мячики, отскакивают в стороны комки земли и пыли. Дождь идет сильнее, и вскоре в воздухе пахнет свежестью, зеленью и, конечно, капустой. Задышала земля, разбухла от влаги, вздулась крупными теплыми бугорками. И наступать на них — без сандалий, босиком — так приятно.

Голубцы овощные

Кочан капусты очистить, вырезать кочерыжку, опустить его в подсоленный кипяток. Варите так десять минут, после этого выложите на сито, дайте стечь воде и разберите на отдельные листья, которые разложите на столе. Стебли листьев надо срезать ножом.

На подготовленные таким образом листья капусты положите овощной фарш и заверните его в листья, придавая голубцам продолговатую форму. Потом обжарьте голубцы на сковороде, сложите в неглубокую кастрюлю, добавьте сметану, томат, накройте кастрюлю крышкой и поставьте тушить на слабый огонь, поливая соусом. Через 30—40 минут голубцы готовы.

Дожди в Казахстане — редкость. А если и бывают, то ливни-проливни. Как зарядят вдруг — из дома не выскочишь. А ребята все гурьбой к полю: «Дождик, дождик, айда сильнее!»

Капуста под дождем просто красавица. Искрятся сизые капельки дождя на тугих кочанах. Моментально образовались мелкие лужицы, и поле капустное стало в два раза больше — в каждой лужице, как в зеркале, отражается молодой кочан, скрипят листья под ударами дождя.

А у ребят всегда, когда дождь,— концерт. Готовят его бригадами. Сегодня — бенефис четвертой.

Четвертая — бригада мальчишек. Саша Балашенко с Радиком Самадбаевым такие сценки поставили — все со смеху попадают. Аскар Нурумов целые три песни на домбре разучил — здорово играет, хоть и руки от земли уже не отмываются и слушаются хуже.

А потом все поют и танцуют вместе. Долго не смолкнут голоса озорной хохотушки Любаши Гомоновой и первой рассказчицы в бригаде Вали Смальковой, долго не перестанут удивляться выдумкам неутомимых фантазерок Ларисы Покидовой и Лены Копниной.

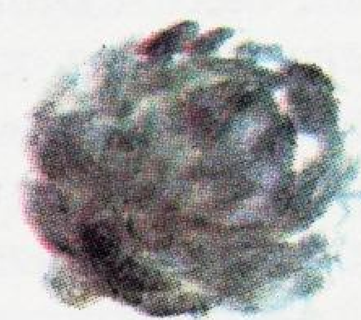
Но все это будет чуть позже, после ужина. А пока... кажется, нет ничего вкуснее ароматных голубцов из свежей капусты, выращенной своими руками.

Гордятся николаевские школьники своей капустой. Гордятся первым настоящим взрослым делом. Николаевская «Слава» — на славу!

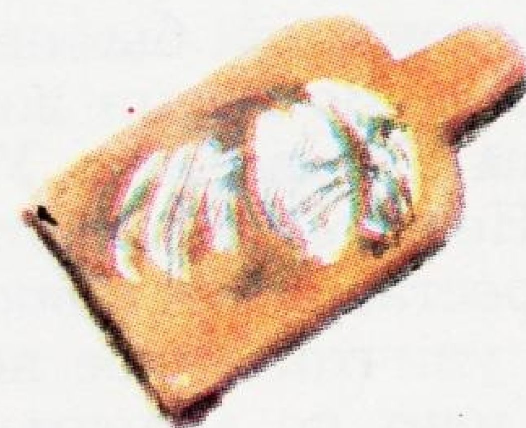
А у тебя, читатель, есть ли на пришкольном участке или на колхозном поле свое дело? Где ты трудишься летом во время пятой, трудовой четверти? Напиши нам, в «Школу умелых хозяев».

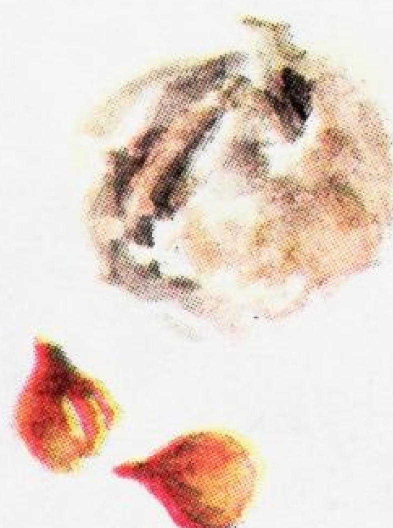
Т. ШАРОНОВА

Фарш овощной. *Очищенные и промытые овощи нарежьте соломкой и поджарьте на масле, добавьте нарезанные дольками помидоры и еще раз поджарьте в течение 5 минут. Положите соль, перец, мелко нарезанную зелень петрушки.*

На 5 штук моркови — 2 головки лука, веточку петрушки или сельдерея, 2 помидора и 3 столовые ложки масла.

Рисунки П. ПРОРОКОВА.

Где же вы, рыцари?

Мне тринадцать лет, я перешел в шестой класс. Со мной никто не дружит. Некоторые мальчишки не любят девчонок и обижают их, а я за девчонок заступаюсь.

Часто я предлагаю мальчикам: «Давайте по-рыцарски относиться к девочкам!». А они отвечают: «Нет, не можем, еще обсмеют!» А кто обсмеет?

Если вы спросите, почему я, мальчик, написал такое необычное письмо, то я отвечу: «Просто я уважаю девчонок!»

Так пускай девочки, которых обижают, или девочки, которые хотят иметь друга, пишут по адресу: 692330, Приморский край, г. Арсеньев, ул. Ленинская, д. 17, кв. 24, Иванову Владику.

Лучший день лета

В прошлом году я была в отпуске с родителями. Мне давно не приходилось выезжать с Сахалина. Мы поехали в Ленинград и остановились там у родных. В один из дней мы побывали в Петродворце, за городом.

Петродворец встретил нас огромным количеством фонтанов и фонтанчиков. У подножия дворца расположен Большой каскад. Меня очень заинтересовала скульптурная группа «Самсон, раздирающий пасть льва». Это самый большой фонтан каскада. Высота его струи достигает двадцати двух метров. Могучая, крепкая фигура Самсона и миллиарды фонтанных брызг сверкают на солнце. Красиво!

Большой дворец — очень интересное здание. Он — центр всего ансамбля. Петродворец украшен росписью, затейливой лепкой. Внутри — коллекции, старинная, красивая мебель.

После посещения Петродворца мы ходили по Нижнему парку. Там столько фонтанов! Мне очень понравился фонтан «Шахматная горка». На этой горе поселились сказочные драконы. Мне хотелось оседлать «кровожадных» драконов. Но этого нельзя делать.

Если бы не было наших замечательных раставраторов, мы бы не увидели красоту Петродворца. Во время войны фашисты его разрушили. Разграбили. Украли скульптуру Самсона. Но с помощью фотографий, эскизов, моделей реставраторы восстановили разрушенное и уничтоженное во время войны.

...Люди идут по аллеям. Они сознают, что находятся в мире прекрасного, созданного руками талантливых людей.

Вот мой самый лучший день лета.

Жанна НАЛЕТОВА,
г. Чехов, Сахалинская область.

ЛУГА БУДУТ ВСЕГДА!

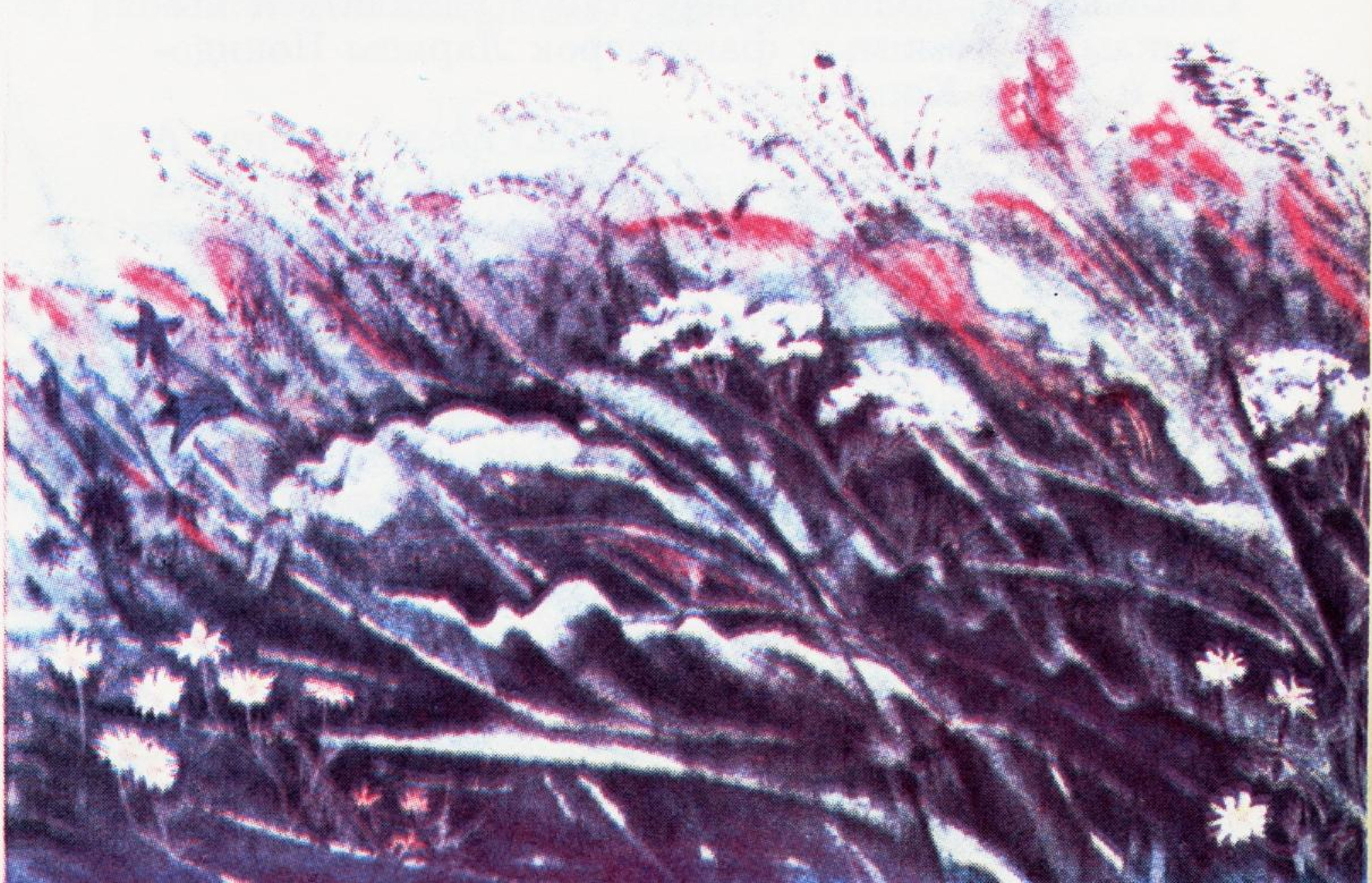
Н. Г. АНДРЕЕВ,
академик ВАСХНИЛ,
лауреат Государственной премии СССР,
заведующий кафедрой луговодства
Тимирязевской сельскохозяйственной академии

Я луговод. С детства случалось мне и сеять, и пахать, и убирать урожай. Но всего больше запали мне в душу сенокосы. До сих пор не могу равнодушно смотреть на цветущий луг, не могу слышать спокойно, как поет коса на июньской зорьке... И я всей душой верю, что эти прекрасные картины не уйдут в прошлое, что эту радость испытают многие поколения людей. И, конечно, дело не только в хорошем настроении, которое дает цветущий луг, не только в том, что сенокос всегда на селе был праздником...

Земля у нас, дорогие ребята, одна-единственная. Другой нет. И может быть, кто-то рассуждает так: пройдет время, и вся она будет застроена и распахана. А луга? Их не будет. Что это значит для сельского хозяйства? Очень многое: коровам придется круглый год стоять в стойлах — без солнышка, при электрическом свете, пережевывая комбикорм...

Так вот, я говорю: нет! Луга и пастбища будут всегда! Иначе нам не только не сохранить красоту нашей земли, нашей природы, но и не видеть тучных стад на полях, изобилия молока и мяса в наших магазинах!

Луг — это не только неоглядная красота. На лугу, на пастбище животные получают самый лучший, самый дешевый корм. Там есть все, что требуется

организму животного. Свежая, душистая, «витаминная» трава. Ясное солнышко, чистый воздух и, конечно, движение. Стадо ведь не стоит, а потихоньку переходит с места на место. Недаром там, где хорошее пастбище, молоко у коров особенно вкусное и почти все они каждый год приносят телят. А когда животное все время в стойле, лишь 70 процентов стада дает потомство.

Да и дешевле пасти скот на лугу, чем кормить привозным кормом на ферме. Если, скажем, тысячу голов держать на ферме, то одного горючего для машин, чтобы корм возить, уйдет примерно тридцать четыре тонны. А возьмите в оборот луга, что есть неподалеку,— вот вам и экономия десятков тонн недешевого горючего!

Сейчас уже все согласны, что в Нечерноземье и животным полезнее, и нам выгоднее держать скот — пока сезон позволяет — на вольной воле, а не под крышей. Это ныне самое верное и надежное решение проблемы кормов. А она, как вы знаете, в животноводстве — вопрос номер один...

Но не надо думать, что достаточно отыскать возле каждой фермы хороший лужок, выгонять стадо — и дело решено. Трава, мол, сама будет расти, хватит почве дождей и удобрений.

Нет, тут надо руки приложить — почву надо орошать, рыхлить, удобрять. А если луга и пастбища забросить — хорошего, нужного нам урожая трав не получим.

В Продовольственной программе не случайно сказано, что орошаемые кормовые угодья нужно создавать возле **каждого** животноводческого комплекса!

Приведу пример. Вот, скажем, в Московской области один гектар обычного, неухоженного пастбища кормит за лето одну корову. А на культурном пастбище — в четыре, а то и в пять раз больше!

Здесь же, в Подмосковье, есть хозяйство, над которым мы вот уже десять лет шефствуем. Когда-то там держали коров круглый год на ферме — это было стойловое содержание скота. А чтобы прокормить животных, ежегодно засевали травами **три тысячи** гектаров своей площади. И не хватало, приходилось еще закупать корма.

А сейчас этому хозяйству достаточно **одной** тысячи гектаров! На этой тысяче создали и сенокосы, и пастбища, здесь содержат весь свой молочный скот и получают корма на зиму. Освободившиеся две тысячи гектаров отданы теперь под хлеб и овощи.

Я горячо стою за луга, за культурные пастбища. Это и доступно и дешево.

Пища животных должна быть разнообразной. Главное здесь — такие **ценные** злаковые растения, как тимофеевка луговая, мятлик луговой и костер безостый. Они замечательны тем, что богаты белками — в три-четыре раза богаче, чем, скажем, картофель или свекла. Животные получают с зеленой пастбищной травой всего вдоволь — и белки, и крахмал, и витамины.

Есть на лугу даже медоносные и лекарственные растения. А там, где луг изведен, растет одна полынь, и мед с такого «луга» горький...

Где же взять семена, чтобы на наших ухоженных, возобновленных лугах росли все нужные животным травы? **ТУТ НАМ МОГУТ ПОМОЧЬ ПИОНЕРЫ.**

Семена нужно собирать на лугу, сушить их, очищать от оболочек и сдавать в правление своего колхоза, агроному или в дирекцию совхоза. Семена сейчас каждому хозяйству нужны, как хлеб! Их не хватает, и они очень дороги. Да и собирать их на больших полях нелегко — нет еще такой механизации, которая бы заменила руки и глаз человека. И если вы, ребята, возьметесь за это дело — большую помощь окажете нашему животноводству.

Убежден, что такая работа по плечу пионерам. Вы давно уже доказали, что и макулатуру умеете собирать, и металлолом. А новая задача не менее важная.

И как это приятно — пройтись лугом, собирая колоски и метелки трав, подсохшие головки клевера, стручки люцерны! И гербарий можно составить, чтобы знать, какие травы собраны, как они выглядят.

А если где-то случится засуха, вы сможете помочь взрослым, тем, у кого не будет в запасе семян.

Беритесь за эту важную государственную задачу. Вам поможет агроном, учитель биологии, работники районного сельхозуправления. У них вы узнаете, в какое время лучше собирать то или иное растение, как просушить собранные семена, не допустить, чтобы они пропали от сырости или мусора.

Учтите, что для сбора семян надо использовать в первую очередь те луговые участки, где трудно косить (овраги или кочкарники). Запаситесь пакетиками, легкими коробками — семена бывают и крупные и мелкие, и лучше их не смешивать.

От души желаю вам радостной и успешной работы. Уверен, что она пойдет на пользу и вам, и нашему общему делу — выполнению Продовольственной программы.

Рисунок А. ДУГИНА.

Сотрудник уголовного розыска Фомин не спеша возвращался с работы и возле фабричного клуба повстречался со своим бывшим одноклассником Володей Киселевым.

— Привет! — воскликнул Володя.— Как дела? Есть что-нибудь новенькое?

С недавних пор он — взрослый человек, директор музея — вообразил себя выдающимся детективом и проявлял необычайный интерес к делам, расследованием которых занимался Фомин. Пока Фомин основательно изучал обстоятельства дела, вызывал потерпевших и свидетелей, директор музея действовал своими изобретательными методами, сочинял множество самых невероятных версий, но в конце концов приходил к правильному решению одновременно с Фоминым. Это, конечно, возмущало Фомина. И потому на бойкий вопрос самозваного детектива он отрезал сурово:

— Для тебя никаких новостей! Нет и не будет!

— Да-а-а...— Киселев печально вздохнул.— Тихо.

Их родной город Путятин, и в самом деле один из самых тихих и уютных городов среднерусской полосы, стоит среди лесов и полей. Всего одно предприятие — и то небольшая текстильная фабрика, во дворе которой есть конюшня, весьма интересующая путятинских подростков. Улицы в Путятине зеленые, город славится своей сиренью. Особенно она хороша в той части города, которая зовется Посадом. Володя Киселев живет в Посаде, и там же неподалеку живет Васька Петухов, которого Володя однажды вытащил из беды, и теперь Васька привязался к нему, как к родному. Николай Фомин и его жена, учительница Валентина Петровна, живут на другом краю города, в новом микрорайоне.

— Ты что собираешься завтра делать? — спросил Володя.— Может, махнем вместе по грибы?

— Не могу,— сказал Фомин.— Я завтра на работе.

Киселев насторожился:

— Что-нибудь случилось?

— Да говорят тебе, ничего! — Фомин разозлился по-настоящему. Он и сам бы с удовольствием отправился по грибы вместо того, чтобы торчать в субботу в горотделе.

— А я завтра выберусь из дома пораньше, часика в три утра,— с удовольствием сообщил Володя.— Говорят, белые пошли...

И на этом бывшие одноклассники распрощались.

А тем временем Лешка Супрунов по прозвищу Супа уже рассказывал ребятам из своей компании, чем они займутся, как только стемнеет... А на другом краю города готовился к вечеру Костя Мусин по прозвищу Костя-Джигит.

Так начали запутываться узлы загадочного происшествия, о котором рассказывает в своей новой повести писательница Ирина Стрелкова.

В 1980 году «Пионер» напечатал ее повесть «Знакомое лицо». В том же году в издательстве «Детская литература» вышла книга «Похищение из провинциального музея», в которую, кроме «Знакомого лица», вошли еще две повести о Фомине и Киселеве. И вот теперь читатель вновь встречается с полюбившимися героями.

Ирина СТРЕЛКОВА

ОДНА ЛОШАДИНАЯ СИЛА

ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

У Вихря мозжили суставы, он чувствовал приближение холодов, но страха не было. Вихрь знал, что ему уже не придется, как прошлой осенью, плестись обратно в фабричную конюшню. У него появился Хозяин, появилась стоящая, правильная работа.

Когда-то давно Вихрь делал эту стоящую работу, и люди его уважали. А на фабрике Вихря угнетали насмешки над его единственной лошадиной силой, ничтожной по нынешним временам, когда в мотоцикле и то сидят тридцать семь лошадей. Вихрь вовсе не был так туп и нечувствителен к словам, как полагали завзятые остряки.

Вовсе плохо стало Вихрю, когда умер старый конюх дядя Егор. Конюхи менялись часто, и среди них уже не встречались добрые, знающие свое дело. От каждого оставались у Вихря памятные рубцы. И били-то зазря. Он никогда не ленился в упряжи. Он работал всю жизнь и хранил верность правилам, которые исстари сложились у рабочих лошадей и были известны опытным людям. Если рабочая лошадь замедляет шаг, опытный человек ее не хлестнет, он знает, что лошадь сама умеет раскладывать силы — где расслабиться, где поднаалечь. А Вихря хлестали, не уважая ни его стариковский для лошади возраст, ни трудовой стаж. Он постоянно чувствовал себя униженным. Не стало выездов в город, которые Вихрь любил. «Вот еще! Буду я срамиться! — раскричалась женщина в белом засаленном халате.— Хотят, чтобы я привезла ящик макарон, пускай дают машину!» Конюх погнал Вихря обратно в конюшню, ругаясь, стал распрягать.

Новый конюх всегда ругался, запрягая или распрягая лошадей. Он не умел обращаться с упряжью — уздечками, хомутами, гужами, оглоблями, седелками и чересседельниками, а винил всегда лошадей, ругался и бил кулаком по глазам. Вихрь пугался, шарахался, упряжь сваливалась — и мучение начиналось сначала.

Прошлой весной на майские праздники конюх три дня не проведывал лошадей. Голодные лошади понуро терпели, стоя в конюшне. Вихрь вышел и побрел вдоль забора, пощипывая пробившуюся

кое-где хилую травку. Возле закрытых ворот он остановился. Может быть, отворятся?

Иногда по ночам Вихрь просыпался от слабого скрипа этих ворот. В конюшню вбегали торопливые люди, светили фонариками, в глазах лошадей загорался синий и красный огонь. Люди ловко накидывали уздечки, выводили лошадей за ворота.

Вихрь полюбил ночные прогулки по городу, потому что днем ему все больше приходилось стоять без дела в конюшне. Прогулки всегда заканчивались за городом, в лесу. Лошадей кормили овсом, и Вихрь уводил свой табун обратно в конюшню.

В тот майский день ворота так и не отворились. Вихрь побрел вдоль забора, стало темнеть, ворота в город стояли открытыми, Вихрь оказался на улице и завороженно двинулся тем путем, каким ездили ночные всадники — в зеленый свободный мир.

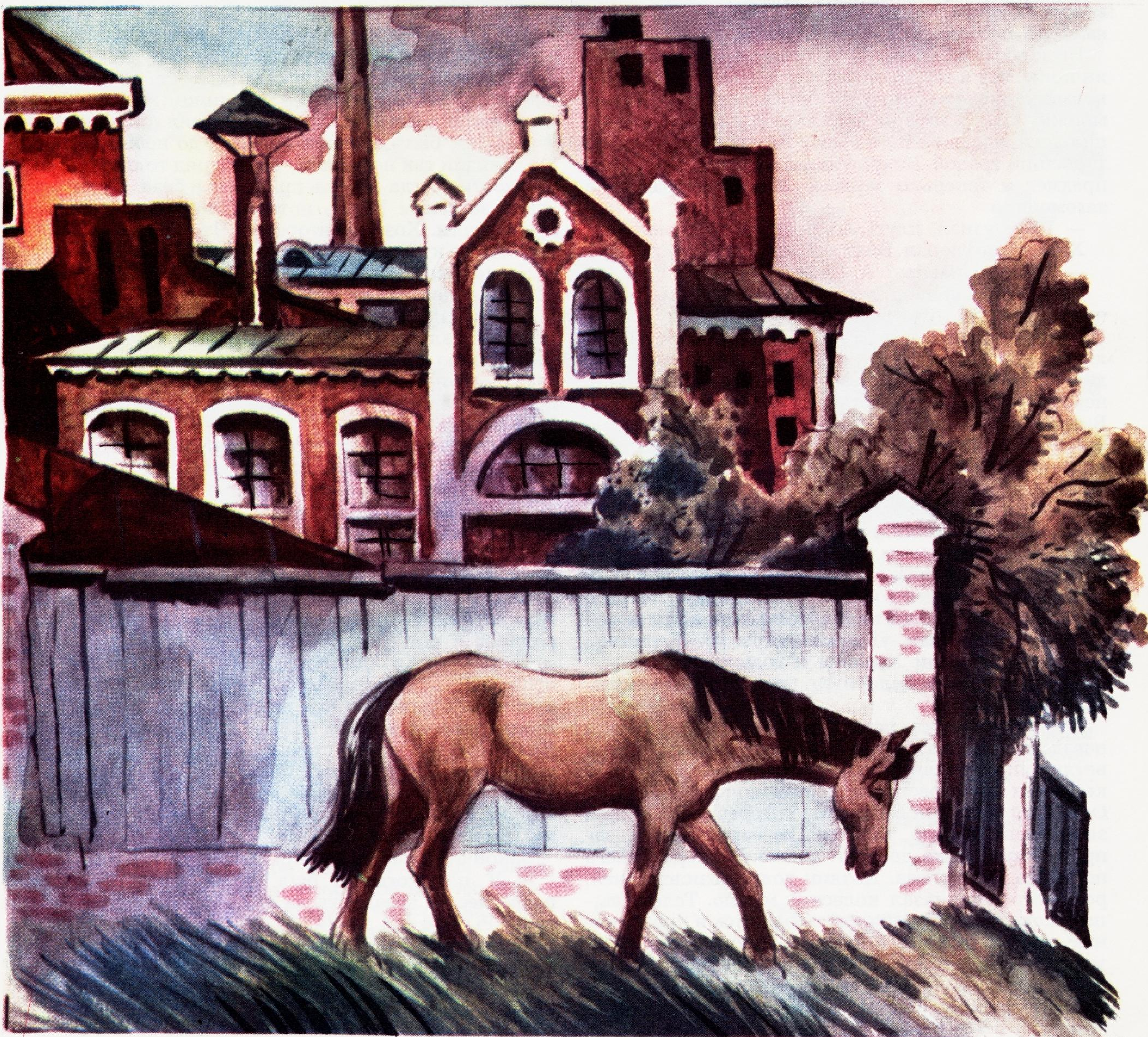
В конюшню он не вернулся, остался в лесу, облюбовал укромные поляны с сочной травой и повел вольную жизнь, держась в стороне от лосиных троп и не подпуская близко людей.

А потом пришла осень. Вихрю стало страшно в почернелом, безлистом, сквозном лесу. Он уныло поплелся обратно в конюшню.

Конюх избил его и больше не называл Вихрем, только Тунеядцем, держал впроголодь и кричал, что сдаст на мясокомбинат.

Следующей весной Вихрь снова ушел в бега. Теперь он инстинктивно брел в ту сторону, где родился и рос, где его впервые запрягли и стали приучать к работе. Как и в прошлом году, Вихрь обходил стороной лосиные тропы и не подпускал к себе людей. Но одному он почему-то доверился, позволил накинуть уздечку, послушно пошел за ним, и человек привел его в деревню. Собрались женщины, жалели Вихря, принесли ему ведерко болтушки из муки и мелко нарезанной моркови.

Вихрь вышел и побрел вдоль забора, пощипывая пробившуюся кое-где хилую травку...

Человека они называли не по имени, а Хозяин, очень уважительно.

Вихрь с удовольствием поел болтушки, напомнившей ему давние годы, деревню, где он родился и рос. Там его тоже кормили болтушкой, и на фабрике дядя Егор, а после его смерти — никогда.

Вихрь ел и чутко шевелил ушами. Женщины спрашивали Хозяина с опаской:

— Тебе не попадет? Лошадь-то чужая. Хватятся.

— Не хватятся! — уверенно говорил Хозяин.

На ночь Вихря заперли в коровнике. Рядом в загородке стояла коза. Наверх забрались куры с петухом, они долго возились на насесте, бормотали, хлопали крыльями и наконец затихли. Вихрь тоже задремал. На воле ему делалось по ночам бесприютно. Он пугался скрипа деревьев, крика ночных птиц, даже мышиного писка. А тут, просыпаясь время от времени по стариковской своей привычке, он слышал рядом спящих кур, козу, втягивал ноздрями домашние запахи коровника и все больше надеялся, что теперь все будет правильно и справедливо.

На рассвете Вихря разбудил хриплый крик петуха. Пришел Хозяин с охапкой только что накошенной росистой травы. Он выстриг у Вихря шерсть вокруг болячек, чем-то помазал. Вихрь почувствовал, что постоянный мучительный зуд исчезает.

Несколько дней Вихря держали взаперти. Хозяин приходил и мазал его пахучей мазью, женщины кормили болтушкой, в которую они стали понемножку класть запаренный овес. И, наконец, наступил день, когда Хозяин вывел Вихря во двор, густо заросший травой. Вихрь увидел на траве знакомый предмет и тоненько заржал. Женщины радостно загомонили.

— Плуг узнал, плуг! Лошади, они умные.

Хозяин похлопал Вихря по спине.

— Умеешь пахать? А я нет.

За плугом сначала шла одна из женщин. Вихрь чувствовал, что она держит плуг умело, но слабо. Потом за плуг взялся Хозяин. Он оказался понятливым. Да и Вихрь ему подсказывал, что следует делать человеку, идущему за плугом. Хозяин с непривычки быстро уставал, садился на землю. Вихрь отдыхал, стоя в борозде. Он тоже быстро уставал, пахать землю — трудная работа и для человека, и для лошади, но нет работы главнее и важнее, чем пахать. Пока они управились с тремя огородами, Вихрь натер шею, у Хозяина обе руки покрылись кровавыми мозолями. С перевязанными руками Хозяин сидел за праздничным столом, накрытым по случаю завершения весенне-полевых работ. Стол вынесли во двор, на травку. Вихрь с марлевой нашлепкой на стертом месте встал неподалеку, и его тоже угостили пирогом. Женщины усердно потчевали Хозяина и вздыхали:

— Что бы мы делали-то без тебя! Без мужских рук!

Хозяин не жил постоянно в деревне. Бывал наездами. Он сразу принимался за работу. Чинил ветхую упряжь или брал косу и шел косить. Старый коровник он перестроил в конюшню для Вихря. Однажды он повел Вихря через деревню на чужой заброшенный двор, выкатил из сарая телегу, запряг Вихря. Пока доехали до своего двора, телега потеряла два колеса. Хозяин долго возился с ней, ремонтировал, мазал колесной мазью. Телега вышла хоть куда. Женщины нарядились в праздничные платья, уселись в кузов, и Вихрь повез их по мягкой лесной дороге. Хозяин его не стегал, только почмокивал. Женщины тонко затянули песню про горькую рябину. Песня напомнила Вихрю давние годы, когда он, бывало, летом вез с поля телегу, наваленную доверху косами и граблями, а сзади шли и пели женщины.

Вихрь ходко трусил по лесной дороге, пока не понял, что она ведет в город. Ему сделалось тоскливо, и он поплелся еле-еле, а потом и вовсе остановился. Где-то совсем близко, за кустами, шумело шоссе, сквозь кусты проникали запахи машин и асфальта.

— Приехали,— сказал Хозяин.— Ну и конь, всето он знает. Правильно, тебе в город не надо.

Женщины слезли с телеги и пошли в сторону шоссе. Вихрь повез Хозяина обратно в деревню. К вечеру Вихрь весело бежал знакомой дорогой, чтобы встретить нагостившихся в городе женщин.

Вихрю стало представляться, что, вернувшись к работе, какую он делал в молодые годы, можно воротить и молодость, и свои прежние силы. Но начинало к непогоде мозжить суставы, и он понимал, что годы не возвращаются. Меж тем Вихря теперь не каждый бы узнал, кто его видел прежде. Из тощего одра он превратился в ухоженного и справного коня. Видно, что старый, ну и пусть. Зато выносливый и работящий. Вихрь и внутренне переменился; к нему вернулось прежнее самоуважение. В деревню он бежал той особой трусцой, какой лошадь бежит к дому. Хозяин разрешил женщинам отпускать Вихря одного попастись в лесу, и Вихрь к вечеру являлся точно по часам. Работы стало немного, только съездить с Хозяином куда-нибудь неподалеку за сеном. Хозяин накосил столько, что Вихрь мог быть спокоен — хватит до новой травы. Но в жизни так не бывает, что подряд только удачи и радости. Когда-нибудь приходит и беда. В одну из ездок за сеном Вихрь потерял подкову с правой задней ноги. Хозяин загоревал. Что теперь делать? Где найти кузнеца?

Несколько дней Хозяин пропадал неизвестно где, потом явился, сел на Вихря верхом без седла, и они двинулись по незнакомой дороге. Здесь давно никто не проезжал ни верхом, ни на телеге, трава поднялась Вихрю по брюхо. Ехали долго, наконец открылась лесная поляна и на ней избы. Вихря охватила непонятная тревога, он вытянул шею и громко, во всю мочь заржал.

— Что это он? — спросил Хозяина старичок, вышедший на крыльцо крайней избы.

— Не знаю.— Хозяин спрыгнул, взял Вихря под уздцы.— Первый раз слышу, чтобы он так кричал.— Хозяин достал из кармана кусок посоленного хлеба, дал Вихрю: — Ну, ну, дурачок.— Ласковая рука коснулась морды Вихря.— Чего испугался?

Вихрь сжевал хлеб и опять заржал, но уже не громко, а слабо, растроганно. Он узнал деревню, где родился и рос.

Старик и Хозяин повели его к стоявшему на отшибе закопченному дому. Вихрь узнал по запаху кузницу. Старик отпер дверь, разжег огонь, до Вихря донесся жар раскаленного докрасна железа. Хозяин завел его в станок, Вихрь приготовился вытерпеть неизбежную боль. Она оказалась не такой острой и не такой долгой, как он ожидал. Старик знал свое дело лучше, чем кузнец, к которому Вихря водили в городе.

Закончив работу, старик погладил Вихря.

— У нас когда-то был такой конь. Малость посветлее. И звездочка на лбу. А грива ну точь-в-точь. Рыжко его звали.

— И Вихрь был посветлее,— сказал Хозяин.— И звездочка у него была.

— Так, так.— Старик потрепал Вихря по холке.— Понятно.

Приблизившись к воротам, Фомин увидел нечто весьма любопытное: нижний брус был приколочен к деревянным створкам новехонькими гвоздями с блестящими шляпками.

Вихря повели к дому старика. Старик отпер дверь сарая, скрылся в темной глубине, что-то там ронял, ворочал, потом стал выносить из сарая всякую всячину. Седло, хомут, расписную дугу, стопку пожелтелых брошюр, войлоки...

— Спасибо, не надо,— отговаривался Хозяин.

— Бери! — кричал старик.— Зазря сгниет! — Он выкатил напоследок расписную легкую телегу, помог Хозяину запрячь в нее Вихря.— Бери, бери! И доставь мне, милок, удовольствие, дозволь напоить твоего коня. Может, в жизни больше не придется!

Старик принес полное ведерко. Вихрь узнал давний радостный вкус хрустальной ключевой воды, вытянул ведерко до дна, благодарственно фыркнул ноздрями в светлых капельках.

— На здоровье! — вскричал старик.— Носи мою подкову и не спотыкайся! А ты,— старик повернулся к Хозяину,— там в брошюрах все есть, учись, будешь сам ковать. И не забудь, тридцать первого августа день Флора и Лавра, твоего коня законный праздник. Так и зовется — день Флора-распрягальщика, Флор да Лавер до рабочей лошади добер... Запомнишь? Тридцать первое...

— Не забуду. Спасибо, дедушка! — Хозяин поклонился старику и взялся за вожжи.

Фомин

Жаркое сухое лето завершалось благодатными грибными дождями. По субботам весь Путятин устремлялся в окрестные леса.

Фомин уговорился со старшим братом Виктором махнуть на машине куда-нибудь подальше, однако вместо поездки по грибы он в субботу с утра оказался в горотделе. Накануне вечером какие-то подростки угнали лошадей из фабричной конюшни. Обычно угонщиками лошадей — в милиции их называли лошадниками — занималась инспекция по делам несовершеннолетних. Но на этот раз подростки совершили нападение на конюха и унесли ружье. Такими вещами занимается уголовный розыск.

Начальник горотдела Петр Петрович Налетов имел обыкновение высказываться кратко и энергично:

— Суббота. В лесу люди. Как можно скорее найти лошадников. И главное — ружье.

— Отберем.— Фомину розыск показался несложным. «Мальчишки — никуда не денутся. Лишь бы не перестреляли друг друга»,— размышлял он, спускаясь по лестнице во двор и направляясь в одноэтажный деревянный флигель, где помещалась инспекция по делам несовершеннолетних.

В первой комнате флигеля с детскими книжками на полках и игрушками на ковре Фомин увидел двоих мальчишек лет семи. Вид самый запущенный, лица унылые, на столе — раскрытые тетрадки в косую линейку.

— Готовимся к первому сентября.— Инспектор Нина Васильевна Вороханова пригласила Фомина в комнату, служившую ей кабинетом, затем вернулась, заперла на ключ входную дверь, погрозила ключом еще более приунывшим мальчишкам.— Никуда не уйдете, пока я сама вас не отпущу! — Она плотно притворила за собой дверь кабинета и пояснила Фомину: — Все другие дети придут в первый класс, умея писать и считать. А у этих родители...— Она печально помолчала.— Вот, готовлю их к школе.

— По-моему, ты, Нина, занимаешься не своим прямым делом.— Фомин держался с ней как опытный сотрудник с новичком. Вороханова только год работала инспектором по делам несовершеннолетних, а до того была пионервожатой.— Твое дело, Нина, борьба с детской преступностью, главным образом предупреждение...

— Вот я и предупреждаю! Потому что многие беды с ребятами начинаются с того, что они плохо подготовлены к школе и сразу попадают в разряд умственно недоразвитых.— Нина Васильевна взяла с этажерки и поставила перед Фоминым узкий ящик с картотекой.— А потом их начинают выгонять на уроках из класса. И никто не обременяет себя беспокойством, куда пойдет выгнанный ученик. А он, например, может пойти в раздевалку и там пошарить по карманам чужих пальто. Я бы навсегда запретила выгонять учеников из класса! — С этими словами Нина Васильевна вытащила из-за шкафа ружье, похожее на настоящее, с отполированным ложем и вороненым стволом.

Фомин взял у нее ружье.

— Да уж... Ты бы, наверное, наоборот: запирала своих учеников на ключ. Как этих.— Он кивнул в сторону комнаты, где двое томились над тетрадками, и принялся разглядывать ружье, или, вернее, «поджигушку», «самопал».— Смотри-ка, растем технически. Чья работа?

— Одного апача.

— Чья? Как ты сказала?

— Есть такая компания лошадников. Они себя называют апачами.— Нина Васильевна подошла к висящей на стене самодельной карте Путятина, указала на правый верхний угол.— Апачи живут вот здесь, в Двудворицах. Фабричная конюшня у них под боком. И она считается их зоной действия.

Костя Мусин, вождь апачей, ни капли не встревожился.

— Что, что? — Фомин отложил опасную самоделку и уставился на карту.— Какая зона? Кто ее отвел?

— Коля, я тебе сейчас все объясню! — Нина Васильевна вооружилась школьной указкой.— Компании лошадников объединились по месту жительства.— Она, как на уроке, объясняла и водила указкой по карте.— Про апачей ты уже знаешь, они живут в Двудворицах. В Крутышке — своя компания. Еще одна вот здесь, в Париже. Четвертая — в микрорайоне. Теперь смотри, какие у них зоны действия. Значит, апачи угоняют лошадей из фабричной конюшни. Крутышка ходит в деревни за железную дорогу. Париж — в совхоз, там есть

небольшие конюшни на отделениях. Зона лошадников из микрорайона — по Нелюшкинскому шоссе.

— Полный порядок! — скептически заметил Фомин.— Учет у тебя налажен. Значит, на конюха совершили нападение апачи?

Нина Васильевна положила указку, села за свой стол.

— Нет, Коля, не они. Как хочешь, но на апачей не похоже. Они не могли напасть на сторожа. Апачи никогда не хулиганят, не загоняют лошадей, не рвут им губы проволокой, не бросают привязанными без воды и без корма.

Слушая ее горячую речь в защиту апачей, Фомин пришел к выводу, что Нина Васильевна, пожалуй, слишком доверчива и мягкосердечна.

— Погоди,— перебил он.— Я тебе верю, что апачи не мучают лошадей. Но у одного из них ты отобрала самодельное огнестрельное оружие, из которого вполне можно с умыслом или без умысла убить человека.— Фомин повел рукой в сторону самопала.— Ты согласна, что это не детская игрушка, а оружие?

Она кивнула.

— Тогда будем рассуждать последовательно. Сначала он сделал самопал, а потом совершил нападение на сторожа, чтобы завладеть настоящим ружьем. Так? — Фомин был уверен, что Нина Васильевна опять согласится с его доводами, но она молчала.— Кстати, у кого ты отобрала самопал? — Он вытащил из кармана свою разбухшую записную книжку.— Имя, фамилия, адрес?

— Витя Жигалов, ребята его зовут Чиба, улица Пушкина, дом двадцать. Но только я у него самопал не отбирала. Пожалуйста, запиши, что Витя Жигалов принес свой самопал добровольно. Я с ним побеседовала, и он сразу принес. Ему вовсе не интересно стрелять, он любит мастерить. Обрати внимание на ствол, из самопала никогда не стреляли.

Фомин тщательно обследовал стальную вороненую трубку. Из самопала действительно ни разу не выстрелили. Для чего тогда было мастерить да еще отделывать, как настоящее ружье?

— Для красоты. Представь себе всадника в лунном освещении. Куда эффектней, если за плечами блеснет ствол ружья. У хулиганов — другой вкус. У них — обрезы. Припрятанные под куртками.

— Н-да...— протянул Фомин.— А как ты думаешь, ружье конюха годится для красоты?

Он придвинул к себе картотеку и стал переписывать фамилии, имена и адреса лошадников из Двудвориц, так называемых апачей, с Костей Мусиным во главе, он же Костя-Джигит. Нина Васильевна продолжала с непонятным Фомину упрямством защищать эту компанию лошадников. По ее мнению, напасть на конюха могли лошадники из микрорайона. Они отличаются особой жестокостью к лошадям. В деревнях их ненавидят, но одинокие старухи из страха пускают в избы переночевать. Главный у лошадников микрорайона — Супа, Алексей Супрунов, недавно приехавший в Путятин. Супа связан с Бесом, Александром Безиным. Фактически компанией из микрорайона управляет Безин, а для вида — Супа. Если нападение на конюха совершили подростки из микрорайона, от них можно ожидать, что из «Ижевки» сделают обрез.

— Понятно.— Фомин помрачнел.— Но я все-таки начну с апачей, как ты их называешь. А ты тем временем поспрошай лошадников из других компаний, прощупай, что им известно о вчерашнем угоне.

Старинное, из красного кирпича здание конюшни находилось в дальнем углу фабричной территории, там имелись свои конные ворота, выходившие к реке. В давние времена фабрика держала до полусотни рабочих лошадей и еще выездных, для экипажей. Сейчас, по сведениям, полученным Фоминым, на балансе числилось семь лошадей, их использовали только для перевозок между цехами.

В ту пору, когда Фомин бегал к конюху дяде Егору за овсом для голубей, на фабричных лошадях еще ездили по городу и на станцию за мелким грузом. Зимой, в школьные каникулы, дядя Егор обвешивал тройку лошадей лентами и бубенцами, застилал сани ковром из директорского кабинета и катал по городу визжащих от радости детишек.

Идучи фабричным двором, Фомин вспоминал, каких трудов ему стоило завоевать расположение дяди Егора. Прибежишь к нему, подождешь, поюлишь — только тогда даст скребок: «Ступай почисть лошадок». Только лошадками называл, другого слова и знать не хотел. Поработаешь на совесть — отсыплет немножко овса. «Я из вас сделаю рабочий класс!» — говорил он путятинским голубятникам. И не дай тебе бог однажды плохо вычистить стойло или раструсить сенцо. Больше ты для дяди Егора не человек.

Повернув за угол ткацкого цеха, Фомин прежде всего обратил внимание на конные ворота. Они были заложены двумя здоровенными брусьями. Конюха Фомин увидел возле конюшни, он сидел на лавочке, как, бывало, дядя Егор. Шилов Петр Николаевич. Работал в ткацком цехе наладчиком станков, вынужден был уйти по состоянию здоровья на более легкую работу, в конюхи.

— Здравствуйте, Петр Николаевич.— Фомин присел на дубовую колоду. Тут он, бывало, сиживал, приходя к дяде Егору.

— Наше вам, Николай Палыч. А я уж заждался.— Конюх поморщился, осторожно потрогал перевязанную бинтом голову.— Болит... Пойду лягу. Расскажу вам и пойду...

Шилов оказался ночью на конюшне случайно. Задержался в гостях у старого друга и забоялся идти домой.

— Жена, знаете ли... Запилит! Я и решил соснуть в сенце. Вот тут и лег.— Конюх показал на ворох сена у входа в конюшню.— В котором часу пришли за лошадьми, сказать не могу. Проснулся, вскочил, а сзади ка-а-ак саданут по затылку!.. Больше ничего не помню. Утром очнулся — голова трещит. Где лошади? До затылка дотронулся — и, боже ты мой, в глазах круги. Побежал звонить участковому. Он приходит, я показываю ему пустую конюшню и вдруг вижу: нет ружья

— Ружье казенное?

— Мое.

— Унесли с патронами?

— Только ружье. Без патронов. Я его в ремонт сдавал — курок сбился.

— Вы помните хорошо, что повесили его в конюшне на этот именно гвоздь?

— В пятницу утром висело.— Конюх опять поморщился, потрогал затылок.— Болит! Пойду лягу.

«Крутит,— отметил про себя Фомин.— Участковый, что ли, напугал ответственностью за небрежное хранение?» Фомин знал, что при дяде Егоре конюшня на ночь не запиралась. А сейчас? Шилов пояснил, что и сейчас строжайше запрещено запирать лошадей на замок. Вдруг пожар! Не успеешь вывести, сгорят! Это правило, распространенное повсеместно, конечно, облегчало подросткам угон

лошадей. Из деревенских конюшен. Но фабричная находится на охраняемой территории.

— Пройдемся к воротам,— предложил Фомин конюху.— Утром вы увидели их открытыми?

— Взламывают! Я заколачиваю. Опять взламывают. Опять заколачиваю.

— Понятно,— приблизившись к воротам, Фомин увидел нечто весьма любопытное. Нижний брус, вдвинутый в железные скобы, был приколочен к деревянным створкам новехонькими гвоздями с блестящими шляпками. И никаких ржавых следов от старых гвоздей, которыми, как уверяет Шилов, он «опять и опять» заколачивает ворота после каждого угона. А верхний брус? Фомин дотянулся, слегка толкнул брус и еле успел отскочить. Брус вырвался из железных скоб и тяжело грохнулся на землю.— Спокойно! — посоветовал Фомин конюху и вытащил зубами занозу из ладони.— Значит, заколачиваете и заколачиваете? Да вы сегодня первый раз вбили гвозди в брус. И сделали это потому, что пропало ружье и вы хотели ввести милицию в заблуждение, показать себя более ответственным человеком, чем вы есть на самом деле. А до сих пор лошадникам было нетрудно отодвигать брусья и открывать ворота. И вам было нетрудно восстанавливать всю вашу бутафорию. Я правильно объясняю?

— Правильно.— Конюх вздохнул, осторожно потрогал затылок.— Вынужден был пойти на... как вы говорите, бутафорию. Обычно после угона я конные ворота не запираю. Старые лошади всегда возвращаются в свою конюшню. Устанавливаю, что все лошади на месте, и закладываю ворота. Лошади и теперь вернутся. Все шесть, в полном составе...

— Шесть? — Фомин насторожился.— А седьмая?

— Седьмая в длительной отлучке, вернется только зимой.— Конюх отчаянным жестом сдвинул бинт со лба на темя.— Я честно предупредил бухгалтерию, летом у меня штат неполный, выписывайте не на семь, а на шесть едоков. Они и слышать не хотят. Сказали, если в бумагах появится цифра шесть, то менять ее на семь можно будет только при предъявлении документа о покупке новой лошади.— Он махнул рукой и сдвинул повязку обратно на лоб.— Совсем меня запутали!

— Не они, а вы их запутали, Шилов! — жестко сказал Фомин.— Но меня вам запутать не удастся. В бухгалтерию вы подаете отчеты на прокорм семи лошадей. Кому вы сбываете излишки овса? Надеюсь, вы не станете меня уверять, что делите порцию отсутствующей лошади между остальными? Кстати, когда она пропала и какие меры были вами приняты? В милицию сообщили?

Конюх уцепился за последний вопрос:

— Как же, сообщили. Конь рыжей масти, старый, кличка Вихрь, особая примета — на лбу белая отметина. Только попробуй найди его. Пока сам не придет...— И Шилов, явно увиливая от ответа на вопрос Фомина об излишках овса, стал изливать свое возмущение безобразным поведением коня по кличке Вихрь.

Вихрь, в прошлом скромный и работящий конь, переродился в злостного тунеядца. Прошлой весной он ушел в бега, все лето шлялся неизвестно где, а похолодало — явился обратно в конюшню. Шилов поверил в чистосердечное раскаяние коня, не попрекнул ни единым злым словом. И чем же ответил Вихрь на человеческую доброту? Черной лошадиной неблагодарностью. Стоило солнышку пригреть, травке зазеленеть, он опять ударился в бега. Но ничего... Наступят холода, и конь-тунеядец приплетется с повинной. Пусть на этот раз не рассчитывает на снисхождение. Найдутся меры...

Фомин не утаил своего недоверия к рассказу Шилова.

— Значит, рыжий с белой отметиной на лбу? — На всякий случай он записал приметы Вихря.— Вы не пытались его отыскать? Поймать не пробовали?

— Вихря? Поймать? Он и близко к себе не подпустит. Я в прошлом году пробовал поймать. Не вышло. Даже Костя-Джигит...— Конюх осекся и умолк, отвел глаза.

— Продолжайте! — потребовал Фомин.— И поясните, в каких отношениях вы состоите с упомянутым вами сейчас несовершеннолетним Константином Мусиным.

Конюх поморщился и поднял руку к затылку.

— Не надо.— Фомин поглядел на конюха особым взглядом, которому долго учился.— Не надо симулировать, Петр Николаевич. Никто вас по затылку не стукал. Вы проспали и лошадей и ружье. Снимайте бинт и выкладывайте все, что может помочь милиции побыстрее отыскать лошадников и отобрать у них ружье.

Шилов со злостью сорвал бинт.

— Проспал я, проспал! Утром, не прочухавшись, вызвал участкового. Хотя лошади и приходят, об угонах полагается сообщать. Я не сразу заметил, что ружья нет. Заметил, только когда пришел участковый. Он у нас законник, стал мне разъяснять, какую я понесу ответственность за небрежное хранение. С перепугу я и соврал, что на меня напали.

Фомин вспомнил, как настойчиво твердила Нина Васильевна, что апачи не могли напасть на конюха. Они и в самом деле не напали. Но вполне могли похитить ружье. Хотя бы «для красоты», как она говорит.

Конюх продолжал свое чистосердечное признание. С апачами у него налажено мирное сосуществование. Он пошел на это ради лошадей. Другие подростки мучают животных, а ребята из Двудвориц под влиянием конюха Шилова даже стали кормить угнанных лошадей. Поэтому нельзя считать, что овес, проданный апачам, уходит на сторону, он достается тем же фабричным лошадям. За овсом апачи заглядывают исключительно в дневное время, хотя, конечно, проникают на территорию фабрики через забор, а не через проходную. Чаще других конюху приходится иметь дело с Костей-Джигитом или с Бубой, фамилия которого конюху неизвестна, а зовут Андреем.

«Бубенцов,— отметил про себя Фомин.— Что у него в карточке? Отца нет, живет с мамой и бабушкой, в школе характеризуется отрицательно».

— Когда они последний раз приходили к вам за овсом?

— В пятницу.

— Кто приходил?

— Оба. Я еще, помню, удивился. Приходит сначала Костя, покупает десять кило. Через час Буба. И тоже просит десять кило.

— А ружье они могли увидеть?

— Кто их знает! В конюшню заходили оба.

«Видели. Один увидел, сказал другому, тот пришел удостовериться, что ружье все еще висит».

С легким сердцем Фомин пошагал в Двудворицы.

Костя Мусин, по прозвищу Костя-Джигит, и Андрей Бубенцов, по прозвищу Буба, проживали в знаменитом доме №20, Доме Пушкина, как его называли в Путятине.

В какой-то послевоенный год железнодорожник по фамилии Пушкин обнаружил на станции невостребованный груз — ящики с деталями парковой скульптуры. Он открыл один из ящиков и увидел знакомую кудрявую голову. Железнодорожник писал во все концы — хозяева скульптуры так и не откликнулись. Тогда он перевез ящики в Двудворицы и смонтировал во дворе дома № 20 каменную садовую скамью и сидящего на ней Пушкина-лицеиста. Жильцы обсадили памятник березками, по праздникам стали приносить Пушкину цветы. Посторонним они всерьез говорили, что дому № 20 по случаю досталась скульптура работы самого Опекушина, который слепил Пушкина в Москве. Энергичная учительница литературы из Двудворицкой школы пыталась провести во дворе разъяснительную работу. «Не Опекушин у вас и вообще не оригинал, а массовая копия». Жильцы посоветовали литераторше обходить Дом Пушкина стороной. Слава памятника росла, молодожены приезжали сюда прямиком из Дворца бракосочетаний и возлагали к ногам Пушкина цветы.

Войдя во двор, Фомин увидел в тени выросших берез на деревянной длинной лавочке стайку молодых мам, нарядных, причесанных и накрашенных, а перед ними — выставку детских колясок на вполне приличном международном уровне.

— Коля! Фомин! — защебетали они наперебой.— Иди сюда! Правда, что на фабрике ночью конюха избили? И ружье украли! Ты кого подозреваешь? Неужели ребят из нашего дома? Что ты, Коля! Наши не могли!

— Извините.— Фомин принял вид самый официальный и суровый.— Спешу. Как-нибудь потом.— Он ускорил шаг.

У Бубенцовых Фомину открыла худая растрепанная женщина с папиросой в зубах.

— Андрей дома? — Он показал ей удостоверение.— Мне надо с ним поговорить.

— Я его мать. Проходите.— Она провела его в комнату, усадила за круглый стол, накрытый клеенкой, вдавила докуренную папиросу в хрустальную пепельницу, взяла из пачки «Беломора» следующую, чиркнула спичкой.— Врачи настаивают, чтобы я бросила курить, мама и Андрей умоляют, а я не могу.

Фомин обратил внимание, что ее тонкие нервные пальцы все время что-то сучат невидимое. Кадровая прядильщица.

— А где же Андрей?

— Он скоро придет.— За перегородкой, разделявшей комнату на две, что-то звякнуло стеклянно. Бубенцова нервно оглянулась.— Простите, вам вряд ли стоит ждать Андрея. Он вернется только к вечеру. Он уехал по грибы.

— Ваш сын сегодня ночевал дома?

— Разумеется.— Беспокойные пальцы ловили невидимую нитку.— А где же еще он мог ночевать?

«Вот именно, где? — подумал Фомин.— Ее, кажется, тоже интересует, где ночевал Андрей. За перегородкой не он, а бабушка. Пьет свое лекарство. Из-за Андрея...»

Ничего нет хуже, как говорить с матерями и бабушками о том, где были и что делали интересующие милицию люди. От матерей и бабушек никогда не дождешься правдивых и точных сведений. Сидят, комкают в руках платочки и врут, врут, врут... Святая материнская ложь. Послушать, так сынок днем сидит дома и читает хорошие книжки, а ночью сладко спит в своей постели. Или он вчера спозаранку уехал к дяде во Владимир, к тете в Архангельск и потому никак не мог участвовать во вчерашней драке, в краже, в нападении... Конечно, Фомин знал, как можно поймать на вранье мать и бабушку Андрея Бубенцова. Задать несколько вопросов матери, потом пройти за перегородку и задать те же самые вопросы бабушке. Ответы непременно окажутся разными. Одна скажет, что он ушел по грибы, другая будет уверять, что уехал кататься на велосипеде. Мать припомнит, что Андрей вчера допоздна сидел у телевизора, бабушка побожится, что он ходил в гости к товарищу. И тогда Фомин усадит их рядом и спросит: «Дорогие мои, как же вас понимать? Какие у вас самые серьезные причины меня обманывать?»

Но что-то не хотелось ему применять нажитый опыт по части выяснения разных тайн в этой комнате. Возможно, еще придется сюда прийти с фактами в руках. А пока пускай радуются, что защитили. Своим волнением они выдали вполне достаточно для начала.

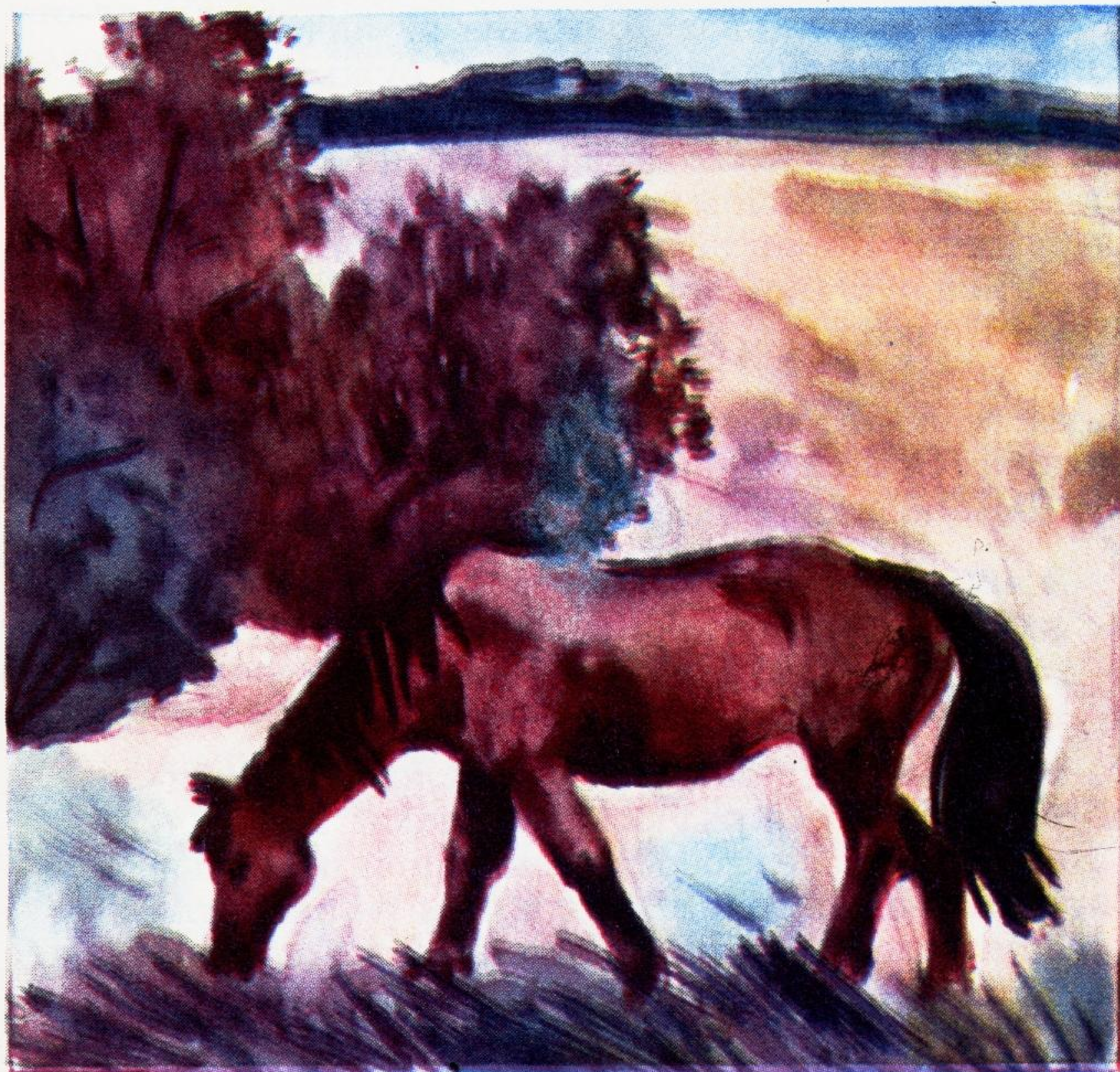
Из-за перегородки выплыла высокая старуха с суровым, властным лицом, дохнула на Фомина запахом валерьянки, подала фотографию в рамке, выпиленной лобзиком:

— Вот он, наш Андрюша.

Фотография оказалась расплывчатой, любительской. Лохмы, расхристанная ковбойка, растерянная улыбка. Характера не видать. Зато обнаруживается броская примета: справа, выше виска, волосы завихрились вверх, как говорится, теленок зализал.

Держа в руках рамку с фотографией, Фомин окончательно уверился, что мать и бабушка не видели Андрея со вчерашнего вечера, а может, со вчерашнего утра, а может, и несколько дней. Они не находят себе места от тревоги, и это означает, что у них имеются основания бояться, не стряслось ли с ним нечто ужасное. Потому-то бабушка и показала сотруднику милиции фотографию своего ненаглядного Андрюши. Позаботилась, чтобы Фомин на всякий случай запомнил, как выглядит Андрей Бубенцов.

Конь вышел к просторной лесной полянке.

Костю Мусина Фомин застал дома. Вождь апачей, смуглый и узкоглазый, с черными торчащими космами, ни капли не встревожился. Он сухо проинформировал Фомина, что родители и сестренка уехали по грибы.

— А ты что же? — спросил Фомин.

— А я стираю,— ответил он сквозь зубы.

Фомин прошел следом за ним в кухню, обратив по пути внимание, что в комнате на обеденном столе разложены какие-то ведомости. Костин отец, бухгалтер, о педантичности которого в городе рассказывали легенды, взял на дом какую-то срочную работу, но душа грибника не утерпела, и он все же укатил, а Костю явно в наказание оставил дома.

На кухне возле раковины перегруженно выла стиральная машина, в корыте, поставленном на два табурета, лежала гора замоченного белья, на газовой плите грелась в баке вода и клокотал в огромной кастрюле суп.

— Нда-а,— посочувствовал Фомин.— Провинился, что ли, вчера?

Вопрос остался без ответа. Вождь остановил машину, вытащил деревянными щипцами окутанное паром белье, загрузил новую партию. Фомин понял, что Костя Мусин вышел в вожди не на одном лишь внешнем сходстве с индейцем. Он скрытен и упрям. Фомин достал записную книжку. «Ладно, приступаем к делу».

— В котором часу уехали родители?

— Не помню. Я рано лег спать. В девять. Они еще были дома.

— Тебе известно, что вчера были угнаны лошади из фабричной конюшни?

Вождь пошуровал шумовкой в кастрюле с супом.

— Известно. Услышал сегодня утром во дворе.

— От кого?

— Утром все знали.

— А в доме знают, что лошадей из фабричной конюшни всегда угоняет твоя компания?

— Знают.— Вождь усмехнулся.

— В пятницу днем ты заходил в конюшню?

— Заходил.

— Где спрятал купленный овес?

— В сарайке.

— Сколько купил?

— Десять кило.

— А сколько купил Бубенцов?

Что-то дрогнуло в невозмутимом «индейском» лице. Костя, кажется, не знал, что после него у конюха побывал Бубенцов. А известно ли ему, что Бубенцов не ночевал дома?

Но Костя уже оправился от минутной растерянности, на все вопросы отвечал твердо и упрямо, ничем себя больше не выдал. Про Бубенцова он ничего сказать не может, не виделся с ним ни вчера днем, ни сегодня утром. Про угон лошадей ничего не знает, кроме того, что услышал утром во дворе. Овес им куплен про запас, на всякий случай.

Похоже было, что вождь апачей действительно не причастен к вчерашнему угону. Родители не взяли его с собой по грибы за какое-то другое прегрешение, совершенное днем, а не поздно вечером. Но вот Бубенцов... Он может быть причастен. Костя говорил о Бубенцове с явной неприязнью. Не могло ли случиться так, что Бубенцов вышел из-под власти вождя, завел свою компанию и совершил самочинный угон?

Фомин строго посоветовал Косте Мусину сидеть дома, никуда не отлучаться, он еще может понадобиться, и отправился дальше по Двудворицам.

Витя Жигалов тоже оказался дома. И родители у него тоже уехали по грибы.

Юного техника Фомин застал за работой: Витя мастерил электрогитару. На вопрос о самопале он пренебрежительно отмахнулся. Самопалы — пройденный этап, сейчас в моде вокально-инструментальные ансамбли. Инструменты и радиоусилители стоят дорого, приходится соображать самим.

В одно слово с вождем Витя заявил, что лег спать в девять часов, об угоне услышал утром во дворе, от кого — не помнит, утром все знали.

«Ай да Мусин! — отметил про себя Фомин.— Держит своих в струне».

— Лег, значит, в девять? — переспросил он благодушно.— И про угон услышал утром во дворе? Так, так.— Фомин покивал, как бы одобряя правдивость юного техника, и вдруг резко переменил тон: — А что еще велел тебе говорить Костя-Джигит?

Витя испуганно заморгал:

— Больше ничего не велел.

— Ты с Бубенцовым дружишь?

— Да ну его! Он чокнутый.

— А Мусин какой?

Витя покраснел, зашарил глазами по столу.

— Что ищешь?

— Отвертку.

— Она у тебя в руке!

Витя окончательно растерялся. Остальное уже было делом техники. Фомин узнал, что апачи собирались в пятницу вечером покататься. Пришли, а конюшня пустая, на дверях записка с ругательными словами. Подписи нет, но и так ясно, что лошадей угнали старые враги апачей, лошадники из микрорайона.

— Не верите мне, что лошадей уже не было,— спросите у Вовки Дьякова или у Мишки Курочкина, у Тольки Голубева...— Простодушный Витя ссылался, конечно, на тех, кто ходил в тот вечер в фабричную конюшню.

А про ружье, как выяснилось, он ничегошеньки не знал.

Чтобы не подводить доверчивого мальчишку, Фомин не пошел сразу к тем, кто был вчера с Костей-Джигитом в конюшне. Он сначала понаведался кое к кому из списка апачей, полученного от Нины Васильевны. Оказалось, что и эти ребята знают в подробностях о вчерашнем происшествии. Вовки Дьякова дома не было, а Миша Курочкин и Толя Голубев показали то же, что и Витя Жигалов. Никто из ребят ружья в конюшне не видел.

Нина Васильевна оказалась права: ружье унесли ребята из компании Лешки Супрунова. Правда, и они не нападали на конюха. Зато могли совершить угон для вида, а на самом деле приходили специально за ружьем. Но тогда зачем они оставили улику — ругательную записку? И вообще зачем угнали лошадей? Конюх спал, можно было спокойно взять ружье и уйти.

«Везет мне на дела, которые из простейших превращаются в сложные и запутанные»,— сокрушался Фомин, возвращаясь в горотдел.

Киселев

Что-то большое и темное приближалось из глубины березового леса. «Лось? — Володя вгляделся.— Нет, не он». Меж берез неслышной поступью пробирался гнедой конь. Володя, сам не зная для чего, пошел следом за ним. Конь вывел Володю к просторной лесной поляне. Посередке трава росла повыше и погуще, там, должно быть, прятался небольшой бочажок.

Володя снял с плеч тяжелый, почти доверху полный пестерь на широких брезентовых лямках, присел на пень у края поляны. Гнедой хрупал траву возле бочажка, тревожно прядал ушами и пофыркивал. Володя полез в карман старого плаща, достал свой припас, завернутый в тряпицу. Презрения достойны те, кто тащит с собой на природу пакеты с бутербродами, бутылки с лимонадом, консервы!.. Настоящий грибник предпочитает всем яствам горбушку черного хлеба, посыпанную солью, и никогда не заворачивает ее в бумагу, только в холщовую тряпицу. Такие горбушки, навалявшись в кармане, делаются еще вкуснее. И запивать их надо хрустальной водой из лесного ключа.

Володя отломил кусочек, бросил в рот. «Пища богов! — Он быстро умял половину горбушки и только тогда спохватился: — Что же я один ем! Надо и его угостить.— Он поднялся с пенька и направился к гнедому.— Кажется, лошадям подносят хлеб на раскрытой ладони?» — Володя приостановился в сомнении. Ему никогда не приходилось водить близкое знакомство с деревенскими сивками и сарвасками. С фаворитами скачек тоже.

Опасливо поглядывая на гнедого, Володя не трогался с места. «Еще лягнет своим тяжеленным копытом! Я же для него совершенно чужой. Может, я подбираюсь с подлыми мыслишками. А у него вон какие зубы. Возьмет да и тяпнет. И вообще почему он шастает один по лесу, а не пасется в дружной лошадиной компании? Подозрительно! — Володя огляделся по сторонам и обнаружил, что на поляне этим летом косили. Круг пожухлой травы остался, очевидно, от копешки сена. А вот и след тележных колес.— Кто же тут косил? Лесник? Навряд ли. Он выбрал бы себе покос ближе к Ермакову, где лесничество. А из Дебри косить некому. Там сейчас остались только три старухи».

Конь чуял запах хлеба, раздувал ноздри и грустно глядел на Володю крупными лиловыми глазами: «Ну что же ты!» Володя мобилизовал всю свою волю, раскрыл ладонь с горбушкой, шагнул вперед. Гнедой тотчас отступил — тоже на шаг. Володя занес ногу, но не шагнул, замер неподвижно — конь озадаченно переступил копытами.

— Ты что? Не доверяешь? — При звуке человеческого голоса конь передернулся, будто припомнил что-то малоприятное.— Ну, как знаешь.— Володя положил хлеб наземь, попятился. Гнедой не тронулся с места.— Не стесняйся! Ешь! — крикнул Володя, отойдя к краю поляны. Конь взмахнул хвостом, приблизился к хлебу, подобрал соленую горбушку мягкими губами и принялся жевать. На грустной длинной морде выразилось удовольствие.

— Извини, брат, что мало! Я же не знал, что мы встретимся! — Володя вскинул пестерь за спину и пошагал неторной лесной дорогой по следу тележных колес, глубокому и черному на заболоченных низинках и еле заметному на сухих участках дороги.

Колесный след вывел Володю к заброшенной деревушке. Дебрь и в лучшие свои времена не была большой и многолюдной. Теперь лес забирал обратно все, что у него когда-то отвоевали люди. Но три избы наперекор всеобщему запустению бойко посверкивали промытыми окошками, на подоконниках пышно цвела алая герань, все соцветия глядели на улицу, будто там все оставалось по-прежнему и есть кому порадоваться красоте.

Три старухи наотрез отказались покинуть свои избы, как ни прельщал их сельсовет комнатами в новом доме с водопроводом и отоплением. Одна из

Володя увидел обрывок цепи на железной балке, ухватился и опасливо глянул вниз.

старух доводилась дальней родней сторожихе музея тете Дене. Володя, если случалось забрести в деревушку, непременно передавал «Дебринской Анютке» поклон от тети Дены и уносил из Дебри ответный поклон тетке Денисии.

«Но кто же все-таки пробился сюда недавно? Да еще на легковой? — Володя остановился, увидев свежий, четкий след автомобильных шин, под которым скрылся приведший его в Дебрь след загадочной телеги.— Уж не приезжал ли кто-то опять с новыми мерами против последних жительниц деревушки?»

Он потопал сапогами на крыльце, чтобы предупредить хозяйку, и вошел. Увы! Там, где исправно работает телевизор, уже нет места человеческому

общению! «Вам привет от тети Дены». «И ей от меня поклон». Вот и вся беседа! Володя видел, что старухи страдают оттого, что не могут поговорить с гостем. Не так-го много к ним забредало гостей! Однако никаких нет сил оторваться от голубого экрана, прилепил он их к себе, как клейкая бумага. Володя поспешил ретироваться, чтобы не доставлять старухам страдание.

С крыльца избы «Дебринской Анютки» Володя заметил, что напротив в церкви настежь распахнуты двери. Он вошел. Под ногами хрустели щепки, крошилась штукатурка, возле амвона чернел след костра. Красть тут уже давно было нечего. Но кто-то все же хаживал через груды мусора к узкому ходу на колокольню. Володя поставил пестерь и полез вверх по искрошившимся кирпичным ступеням. Вокруг колокольни метались стрижи. Володя увидел обрывок цепи на железной балке, ухватился и опасливо глянул вниз: высоты он боялся. Перед глазами все поплыло, закружилось, но Володя не отступил. Наконец картина внизу прояснилась. Деревня казалась с высоты еще более заброшенной. Зато огороды за избами!.. Володя присвистнул от удивления. Уж он-то знал, что такое вскопать, посадить, прополоть, окучить. А тут у каждой соток по шесть. И картошка, и капуста, и морковь, и лук. Неужели сами со всем управляются? И тут вдруг Володе бросилось в глаза что-то блескучее. Прозрачная пленка. Ею прикрыт стог сена за скотным двором заброшенной усадьбы. «Однако,— подумал Володя,— как укромно поставлен стог. С улицы не углядишь, только сверху. Похоже, что, кроме трех старух, тут появился еще кто-то. Ну и хорошо. Крепче будут держаться».

Через час с полным доверху пестерем Володя вышел к шоссе неподалеку от Медвежьего оврага.

Возле моста на обочине маячила унылая фигура в нейлоновой желтой куртке с капюшоном. Поза выдавала долгие и безнадежные попытки перехватить машину. Володя приблизился. Из желтого нейлона высунулась черная борода.

— А-а-а... Мыслитель! Привет!

Володя узнал Толю, одного из художников, которые два года назад расписывали в Путятине новое кафе. А проще сказать, занимались халтурой. Причем Толя был у них на побегушках. Любопытно, что привело его снова в Путятин!

Никаких хитрых расспросов не понадобилось. Толя сам рвался поведать о своих злоключениях. Приличные, интеллигентные люди проводят трудовой отпуск на лоне природы. Разбили палатки, удят рыбу, собирают грибы, все тихо, мирно. И что же? Сегодня утром просыпаются и видят: у «Жигулей» продырявлены все четыре шины, «Жигули» сидят осями на земле. Кто? Зачем? Как подкрался? Ведь с интеллигентами прибыл на отдых Ральф, московская знаменитость, золотой медалист. Он щенком стоил пятьсот рублей, а прошлой ночью ни разу не тявкнул. В пору думать, что шины пропорол леший или какая-нибудь лесная кикимора.

— Или кто-то из своих,— заметил Володя.

— Да ты что! Интеллигентные люди. Все чисты, как стеклышко, народ проверенный.— Володя хотел спросить, на чем проверенный, но промолчал.— Слушай! — Толя состроил жалобную мину.— Я им нахвалил ваши места. И теперь вроде бы я во всем виноват, мне и шины чинить. А ты думаешь, легко в лесных условиях демонтировать, вулканизировать!.. Говорят, у вас в городе частник есть, мастер на все руки. Ты случайно адреса не знаешь?

Володя поколебался, но все же назвал Толе адрес тети Дены. Впрочем, в Путятине первый же встречный направил бы Толю именно туда, к неблагодарному племяннику тети Дены.

Не скоро они дождались в этот субботний день идущего в город грузовика. Выбежали на асфальт, замахали руками. Тяжелый голубой «ЗИЛ» на полном ходу пролетел мимо. И вдруг остановился, дал задний ход.

— Владимир Александрович! Садитесь, подвезу! — радостно заговорил шофер Куприянов, с которым Володя познакомился, когда лежал в больнице.

Володя стал рассказывать ему Толину горестную историю о шинах, пропоротых при самых загадочных обстоятельствах.

— Лошадники! Больше некому! — Куприянов в сердцах выругался.— Поймать бы да крапивой по голому заду. Хулиганы. Я их вчера вечером согнал с шоссе. Скачут по асфальту как бешеные. Вот здесь где-то и согнал, перед мостом. Совести нет. Лошади за день уработались, им отдых положен...

— А верно! — заметил Толя.— Вечером возле нас околачивалась какая-то шпана. С лошадьми.

Володя уже слышал мельком о новом увлечении путятинских подростков. Надо будет расспросить о них Ваську. Уж он-то знает.

Куприянов велел Толе лезть в кузов, а Володю хотел усадить рядом с собой в кабину, но Володя отверг все привилегии и полез за Толей в кузов.

Грузный «ЗИЛ» медленно полз по узкой лесной дороге, переваливаясь по-утиному с бока на бок. Перед болотом Куприянов остановил машину, вышел прогуляться по старой, осевшей гати: выдержит ли она тяжесть «ЗИЛа»? Гать выдержала, но еле-еле.

Толя нашел для своих друзей прекрасное место на берегу Пути. Среди зелени эффектно выглядели оранжево-синие палатки, полосатые шезлонги, раскладной столик с крышкой из красного пластика, такие же стулья. Но ярче всего сияли «Жигули» цвета яичного желтка.

Навстречу выбежал обрадованно долговязый очкарик в студенческой зеленой куртке.

— Ну, наконец-то! — крикнул он.

Не спеша подошел седой мужчина в джинсах и толстом свитере, молодо улыбнулся:

— Спасибо, товарищи! Прекрасно понимаю, как вам не хотелось сюда ехать! — Он долго тряс руку Куприянова, а затем и Володя ощутил его крепкое рукопожатие и внимательный взгляд: а ты что за птица?

Третьим показался из палатки заспанный толстяк в красном тренировочном костюме, заворчал на Толю:

— Тебя за смертью посылать!

Новые знакомые Толи произвели на Володю самое приятное впечатление. Серьезные люди, очевидно, техническая интеллигенция. Удивительно, как Толю приняли в такую компанию.

Желтые «Жигули» стояли на деревянных чурбаках, колеса валялись рядом. Володя попытался запустить мизинец в отверстие, проделанное в шине. Интересно, чем могли проколоть? Он подозвал Куприянова.

— Первый раз вижу такие проколы,— заявил Куприянов, внимательно осмотрев все четыре шины.

Володя приблизил нос к отверстию.

— Вроде бы пахнет горелой резиной,— и оглянулся на седого. Тот улыбался.— Не верите?

— Мне нравится ваша любознательность,— сказал седой.— Простите, вы кто по специальности?

«Жигули» стояли на деревянных чурбаках, колеса валялись рядом.
— Первый раз вижу такие проколы,— заявил Куприянов, внимательно осмотрев все четыре шины.

— Историк. А вы?

— Металлург. И мои друзья тоже.

«Я угадал! — отметил про себя Володя.— Техническая интеллигенция».

Однако, когда стали грузить колеса, Володино впечатление несколько переменилось. Все трое командовали Толей уж очень по-хозяйски, свысока, словно бы наняли к себе в услужение.

«Бедный Толя! Ему на роду написано состоять при ком-нибудь на подхвате. И все-таки интеллигентные люди не должны так подчеркивать его положение в своей компании. Будь даже они все докторами наук. Это нетактично».— И Володя демонстративно полез в кузов, чтобы помочь Толе.

По дороге он не стал расспрашивать Толю, где и как тот обзавелся такими важными знакомыми. Толя сам рассказал, что долговязый очкарик в студенческой куртке — его двоюродный брат Кирилл.

— Забыл, как сшибал у меня пятерки перед стипендией,— пожаловался Толя.

Слева показались корпуса нового больничного городка, под колесами загудел мост через Путю.

— Остановите у Лассаля,— попросил Володя.— Я дойду пешком.

Куприянов пропустил его просьбу мимо ушей и с ветерком домчал до самого дома.

Из калитки высунулся с таинственным видом Васька Петухов.

— Владимир Алексаныч! Вас один человек дожидается! По важному и неотложному делу!

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

ВЬЕТНАМ—ЛЕН СО!

Эти слова — «Вьетнам — Лен Со!» — «Вьетнам — Советский Союз!» звучали на улицах и площадях Хошимина в дни встречи советской и вьетнамской молодежи. Их повторяли тысячи вьетнамских пионеров — участников фестиваля. Древний город с удивительной архитектурой пагод преобразился, оделся в красочный наряд. Пионеры Хошимина встречались с почетными гостями — героями освобождения, с вьетнамским Гагариным — космонавтом Фам Туаном, участвовали в трудовых десантах, дали праздничный концерт на зеленой лужайке около городского Дворца пионеров. Всюду — на тихих улочках, на шумных перекрестках с тысячами велосипедистов — жители Хошимина радостно приветствовали посланцев Родины Ленина.

Фотографии А. АБАЗЫ, С. ФУРИНА.

Чан Данг Кхоа начал сочинять стихи, когда был совсем маленьким мальчиком. Когда ему исполнилось 7 лет, его стихотворения появились в печати, к 10 годам он был уже известен как «самый молодой поэт Вьетнама», а к 15-ти — стал автором двух сборников стихов.

На борту «Кораблика» — несколько стихотворений Чан Данг Кхоа в переводах советских поэтов.

Чан Данг Кхоа

Мост Кам

Написано в 11 лет.

Мост Кам, Птичий мост...
Здесь деревья во весь рост
Были, бомбы их скосили,
Листья снова их покрыли.

Вот ребята на мосту,
Красный галстук на лету.
Птица запевает песню
Где-то зацветает персик.

Здравствуй! Голоса звенят.
В поле жатва. Ловит взгляд
Золотые зерна риса,
Серп сияет в поле близком.

А машины тихо так
Мост качают, как гамак,
Шепот волн под колыбелью,
Неба синь над колыбелью.

Что ты вспомнила, волна?
Что вода твоя красна?..
Птицы вниз глаза скосили,
Ноги розовеют в иле.

Птичий мост. А под водой
Самолет лежит чужой,
И у нас еще винтовки
И сейчас на изготовку.

Из воронки в ранний зной
Буйволенок пьет смешной.

Любуясь цветами

Написано в 14 лет.

Посвящается Тхюи Зянгу.

Полюбуйся на цветок:
Он проснулся и продрог,
Как он свеж и как он мал,
Ты его не ожидал.
Фиолетовый отлив,
А как стебелек красив!
Смотришь дольше — гуще цвет,
Словно в солнце он одет,
Или даже в дождь одет
Этот нежный, юный цвет...
Любишь красоту в цветах?
Но подумай о корнях,
Растопыренных в песке,
Словно пальцы на руке.
Им держаться за песок,
Чтобы к свету рос цветок,
Им трудиться взаперти
И хвататься за дожди,
Им здесь влагу запасать,
Чтобы в зной цветы спасать,
Им из черной темноты
Делать яркие цветы.

Спи, малыш

Написано в 15 лет.

Спи, малыш,
Цветы не спят,
В ветках веет аромат,
В листьях дрожь —
рожденье ветра,
Спи и утро не проспишь.

Спи, малыш,
Не дремлет сад,
Все приятнее на вкус
И банан, и пампельмус,
Гроздья спелые висят,
К ним ты утром прибежишь.

Спи, малыш,
Не спят мечты,
Лунный серп вверху повис,
На земле все выше рис,
Утром подрастешь и ты.

Спи, малыш,
Полно забот
О тебе у всех больших:
Дед — в бригаде,
Бабка шьет,
У больших полно забот,
Чтоб ты вырос больше их.

Перевел В. Куприянов.

«ДРУЖБА».
ХЮЕН Туи Уйен, 9 лет.

Зерна риса нашего села

Написано в 11 лет.

Посвящается дяде Суан Зьеу.

В зернах риса нашего села
запахи, что речка принесла,
сладкий запах ила и песка,
лотосов из дальнего пруда,
есть в них песни маминой слова,
что она поет нам иногда...

В зернах риса нашего села
дождик марта,
ветер сентября,
капли пота, что упал со лба
в знойный день,
когда в реке вода,
словно подогретая, тепла,
так, что даже рыба умирает,
крабы лезут на траву, а мама
в поле рис сажает дотемна...

Зерна риса нашего села...
В те года, когда на нас летели
бомбы и в поход к далекой цели
за бойцом его винтовка шла,
ленты пулеметные блестели
ярким блеском рисовых полей,
в те года на жатве чашка риса
пахла дымным запахом траншей...

Зерна риса нашего села
стать добрее людям помогают,
ради них, чуть поредела мгла,
черпаками воду добывают,
черпают все глубже... Тяжек труд,
но высокий рис на загляденье!
Каждый вечер на поля несут
полные корзины удобренья.
Зерна риса нашего села
на войну машина повезла...
Я так рад,
и я о вас пою,
зерна риса нашего села!

«ЭЛЕКТРОМОНТЕРЫ».
НГУЕН Тхе Хыонг,
10 лет.

Принесу море в родной край

Написано в 11 лет.

Там звезды зажглись, или это огни челноков?
Там парус белеет, иль светится край облаков?
Цвет моря, все краски его в край родимый возьму,
чтоб цвет его синий остался на крышах домов.

Перевела М. Павлова.

Виктор ПОТИЕВСКИЙ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ РЫСИ

ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ

Рисунки В. ГОРБАТОВА.

Белобокий и Рыжегрудый

Полная луна, совсем недавно ярко-желтая, потускнела, словно посеребрилась. Ее края замерцали, покрылись инеем. И звезды потускнели, стали похожи на осколочки льда. Рысь выходила на поляну, разглядывала звезды, луну. Она считала их живыми. Далекими, незнакомыми. Молчаливыми и безразличными ко всему. Но живыми. Потому что они двигались.

Ночь уходила. Уходила и рысь с ночной охоты. Не спеша прошла по каменистому карнизу. Постояла у входа в логово. Не заметив ничего опасного, вошла в пещеру. Она знала, что ни один зверь, учуяв ее, не сунется в этот узкий черный проход. Но из врожденного чувства осторожности все-таки легла головой к выходу. Сон был тревожный. Ей снились волки, окружившие дерево, где она сидела.

— Карл! — громко ударило по ушам.

Риса проснулась. Старый ворон часто мешал ей днем спать. Конечно, рысий сон — чуткая дремота. И помешать ей спать трудно. Она все слышит и все равно спит. Но Карл ей мешал. Его голос вызывал у нее раздражение, желание выйти из логова, посмотреть — что это он разговорился.

Риса вышла из пещеры. Был яркий полдень. Лес, переполненный теплым солнцем приближающейся весны, был ослепителен. Она зажмурилась и, постепенно приоткрывая веки, долго привыкала к полуденному слепящему свету. Она давно уже не видела дневной жизни.

...Иногда в памяти неожиданно ярко вставали дни детства. Тогда все было наоборот. Днем она ела и играла. Ночью спала. Она жила тогда у людей, и ее приучили спать ночью. Она была маленькой и слушалась. Риса жила в доме лесника. Как-то он принес маленького рысенка своей дочери, девочка часами играла с лесным котенком, кормила молоком, ласкала. Однажды чем-то разозленный рысенок злобно заурчал на высокой ноте и перешел на шипенье: «Р-р-ри-с-с-са...» Девочка так и назвала рысенка — Рисой. И Риса запомнила свое имя...

Отплывали снега. Даже ночью длинные усы Рисы шевелились от теплого ветра.

Ручей, который Риса считала своим, уже промыл слой льда, державший его всю зиму, и вырвался наружу. Когда река становится бурной и обретает силу, воды ее обязательно мутнеют. Ей некогда разбираться, что у нее на пути, она смывает отмели, подмывает корни деревьев.

В бурные весенние дни Риса не пила воду из помутневшего ручья — пила из озера, но едва ручей успокаивался, становился прозрачным, она радовалась и приходила утолять жажду только к нему.

В последнее время Рису стала одолевать необычная для нее усталость.

И едва под теплым апрельским солнцем стаял снег, как у Рисы появились малыши: два рысенка, слепые, беспомощные, маленькие...

Спустя неделю у них открылись глаза. На рассвете у одного, у которого на боку, ближе к горлу, шерсть была почти белой, с едва заметным желтым отливом, а к полудню и у другого. Они уже не ползали так суетливо, как прежде. И пищать стали меньше. Тот, с белым боком, первый встал на все четыре лапки... Сделал шаг к выходу из пещеры. Упал. Снова встал. Риса смотрела на эти его неловкие попытки, радовалась его настойчивости. И первым успехам. А второй, со светло-рыжей шерстью, широко раскрыв глаза, смотрел на брата, на мать, на свет, проникающий в логово через вход, и только удивленно вертел головой. Потом и он попытался встать. Это ему неожиданно удалось. И он, под внимательным взглядом матери, с трудом удерживая равновесие, потопал к выходу. Оба малыша, еще не умея ходить, уже тянулись к выходу из родного дома. Их интересовал мир, в котором они появились.

Через несколько дней они уже боролись, прятались друг от друга, подкрадывались, нападали и даже издавали тоненькие звуки, отдаленно похожие на урчание. Риса ложилась на склоне немного повыше и сверху наблюдала за ними.

Уже начало всходить солнце, а рысята все играли, клубками катаясь по зеленой полянке.

Риса еще не увидела ничего, но уже почувствовала опасность, смертельную опасность для своих малышей.

И прежде, чем большая черная тень птицы скользнула по траве, Риса, совершив длинный прыжок, заслонила рысят. Она оскалила пасть, выставила вверх передние лапы, и острые ее когти тускло блеснули в ярком свете утра.

Рысь, да еще такая крупная, была опасна даже гордому беркуту. И орел, взмахнув огромными крыльями, поднялся над поляной, исчез за соснами.

Риса была уже далеко от дома, когда услышала шум идущего крупного зверя. Он двигался в стороне от нее, по направлению к ее скале, к логову. Она забеспокоилась, хотела бросить охоту, бежать к рысятам. Но зверь вышел на открытое место... Это был Уг. Бык-лось. Он был не стар, но силен и уже опытен. По осени выходил на звериную тропу свирепый и полный сил и трубил, вызывая соперника на поединок. Тогда не только склоны и скалы, но и лесные опушки вокруг гулко вторили ему: — У-у-у-г... У-у-у-г-г... Осенний ветер разносил мощное эхо, почтительный отклик природы на зов жизни и борьбы. И поэтому все звери знали, что зовут его Уг.

Уходила ночь, и рысь не спеша уходила с ночной охоты.

Уг не боялся Рисы. Она это знала. Но и ей нечего было беспокоиться за своих малышей. Лось не обижал никого из лесных зверей, хотя умел и постоять за себя, а иногда и за своих сородичей. Он прошел вниз к ручью, не заметив замершую рысь.

Когда Риса вернулась с добычей, рысята впервые всерьез подрались из-за еды. Белобокий первым рванул принесенную матерью птицу к себе. Ему надоело грызть мясо одновременно с братом. Он, видимо, решил, что тот мог бы и потерпеть. Но не тут-то было. Рыжегрудый с неожиданной силой тоже рванул добычу на себя. Белобокий не отпустил. Оба рычали. И Рыжегрудый внезапно выпустил мясо, отступил на шаг, словно в раздумье. Брат, удовлетворенный победой, стал есть, уже не удерживая добычу. И тогда рванул рыжий хитрец. Соперник, не ожидавший такого маневра, выпустил птицу. Но тут же бросился наказать обидчика. Вмешалась мать. И рысята полетели от ее шлепков в угол логова. Возвратились с виноватым видом, и, косясь друг на друга, сначала осторожно, а потом дружно принялись есть, забыв о недавней ссоре.

Риса, лежа на боку, смотрела на рысят, слушала их довольное урчание, и ей было хорошо. Как бывает хорошо матери, когда рядом с ней ее дети, когда у них есть еда и они веселы.

Ливень

Опаленная ночными холодами листва укрыла корни плотным ало-оранжевым слоем. С облетанием листьев стало далеко видно в лесу. Каждый шорох слышался далеко меж голых стволов. Ветры стали дуть пронзительным сквозняком. Ветер становился все холодней. Рысята катались на мягких, шуршащих листьях, играли, прятались друг от друга в листву. Они подросли, окрепли, и мать уже несколько раз водила их на охоту. Когда рысята мягко шли следом за Рисой, они старались подражать ее вкрадчивым движениям. Так же, как и она, изгибали тело при каждом шаге, так же замирали, вслушиваясь в чистую полупрозрачную мглу предрассветного леса. Хотя Риса в эти минуты сосредоточивалась на поиске добычи, она одновременно внимательно следила за своими питомцами. И ей нравилось, что они повторяют ее движения, подражают ей.

Риса обучала их всему самому важному, самому нужному, что умела, что знала. Они научились подолгу лежать в засаде, не шелохнувшись, научились выбирать место для такой засады в густом кустарнике неподалеку от норы полевки с подветренной стороны. Научились, бесшумно распластавшись по земле, скрадывать добычу, рябчика или куропатку, когда птицы выклевывали в земле свой завтрак на рассвете.

— Карл!

Риса замерла и насторожилась. Старый ворон никогда просто так, без дела, не выкрикивал свое имя. Он или предупреждал кого-нибудь, или насмехался, или выказывал раздражение... Сейчас он вертел головой и смотрел сверху на нее.

— Карл! — сказал он громко еще раз. Рысь стояла, принюхиваясь.

И она уловила едва заметный запах человека и железа. Он был очень слаб, этот запах. Потому что его забивал сильный дух можжевельника. Это был капкан. Риса не знала, что это такое. Но, зная коварство человека, была осторожна. Спасибо старому Карлу — она сошла с тропы, далеко обогнула тревожное место. Умный зверь становится вдвойне осторожен. И тогда не помогают человеку его хитрости.

А свой старый ворон есть в каждом лесу. Он предупреждает об опасности. Так уж устроена природа, обязательно должен быть старый черный ворон, который предупредит. И пусть иногда думают, что именно он накаркал беду. Потому что от него и узнают о беде. От первого. Приглядитесь когда-нибудь, проходя по лесной опушке, — и вы увидите, что он сидит на самой высокой вершине дерева. Выше всех. И внимательней всех оглядывает окрестность.

В тот день было тихо и сухо, но что-то тревожило Рису. Она даже хотела пропустить предрассветную охоту, остаться с рысятами в логове. Но все-таки вывела рысят в лес, потому что они были голодны. Им не везло. Звери и птицы словно попрятались. Им достался один болотный кулик. Длинноносого поймала сама Риса.

В воздухе пахло непривычно, и этот тревожный запах леса заставил Рису повернуть к логову, так и не завершив удачей охоту. Чутье не обмануло ее. Когда они были на полпути к пещере, стало вдруг темно, хлынул дождь.

Густой плотный ливень захлестнул землю. Цепляясь когтями за корни и траву, они пробивались к своей скале. Грохотал гром, но ливень казался страшней самой грозы. Рысята с трудом перебирались через потоки воды, в которых неслись сорванные ветром ветви и сучья. Рысята были ростом меньше матери, но и ей было трудно бороться с непогодой. Риса видела, как в водяной лавине

переворачивались убитые ураганом птицы. Вода сорвала одного из рысят, Белобокого, понесла его вниз... Риса бросилась за ним в страшный поток, два раза перевернулась, ударилась о камни и все-таки схватила его за холку. Так она носила его, когда он был маленьким.

Рысенок был крупным, тяжелым, лапы Рисы скользили, не слушались ее, но все-таки она подвигалась к большой ели, к ее крепким спасительным корням. В эти минуты она совсем забыла о себе, о своей безопасности. Не замечала, как дождь бил ее по глазам, что лапы изранены острыми камнями.

Они выбрались с рысенком под густые, раскидистые лапы старой ели. Дождь здесь не доставал. Неподалеку, обхватив толстый корень лапами, держался второй рысенок.

Вода потока превратилась в черную бурную реку. Кроме убитых птиц, вода уносила зайцев. Некоторые из них еще боролись, другие уже погибли.

Риса и рысята смотрели на неожиданное буйство природы, и всем им, особенно рысятам, открывалась жестокая и неотвратимая сторона жизни, требующая от жителей леса силы, цепкости и сообразительности.

Измученные, с пораненными лапами и боками, они добрались до логова. Дождь стихал. Заметно посветлело. Риса зализывала царапины, помогала рысятам. Она заметила, что ее детеныши изменились. Они больше ласкались к ней, ближе легли, чаще, чем обычно, посматривали ей в глаза. Позднее она заметила, что они и играть стали меньше, стали внимательней, осторожней входить в лес, присматриваясь, прислушиваясь. А Белобокий, больше других пострадавший во время урагана, выйдя из пещеры на другой день, неожиданно оскалился на мирную воду ручья. Злобно зашипел и попятился. Риса успокоила его, но было ясно, что рысята внезапно повзрослели. После тяжелого испытания они стали серьезнее относиться к окружающему миру. И это очень понравилось матери. Потому что уже недалек тот час, когда они сами станут защищаться от врагов, охотиться, устраивать свое жилье.

Уже несколько дней семья не возвращалась в пещеру. Надо было чаще менять места охоты, далеко уходить. Им нравилось залегать на дневку в новых местах, в укрытиях, словно нарочно приготовленных для них природой. То это была ямка под кустом густого круглый год можжевельника, то ниша под корнем вывороченной бурей сосны. А иногда они отдыхали на густой и сухой опавшей листве, подгребая ее под плотно лежащие одно к другому поваленные деревья, под которыми рыси пролезали, но кабан или медведь свободно уже пролезть бы не смог. Лес суров, но и приветлив, гостеприимен. И для зверя почти под каждым деревом найдется дом, который укроет от ветра, дождя. Прижавшись друг к другу, они спали своим чутким, настороженным сном. Они слышали шорохи, чувствовали запахи во сне. Когда возникал подозрительный звук, Риса поднимала голову, тревожно вслушивалась, всматривалась, принюхивалась. Рысята все это тоже слышали, но не особенно тревожились, потому что мать была рядом.

Сегодня их сон нарушил грозный лосиный рев. Голос был хорошо знаком Рисе, но рысята слышали его впервые. Они забеспокоились, прижались к матери, поджав свои острые пушистые уши.

— У-у-у-у-у-г-г-г...— гремело на всю округу. Казалось, последние алые листья осин и желтые листья берез вздрагивали, срывались с ветвей и падали на сырую и холодную землю, насмерть перепуганные этим трубным, грозящим, мощным голосом. Смелый Уг бросал вызов. Своим соперникам-быкам, таким же, как и он, да и всему лесу: деревьям, скалам, волкам, кабанам, кому угодно. Всем, кто осмелится. Ветер и эхо далеко уносили этот гулкий клич. И всякий, кто его слышал, понимал, что лес живет. Прокладываются новые звериные тропы, рождается новая жизнь. Кто-то умирает. А кто-то крупными глотками пьет ледяную, бесконечно чистую воду тайного родника, упрятанного за большим темно-красным валуном.

Белобокий хотел вскочить, но Риса ему не позволила, придержав лапой. Она знала, что большой Уг, в общем, безобиден. Но сейчас, когда он издавал свой боевой клич, появиться в поле его зрения означало рисковать жизнью. Он мог любого, кто выйдет к нему, принять за противника. И убить. Сокрушительным ударом своего тяжелого переднего копыта или широкими своими, твердыми, как можжевеловый корень, рогами. Рыси лежали в густом вересовом[1] кустарнике и, приподняв головы, наблюдали. Неподалеку на склоне холма стоял этот крупный лось. Его тяжелая голова была низко опущена, большие глаза налились кровью, темно-рыжая шерсть на холке встала дыбом. Он ждал врага, соперника. И тот пришел. Ломая кустарник, с шумом и треском выскочил на тропу навстречу Угу. Когда они ударились рогами, казалось, хвойные лапы, нависающие над тропой, вспыхнут от искр. Треск сухой и пронзительный, словно неожиданная молния поразила соседнюю сосну. Противник Уга был моложе и почти такой же крупный.

[1] Верес — северное название можжевельника.

У Рисы появились малыши: слепые, беспомощные...

Каждый хотел сначала сдвинуть, а потом смести противника с этой узкой тропы, по которой победно должен пройти только один из двоих. Мускулы быков вздулись и набрякли. Копыта их начали уходить в землю.

Затаив дыхание, рыси смотрели на битву гигантов. Это была еще одна тайна жизни, которую лес открывал рысятам. Тайна соперничества.

Быки еще стояли в прежней напряженной позе, ничего вроде бы не изменилось, но вдруг в какой-то момент стало ясно, что Уг победил. В следующее мгновение у соперника вдруг подогнулись ноги, он попытался отпрянуть назад, оступился, упал на бок, вскочил, разбрасывая в стороны комья земли. Большой Уг не преследовал его. Лениво и несильно поддавая его в бок рогами, Уг, высокомерно задрав морду, прошел по тропе несколько шагов следом. Остановился, презрительно скривив коричневые, с фиолетовым отливом губы, фыркнул, и из огромных ноздрей, нависающих над губами, со свистом выпустил пар. Это был вздох облегчения или просто усталости. Затем неторопливо прошествовал по тропе и скрылся за елями, где, должно быть, ждала его подруга.

Когда большой Уг ушел, Риса повела рысят в другую сторону. Бесшумно вышли они на опушку, слушая рассветную тишину. После битвы, которую они наблюдали, лес казался им притихшим, замершим перед началом нового дня. Восходящее солнце сделало особенно яркими осенние цвета листьев, трав, стволов, земли. Лес словно пылал. И в этом ярком лесу мягко и совсем неслышно скользили три рыси. Они ступали так, что даже листья — хрупкие и звонкие — почти не шуршали под их ногами.

В этот день Рыжегрудый впервые поймал тетерева. Белобокому и раньше удавалось удачно завершить охоту на тетеревов. Может быть, осторожнее подползал к будущей добыче или стремительней нападал. Его брату охота на птиц давалась труднее. И вот тяжелый косач с черным, отливающим синим перламутром оперением и изящной лирой широкого хвоста — награда рысенку за долгое, почти непосильное для него терпение, когда, прилипая к земле, полз так медленно, что сам едва замечал свое передвижение. И почти не дышал все это время.

Небольшого роста, темный и мохнатый зверь стоял уверенно, готовясь напасть на Рису и отобрать ее добычу.

Встреча с росомахой

Ночь была светлой. Самой луны не было видно, но ее лучи просвечивали через тонкую пелену облаков. И лес казался пронизанным насквозь этим мягким бледным светом укутанной в туманной пелене луны.

Давно уж был подо льдом и снегом ручей Рисы. Высокие снега, одевшие лес от корней и до вершин, отражали свет невидимой луны, и ночь казалась еще светлей.

Рысята играли на пологом снежном холме. Было очень тихо. Рыжегрудый прятался, а Белобокий нападал, искал его и снова нападал. Рыжегрудый зарывался в снег с головой, и, когда брат находил его, они катались в снегу, взбивая снежную пыль. Но все время молча, потому что мать запрещала шуметь, особенно ночью, и они уже привыкли к этому.

А Риса занималась делом. Матери всегда занимаются делом, когда дети играют.

Напряженно вслушиваясь в светлую ночь, она лежала сбоку от заячьей тропы, проходившей у холма, на котором играли рысята. Лежала, ожидая и надеясь на добычу. Риса обладала завидным хладнокровием и выдержкой, но на этот раз ей не пришлось выжидать слишком долго. Длинноногий заяц появился из-за елки, едва рысь легла в засаду.

С добычей в зубах Риса побежала к рысятам, ступила на снежный склон и вдруг замерла. Чуть выше ее по склону, совсем рядом стоял незнакомый зверь. Небольшого роста, темный и мохнатый, он уверенно стоял, готовясь напасть на Рису и отобрать ее добычу. Он собирался именно отобрать, потому что угрожающе показывал свои неровные, уродливые, острые и, видимо, очень крепкие зубы. И хотя зверь этот был меньше Рисы, но вид его, такой кряжистый и коренастый, встревожил ее. Широко расставив мохнатые свои лапы, он сверлил Рису взглядом и закрывал ей путь на холм, к ее рысятам. Но рысь была не из тех, кто легко отдает добычу врагу. Злобно зашипев, она уронила зайца на снег и сделала шаг вперед. До противника оставался один прыжок. Рысь прыгнула, но зверь проворно отступил в сторону, и она промахнулась. Риса хотела ухватить его зубами за холку, но он, жилистый и крепкий, увернулся, и у нее в зубах осталась его вонючая шерсть. Острый запах незнакомого зверя, запах его мускусных желез буквально забил рыси глотку. Зверь пытался вцепиться Рисе зубами в горло, но она тоже выскользнула. Он дважды поранил ей спину острыми и длинными когтями. Риса, взбешенная, вцепилась зубами ему в бок, забыв про удушливый запах. Враг неожиданно уступил, перевернулся на спину. Но она не стала

нападать на будто бы отступившего противника, вовремя почувствовала опасность, увидев приготовленные к удару острые и большие когти мощных задних ног зверя. Риса отпрыгнула в сторону, схватив зайца, о котором все время помнила, побежала вверх по склону. Негромко и злобно рычал зверь вслед уходящей рыси.

Случилось так, что Риса никогда раньше не встречалась с росомахой, редкой в этих местах. И это была первая встреча, познакомившая Рису с этим злобным, осторожным и смелым зверем.

Когда она поднялась на вершину холма, рысята все еще играли. Один лежал, зарывшись в сугроб по уши, не шелохнувшись, другой отыскивал его по следу, петляющему на снегу. Увлеченные игрой, они забыли обо всем на свете. О страхах ночного леса, об опасностях, о матери. Забыли потому, что мать рядом. Потому, что она о них не забудет.

Ночью жгучий воздух обжигал горло. Днем не было так холодно, но Риса, почувствовав беду, устроилась дневать с рысятами под вывороченным корнем сваленной ураганом сосны. Глубокая узкая яма позволила семье рысей укрыться достаточно удобно, иначе в такую студеную ночь они бы пообморозились, несмотря на пушистую зимнюю одежду. Риса не помнила таких холодов. На усах мгновенно нарастали льдинки, нельзя было облизать лапу, даже облизнуться — язык прихватывало, он прилипал к шерстинкам.

Не зря рысь-мать накануне так упорно искала надежное убежище и не стала ложиться на отдых прямо на снегу, как часто это случалось. Это и спасло рысят от беды. Прижавшись друг к другу, они грелись в похожей на пещеру узкой яме. Высунув морду наружу, пытаясь облизнуть оледенелые усы, Риса поняла, что вылезать из спасительной норы нельзя. Такой мороз не принесет удачи на охоте: никто не выйдет на тропы в такую ночь. Согревая друг друга, они дремали, пережидая суровую ночь. Голодные, они делили общее тепло, и им было хорошо. К полудню пошел крупный снег, и лютый мороз отступил. Гонимые голодом рыси вышли на охоту раньше обычного времени, едва лишь на землю опустились сумерки.

Наступала вьюжная часть зимы. Ночи стали темными, луна почти не появлялась над деревьями, и днем было пасмурно. Снег то мягко кружил — крупный и пушистый, как шерсть рыси, то, гонимый сильным ветром, свивался в поземку.

Потеплело. Сугробы стали пушистыми и глубокими. На любом месте в снегу можно было хорошо выспаться, отдохнуть, не боясь встретиться с волками или замерзнуть. Снег спрятал всех лесных жителей.

Пришло время расставания в рысьей семье. Рысята были уже не рысята, а молодые рыси. Они так и не доросли до матери — слишком крупной была Риса. Но окрепли окончательно, научились охотиться, скрадывать жертву, лежать в засаде, прятаться от врагов. Они уже чувствовали, что надо уходить совсем от семьи, жить самостоятельно. И во время последней охоты не очень слушались Рису. Крупный тетерев — последняя совместная добыча — был съеден, и они разошлись. Риса долго еще стояла, глядя вслед то одному, то другому. Потом и она пошла обычным своим мягким шагом. Крупный снег садился на ее усы, хлопья касались ее черного носа и таяли. От этого блестящая мочка носа казалась еще более мокрой. Хлопья опускались на следы Рисы, и скоро место, откуда разошлась по лесным неведомым дорогам семья рысей, покрылось свежим снегом.

Так уж устроена природа: обязательно должен быть старый черный ворон, который предупредит об опасности.

Белобокий и Рыжегрудый выросли и ушли насовсем, но еще долго они будут оставаться в ее памяти, приходить в воспоминаниях во сне. Но уже сейчас они встали в ряд прошлого. А настоящее — зимний белый лес, полный запахов, шорохов и неожиданностей, был уже без них, без ее рысят. Она возвратилась к своему обычному образу жизни — к одиночеству. Она уже не отвлекалась на них, на их охрану, наблюдение за ними. Она изучала только лес. Одиночество позволяет очень сосредоточенно наблюдать окружающий мир. Одинокий житель леса свободен от забот и обязанностей стаи или стада. Но он свободен и от помощи сородичей, от их поддержки. И он особенно осторожен, потому что одинок. У него нет тыла, не может быть ему помощи. Он должен рассчитывать только на себя, на свой опыт, на свои силы, на свою удачу.

— Карл!

Риса остановилась, посмотрела на него, это был он, старый знакомый, черный ворон. Он тоже давно не видел ее и, видимо, просто поздоровался. И вдруг она поняла, что незаметно начался день, что жизнь ее изменилась с уходом рысят и что эта черная старая птица чем-то ей близка. По крайней мере сейчас Риса с удовольствием услышала его голос. Он словно напомнил ей, что она в своем родном старом лесу, где ее знают, где она у себя дома. А может быть, она рада была ему, потому что в одиночестве самым близким становится тот, кто умней, кто над всеми благодаря своему уму, высоте своей, как этот Карл.

На научной волне

Раздел ведет В. НИКИТИНА.

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

Тайны раскрытые и нераскрытые

КАК ЗВУЧАЛА ЛИШНЯЯ БУКВА

Если вам попадались в руки книги, изданные в прошлом столетии или в начале нынешнего, то вы, конечно, обратили внимание: многие слова в них напечатаны с буквой «ѣ», которая называлась «ять». В середине слова она читалась как «е», и гимназистам приходилось тратить немало усилий, чтобы запомнить, что в словах бѣлый, бѣгать, сѣно и многих других надо писать «ѣ», а не «е», как, например, в словах женский, зеркало, небо... Орфографическая реформа 1917 года избавила школьников от «проблемы» правописания «ѣ»: она отменила эту букву как лишнюю в русской азбуке. Но во все ли времена эта буква была лишней?

Буква «ять» была в азбуке, изобретенной специально для славян выдающимся просветителем IX века Константином Солунским, который более известен под своим монашеским именем Кирилл. Кирилл был родом из Солуня (сейчас это город Салоники на севере Греции), и в азбуке он обозначил буквами все звуки, которые были в диалекте его родного города. Один из гласных звуков солунского диалекта и был обозначен буквой «ять».

Ученые давно предполагали, что буква «ѣ» и в древнерусских книгах не была лишней: она обозначала какой-то гласный, не совпадавший по звучанию с «е». Но как произносили этот гласный люди, говорившие на древнерусском языке? Установил это замечательный русский языковед Л. Л. Васильев. Свое открытие он сделал в самом начале XX века.

Просматривая журналы середины XIX века, Васильев обратил внимание на записи народных песен Курской губернии. Записи принадлежали чиновнику из уездного городка Обояни А. С. Машкину, который филологом не был, но интересовался устным народным творчеством и в свободное время собирал песни местных крестьян. Л. Л. Васильева в этих записях заинтересовало произношение гласных в безударных слогах. А. С. Машкин, стараясь точно передать особенности исполнения, записывал: нясу́ть, сястры́, бяри́, но: нисла́, систра́, биpе́м.

В предударном слоге звук [ʼа] произносился в том случае, если в следующем ударном слоге стояли гласные *и, ы, у*. А звук [и] произносился в том случае, когда в ударном слоге стояли гласные *а, е, о*.

Но! Иногда гласные в первом слоге перед «е» под ударением в записях Машкина вели себя странно: то бире́м, то вяле́л... Как же так? И в том и в другом случае под ударением — «е», значит, в первом слоге должна быть гласная «и». Откуда взялась «я»? Тщательно проанализировав записи, Л. Л. Васильев обнаружил, что Машкин писал букву «я» в первом слоге в тех словах, в которых гласный под ударением в древних текстах обозначен буквой «ѣ», а не «е» — вялѣл. Значит, в тех случаях, когда в древнерусских текстах писалась «ѣ», то звучала она не как [э], а скорее как [и] или [иэ]. Потому что «я» в первом слоге в обоянском говоре звучала тогда, когда за ней под ударением стояла буква «и».

Позднее произношение, «вычисленное» Л. Л. Васильевым по старым и несовершенным записям, было обнаружено в диалектах на верхнем Дону, во многих говорах русского Севера и даже Подмосковья: в Зарайском районе. Городскому жителю диалекты кажутся «испорченным» русским языком. А на самом деле в местных говорах можно встретить старое звучание слов. Старшее поколение в этих областях произносит: биелой, биегать, лиес, сиено...

Язык, на котором мы говорим, когда-то звучал совсем иначе. В старых книгах можно найти уже утраченные слова и выражения, формы склонения и спряжения... Но как звучали буквы древних записей, «услышать» не так-то просто, хотя открытие Л. Л. Васильева показало, что все-таки возможно.

Г. А. ХАБУРГАЕВ,
доктор филологических наук.

Зачем и почему?

Баня на орбите

«Как космонавты принимают в космосе душ?»
Валя СКРИПАЛЬ, 8-й класс,
с. Пустовойтовка, Сумская область

Кому это не знакомо: придешь домой после тяжелой работы, еле ноги волочишь. А примешь душ, разотрешься полотенцем — и снова как новенький. Космонавт на орбите устает не меньше нашего, да и мытье требуется ему такое же регулярное, как всякому человеку. Но обеспечить его там не просто.

Знаете, сколько чистой, при-

годной для питья воды мы изводим, чтобы один раз помыться? Вымыть руки — около литра, а душ или ванна — это уже десятки литров. Даже на земле это удовольствие довольно расточительное. На орбите же — просто невозможное. Там каждый грамм воды и любого другого вещества на учете. Вот и изобрели для космонавтов герметично закрывающуюся «баню» — просторный скафандр, в который подается вода с мылом и тут же собирается обратно до капли.

Впрочем, в космосе выражение «до капли» не говорит ни о чем. Даже если воды целое ведро, она все равно соберется в огромную шарообразную каплю: там же невесомость! Это создает кое-какие трудности при мытье — поливать себя из ковшика на орбите невозможно. Воду приходится распылять, а потом, после очистки, снова пускать в дело.

В сложенном виде «баня» легкая, места занимает совсем немного. В работе же она безотказна и по отзывам космонавтов обеспечивает не только чистоту, но и хороший заряд бодрости.

Многие вещи, изобретенные для космических полетов, находят применение и на Земле. Не знаю, стоит ли сейчас заменять наши привычные ванны и души скафандрами, а вот поучиться у космонавтов искусству экономить, не разбазаривать зря жизненно необходимые ресурсы питьевой воды нужно и полезно каждому.

В. ИНОХОДЦЕВ

Газовая шуба

«Я знаю, что Титан — спутник Сатурна — имеет собственную атмосферу, которая даже плотнее, чем земная атмосфера. А почему только у Титана из всех спутников планет Солнечной системы есть атмосфера, а у остальных нет?»

Магомед ШАРИПОВ,
с. Первомайское, Дагестанская АССР.

Большинство планет нашей Солнечной системы кутаются в атмосферу, как в шубу. Шуба эта легкая, почти невесомая, но... Невесома-то она невесома, а удержать ее планете совсем непросто. Дело в том, что среди молекул газов, из которых состоит атмосфера, довольно много «быстроногих». У небольших небесных тел просто не хватает силенок на то, чтобы удержать таких непосед у своей поверхности — вот и разлетаются молекулы в разные стороны. А Титан — действительно титан среди спутников, он по размерам больше Меркурия и только чуть-чуть меньше Марса. Его силы притяжения хватает на то, чтобы удержать атмосферу.

Сила тяготения тем сильнее, чем больше масса тела. Бывают, правда, спутники большие, но «рыхлые», с маленькой плотностью вещества. У них сила притяжения невелика, и атмосфера около таких небесных тел не удерживается. Кроме Титана, газовая шуба есть еще лишь у одного спутника Юпитера — Ио. Недавно «под подозрение» попал спутник Нептуна — Тритон. Размеры у него подходящие, но о массе пока нет точных сведений. Так что с окончательными выводами придется подождать.

А. СЕМЕНОВ

Самый-самый!

ПРИЧУДЫ ПОГОДЫ

Чем сильнее светит солнце, тем, казалось бы, теплее должен быть климат. Но это не всегда так. Больше всего солнечного тепла попадает на Землю в ... ледяной Антарктике. На советской станции Мирный, у Южного полярного круга, было зарегистрировано, что в течение декабря — здесь это разгар лета — солнце посылает на каждый квадратный сантиметр земной поверхности 22 килокалории. Это больше, чем в течение июня получает квадратный сантиметр земли в Средней Азии (18 ккал). Пальмы и дыни не растут в Мирном только потому, что почти вся энергия солнечного излучения отражается от белоснежных антарктических льдов и снегов и, беспрепятственно проходя сквозь сухую, безоблачную атмосферу, теряется без всякой пользы.

Если солнца больше всего в Антарктике, то дождей — в тропиках. Самый сильный дождь пролился в 1952 году во время урагана над островом Реюньон в Индийском океане. За день там выпало 1850 миллиметров воды! В умеренных же широтах дождь-рекордсмен был зарегистрирован сто лет назад, 21 октября 1882 года, в Генуе: там за сутки вылилось 810 миллиметров. До тропиков, конечно, далеко, но и это немало: ведь в дождливом Ленинграде выпадает в среднем 570 миллиметров осадков за целый год.

А по дождливости за год абсолютный чемпион — город Черапунджи на крайнем востоке Индии. Там выпадает в год 11 674 миллиметра осадков — без малого по 12 тонн на каждый квадратный метр!

А. ИОРДАНСКИЙ

Что летает над Землей?

«Меня заинтересовал вопрос о «летающих тарелках». Я слышал о них разные случаи, но не знаю, верить мне или не верить?»
Андрей ЮШКОВ, 5-й класс,
г. Казань.

Над Землей летают птицы и облака, самолеты и аэростаты, ракеты и спутники. Из космоса на Землю прилетают метеориты разных размеров — ледяные, каменные, металлические. И еще время от времени над Землей летают загадочные шаровые молнии — загадочные, потому что никто не знает, как они возникают и как устроены.

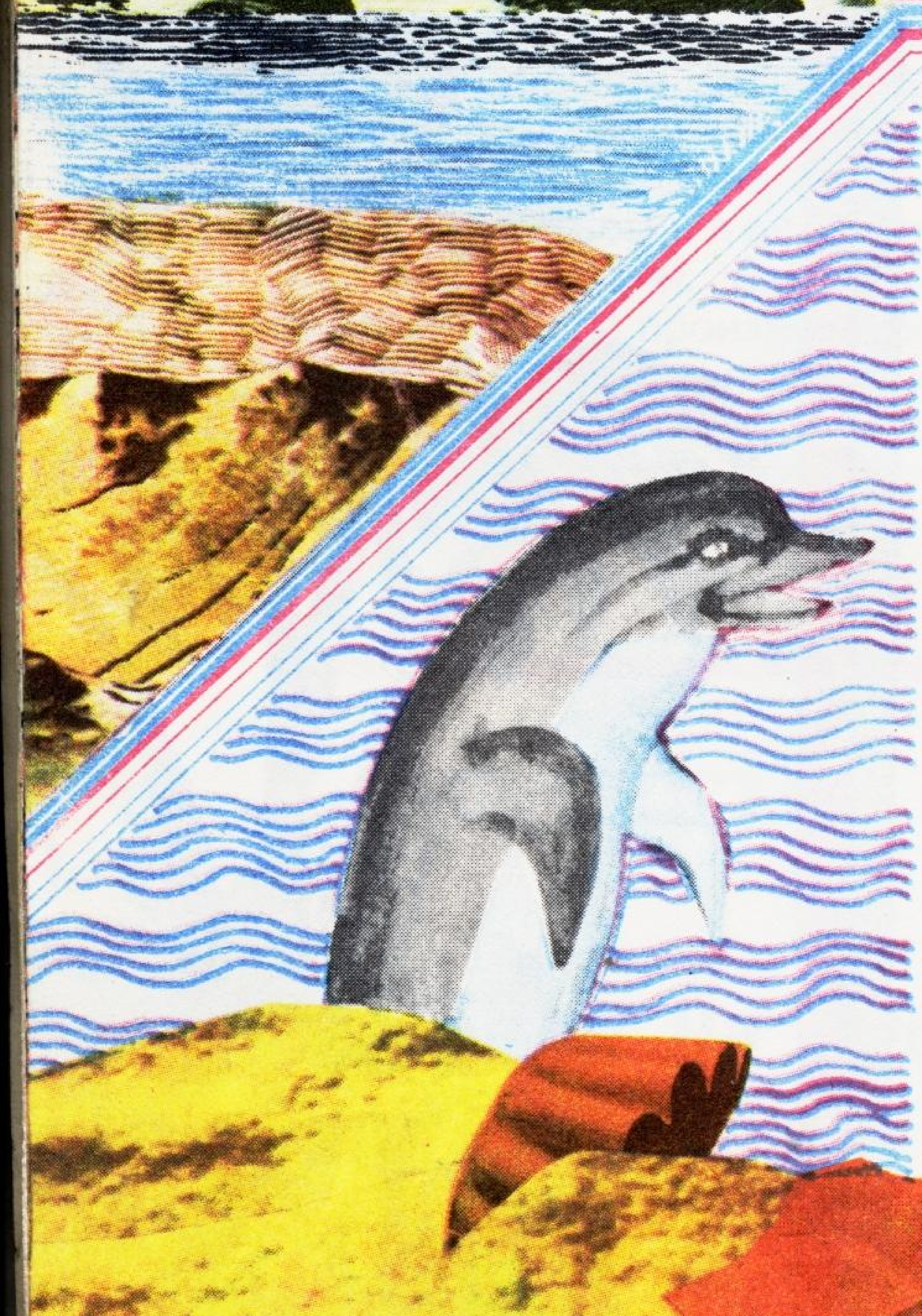
Но вот как-то довольно давно пронесся слух, будто над Землей летает еще что-то уж вовсе таинственное — по форме вроде огромной тарелки и не похожее ни на один летающий объект естественного или искусственного происхождения. Эти «летающие тарелки» стали называть НЛО — неопознанными летающими объектами.

Дальше — больше. Хотя никто не мог доказать, что НЛО существуют в действительности, слухи о них ширились, и даже поползла молва, будто это космические корабли инопланетян. Появились описания маленьких зеленых человечков — пришельцев из далекого космоса.

Конечно, сейчас никто не станет утверждать, что в нашей невообразимо огромной Вселенной не может быть планет, населенных разумными живыми существами. Нельзя совершенно исключить и возможность того, что инопланетяне могут посетить Землю. Но вероятность такого события настолько ничтожно мала, что ученые совершенно справедливо предпочитают искать более простое, более вероятное объяснение слухам о «летающих тарелках».

Сначала они вообще были склонны считать, что НЛО — это либо плод фантазии, либо обман зрения, мираж. Но когда собрали все показания очевидцев, то пришли к выводу: в земной атмосфере действительно происходят какие-то неизвестные науке явления. Только эти явления имеют естественное земное происхождение и пришельцы-инопланетяне тут ни при чем.

В. ХРАМОВ

Знаешь?

Некоторые горные породы при сжатии испускают радиоволны.

* * *

В подмосковном песке иногда находят крохотные чешуйки золота.

* * *

Общая масса дождевых червей, обитающих на одном гектаре луга, может достигать трех тонн.

* * *

Дельфинов можно обучить языку глухонемых.

В шутку и всерьез

СИНЕ-ЗЕЛЕНЫЙ БУЛЬОН

Кто говорил, что Балтика сурова? Тропики — да и только! Солнышко еще до полудня не доплыло, а мы с Илюшей пять раз успели искупаться.

Вчера вечером наша курортная жизнь казалась пропащей: холодно, дождик сеет. А за ночь неласковая вода внезапно успокоилась, угрюмые тучи куда-то разбежались... Кто говорил, что Балтика сурова? А ну-ка — еще раз в воду!

Разбежался Илюша, да у самого края затормозил: зеленоватая пенка, которую мы еще рано утром у берега заметили, теперь разрослась, заполнила все море до горизонта, превратила его в густой сине-зеленый бульон. Как в такую воду полезешь?

— Зацвело море,— печально сказал прохожий старичок.

— Что же ты предков своих боишься? — дразню я Илюшу, и мальчик, брезгливо расталкивая гущу руками, лезет в воду. Куда денешься? Жара!

Между прочим, насчет предков — это вовсе не шутка. Сине-зеленые одноклеточные водоросли — самые древние наши предки. Все, что цветет на Земле, ползает или бегает по ней, произошло от этих скромных, маленьких жителей древнего океана. Три миллиарда лет, а может, и больше — вот сколько цветут они в разных водоемах. Такой почтенный житейский опыт помогает им достойно переносить любые неприятности.

Балтийское море зацветает довольно редко — только когда солнечно, вода теплая и нет волн. Зато уж успевают сине-зеленые за один день расцвести пышным цветом. С утра у берега видна лишь легкая пена, к полудню зеркальная вода превращается в бульон, а к вечеру — в густой суп, в котором плавают тысячи тонн слизистых зеленых комьев, иные с кулак размером. А возьмешь в руку — рассыпаются на отдельные клетки.

Такой растительной силе люди радуются далеко не всегда. Например, в водохранилищах гидроэлектростанций сине-зеленых порой столько, что хоть турбины останавливай. Здесь для них благодать: вода спокойна (это вам не море), солнце светит, корма хватает — ведь в водохранилища нередко попадают удобрения, смытые дождями с окрестных полей. Вот и приходится изобретать особые химикаты, выгребать водоросли черпаками, разводить породы рыб, охочих до такого корма... Но и эти меры не всегда помогают. Ведь сине-зеленые приживаются всюду, где есть малейшая возможность прокормиться. Некоторые их виды давным-давно переселились на сушу (один из них — синяя «плесень», которая порой заводится в ванных комнатах).

А знаете, с чего начинается жизнь на островах, где все начисто вымерло после вулканических извержений? Да с того же, с чего она начиналась когда-то вообще,— с сине-зеленых.

Требуются на это считанные месяцы. Ветер заносит на остров споры, где-нибудь на дождевой луже появляется легкая зеленоватая пленка. Прилепившись к камню, сине-зеленые вместе с лишайниками образуют первую почву. А там недолго и до деревьев, насекомых, птиц...

Нет на свете растений, способных разрастаться быстрее, чем эти скромные одноклеточные. А питаться ими, между прочим, довольно полезно: белка́, например, в них очень много. Человеку, может, их есть и невкусно, но домашние животные поглощают их с удовольствием. Ученые предполагают, что крохотные водоросли еще пригодятся для того, чтобы обеспечивать пищей дальние космические экспедиции. Ведь водорослям требуется совсем немногое: углекислый газ (люди его выдыхают), вода да соли.

Так что если придется моему Илюше лететь к далеким планетам, может, он снова встретится с сине-зеленым бульоном. Хлебать его, видимо, космонавту Илюше не придется, но говорят, что в будущем из одноклеточных научатся готовить такие деликатесы, от каких никто не откажется. И, кто знает, не будут ли дети выпрашивать их вместо шоколадок?

П. САВКО

А теперь посчитайте сами!

НА НЕВЕДОМОЙ ПЛАНЕТЕ

В океан безжизненной планеты занесена одна клетка одноклеточной водоросли хлореллы, весящая 0,001 грамма. Сколько будет весить «население» планеты спустя земной месяц, если клетки хлореллы делятся пополам каждые 6 часов?

Ответ прочитайте, поднеся к странице зеркало.

ОТВЕТ

Чтобы определить, сколько клеток хлореллы окажется на планете через 30 суток (месяц), надо возвести число 2 в 120-ю степень — ведь каждые сутки происходит 4 деления. Если вы еще незнакомы с таблицей логарифмов, попросите помощи у старших. Пользуясь этой таблицей, можно определить, что 2^{120} приблизительно равно числу 13, к которому приписано 35 нулей. Зная, что каждая клетка весит 1 миллиграмм, легко определить: вес водорослей спустя месяц будет выражаться чудовищной величиной — 13×10^{26} тонн. Это примерно в 200 тысяч раз больше, чем весит наша Земля.

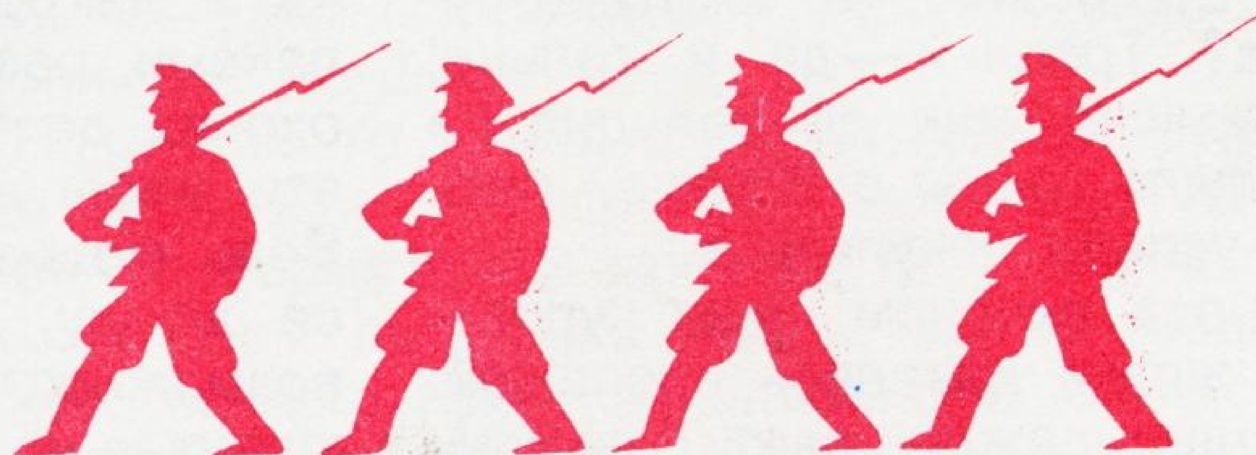
Немалая планета потребуется для такого населения!

13000

19 июля исполняется 90 лет со дня рождения Владимира Маяковского.

В своих письмах многие наши читатели рассказывают о своей любви к поэзии Маяковского, о любимых стихотворениях, запомнившихся строчках... Некоторые из этих писем мы сегодня публикуем.

СТИХИ - ОРУЖИЕ ПОЭТА

Впервые я услышала Маяковского, когда мне было три или, может быть, четыре года. Мне начала его читать бабушка. Первое стихотворение, которое я услышала,— «Рассказ о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка». Пролетарские стихи Маяковского потрясают меня. В его стихах обо всем говорится просто и коротко. Например, в стихотворении «Исчерпывающая картина весны»...

В школе я узнала больше о Маяковском. Подробнее изучила его биографию. Маяковский — революционер, но не с винтовкой, а со своими стихами. Его плакаты всегда воодушевляли и подбадривали трудящихся всех стран. Для меня Маяковский — простой советский человек, который потрясал своими стихами весь мир. Его стихи навсегда останутся в памяти народа.

Маша Сперанская.

Стихи Маяковского я знаю с детства.

Однажды я подрался с одной девчонкой. Это было в раннем детстве. Девочка заревела, побежала жаловаться своей маме, а ее мама пришла жаловаться на меня моей маме. В общем, вечером меня наказали, а потом стали читать стихотворение Маяковского «Что такое хорошо и что такое плохо». Стихотворение произвело на меня большое впечатление. Там были картинки, на которых изображались хорошие и плохие дети. А когда бабушка читала про человека, который обижает слабых, то голос у нее стал такой строгий, что я уже не сомневался: это как раз про меня. Кончалось четверостишие строкой: «Я такого не хочу даже вставить в книжку!» И правда, над этими строчками было пустое место, без рисунка. Меня это потрясло, ведь там всех нарисовали: лентяя, неряху, соню, а человек, который обижает слабых, оказывается, такой плохой, что его и рисовать не хотят! С тех пор я никогда с девчонками не дрался.

Вадик Березин.

Когда у меня плохое настроение, я всегда читаю «Облако в штанах» — и настроение проясняется, как небо в летний день. Я очень люблю эту поэму Маяковского. Стихи Маяковского я прочитал впервые лет в десять, и они мне не понравились. Я их не понял. А теперь я уже вырос, и эта «лесенка» строчек вдруг перестала быть странно расположенными на бумаге словами, она ожила, зазвучала, стала живым голосом, человеческой душой, такой же, как у меня.

Костя Зубов.

Поэзия — это не замкнутый мир, поэзия объединяет человеческие души. Я очень люблю стихи. Если бы я могла, я бы сама их писала. Но у меня не получается, и это мое горе. Но зато есть стихи, которые будто я написала! То есть стихи такие близкие, в них мои чувства, мои мысли выразил другой человек, который никогда про меня не знал и умер, когда я еще не родилась. Откуда он знает? Значит, в чем-то этот человек, писавший стихи, такой, как я? Мы похожи.

Я живу и чувствую жизнь по-своему. У меня свои радости и печали. И у других людей тоже. А поэт — это, наверное, человек, у которого, кроме своих радостей и печалей, есть еще и чужие — так устроена его душа. Маяковскому было дело до всего мира, как и всем нашим поэтам, которые не могли жить своей замкнутой жизнью.

Таня Федякина.

Мне нравятся два стихотворения Владимира Маяковского — «Рассказ о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка» и «Хорошее отношение к лошадям».

«Я знаю — город будет, я знаю, саду — цвесть, когда такие люди в стране в Советской есть!» — пишется в стихотворении. А ведь города еще нет. Есть грязь, холод, голод, а город — пока только мечта рабочих людей, которые, греясь лучиной, жуя промокший хлеб, строят этот будущий прекрасный город. А «Хорошее отношение к лошадям» я люблю за то, что оно доброе.

Андрей Лазарев.

Фотография М. ПАЗИЯ.

КРИБЛЕ, КРАБЛЕ, БУМС...

Братья Львиное Сердце

Жили-были два брата. Младший — Калле, по прозвищу «Сухарик», болел, целые дни лежал дома. О том, что происходит на улице, в школе, рассказывал ему старший брат, Юнатан. Однажды Сухарик случайно услышал разговор взрослых и узнал, что скоро умрет. «Не плачь и не бойся! — сказал ему тогда Юнатан.— Ведь ты попадешь в Нангиялу!» И рассказал о прекрасной стране по ту сторону звезд. Там всегда лето, там сейчас пора сказок, приключений, походных костров. Там, в прекрасной Нангияле, Сухарик будет здоров и счастлив. «Нет,— не согласился Сухарик.— Ведь ты еще долго будешь жить тут, и все это время я буду тосковать о тебе там, в Нангияле...»

Но вышло так, что Юнатан попал в Нангиялу первым: он погиб, спасая Сухарика из огня.

Так начинается новая сказка известной шведской писательницы **Астрид Линдгрен «Братья Львиное Сердце»** — о мальчишках-рыцарях, сражающихся со злом, о том, что в борьбе со злом победа зависит не только от взрослых.

Когда братья попали в прекрасную Нангиялу, они очень скоро поняли, что и тут, по ту сторону звезд, все не так спокойно и радостно, как казалось сначала. Здесь есть злой рыцарь Тенгил, и он захватил соседнюю долину.

И старший брат, Юнатан, за отвагу прозванный в Нангияле Львиным Сердцем, отправляется на помощь.

«Я спросил Юнатана,— рассказывает Сухарик,— почему он должен браться за дело, зная наперед, что оно опасно. Ведь с таким же успехом он мог сидеть дома в Рыцарском дворе и жить себе припеваючи. Но мой брат сказал, что есть вещи, которые нужно делать, даже если они грозят нам опасностью.

— Но все-таки, почему? — не отставал я. И получил в ответ:

— Чтоб быть человеком, а не комком грязи.

И маленький боязливый Сухарик идет вслед за старшим братом. Один, ночью, через страшные горы, где стерегут его волки, через посты жестоких охранников Тенгила. За ним по пятам крадется предатель, а где-то на горе караулит его ужасная драконша Катла...

Сухарику очень страшно, он плачет. Но не останавливается, потому что знает: пусть ты слабый, маленький, пусть тебе не справиться со взрослым стражником и уж тем более не победить дракона,— отступать все равно нельзя.

Не стоит пересказывать все приключения братьев Львиное Сердце, но добро, как и положено в сказке, победило зло. В Нангияле поднялось восстание — и не помогли Тенгилу ни его стражники, ни Катла... Добро победило, но Юнатан и Сухарик погибли. И опять старший брат сказал младшему: «Не бойся, мы не умрем. Мы уйдем в прекрасную Нангилиму. Там сейчас утро, и наши кони уже стоят на поляне и ждут нас...»

Конечно, ты понимаешь, что мудрая сказочница Астрид Линдгрен (ты хорошо знаешь эту писательницу, а ее повести о Малыше и Карлсоне, о Пеппи Длинный Чулок были опубликованы в «Пионере») рассказывает тебе вовсе не о загробном царстве. В сказочных странах по ту сторону звезд, о которых рассказывает писательница, многое нам знакомо. Ведь добро и зло борются не только в сказках...

«Зло вечно, его не победить»,— думают некоторые. «Но вечно и добро!» — хочет сказать Астрид Линдгрен.

Сказка «Братья Львиное Сердце» опубликована в сборнике «Музыка голубого колодца», который выпустило издательство «Молодая гвардия».

Н. СОЛОМКО

Марки — это серьезно

«Я хочу стать филателистом, но не знаю, какие марки мне собирать. Про животных, корабли? По искусству? Но такие марки собирают все, а я хочу создать оригинальную коллекцию. С чего мне начать?» — такие вопросы часто задают в своих письмах в редакцию наши читатели. На подобные вопросы прекрасно ответит всем юным филателистам книга **А. А. Чернышева «Салют, пионерия!»**, которая вышла в издательстве «Радио и связь».

Автор книги предлагает вам перелистать вместе с ним альбом советских марок, которые отражают историю и современную деятельность Всесоюзной пионерской организации. У советских марок, посвященных детям, большая история. В годы гражданской войны и разрухи марки спасали многих беспризорников: бóльшая часть сборов от продажи марок почтово-благотворительных выпусков шла в фонд помощи голодающим детям. А уже с 1922 года советская почта выпускает специальную серию марок «Филателия детям».

Сейчас в нашей стране 150 тысяч школьников увлекаются филателией. Они не просто собирают любые марки, а разрабатывают конкретные темы по истории нашей Родины, советской пионерии, культуре и спорту. Тем из вас, кто еще не решил, какой будет его коллекция, книга «Салют, пионерия!» даст совет. Прислушайтесь к нему.

А. БОРИНА

Рисунок А. ДУГИНА.

ЧЕРНИЧНЫЕ

Прошлое лето я провела вместе с друзьями в вологодских лесах. Жили мы в палатке на берегу речки, поросшей рогозом и густыми сочными травами.

К берегу реки подступал густой северный лес. Он манил нас, и каждое утро мы брали лукошки и ведра, шли по мягким, влажным тропам.

Тропы выводили нас к большим полянам. На них громоздились гигантские, лохматые кочки, похожие на диваны, поросшие обильной черникой. Ее было так много, что если бы мы вздумали бегать по этим кочкам, черно-малиновый сок брызгал бы из-под ног.

Мы выбирали себе по «дивану», садились рядом и начинали собирать ягоды. Они легко отлетали от кустиков, прыгали в ладонь. Хочешь — положи горсть черники в ведро, хочешь — в рот. Мы успевали и в рот, и в ведро. А черники не убавлялось.

Очищали мы кустики от черники в середине кочки, ложились в эту середину и вздыхали: «Уф! Полежим, отдохнем». Но черника отдыхать не давала. Она заглядывала в лицо, свешивала свои тяжелые гроздья на грудь, упиралась прохладными ягодами в живот, а ног вообще из-за черничных кустов не было видно. И, лежа на животе, мы продолжали собирать ягоды. Руки гудели, рот чернее ночи, но уйти с кочки-дивана невозможно. Без ведра черники к палатке не возвращались.

Собирая ягоды, мы наблюдали за природой. Мы видели, как ягодный кустик растет, какого цвета жесткие листики, видели, как легкая и острая трава окружает чернику, какие паучки и жучки снуют вокруг. И все это становилось близким и дорогим. Лежа на черничном диване, мы ощущали себя частичкой природы, частичкой леса, огромных кочек, миллиона вкусных черничных бусинок.

По вечерам мы садились у костра, ели ложками чернику с сахаром, варили в ведрах варенье, а когда небо темнело и полоска на далеком горизонте становилась такого же цвета, как сироп варенья, мы запевали песню. Далеко летела она над рекой, ветер заносил ее в лес. Она проплывала мимо деревьев и кустов и легким облачком качалась над черничными диванами.

Завтра мы снова пойдем к ним. Приворожили.

И. АНДРИАНОВА

Кое-что о других ягодах

В лесу ты можешь встретить не только чернику, но и другие ягоды. Собирай их аккуратно, не спеша, не рви ягоды вместе с веточками. О некоторых ягодах мы немного тебе расскажем.

Брусника плодоносит к концу августа. С незапамятных времен бруснику употребляют как средство, утоляющее жажду, повышающее аппетит, при простудных заболеваниях.

Ягоды **голубики лесной** поспевают в июле — августе. Голубика полез-

ДИВАНЫ

на всем: и молодым и старым — столько в ней витаминов. Урожай ягод с одного кустика достигает 178 граммов.

В ягодах **калины** содержится много витамина С. Вкус калиновых ягод горьковатый, терпкий, но после заморозков терпкость исчезает. Калина легко приживается на новых местах, хорошо очищает воздух от пыли.

Клюква — ягода болотная. В урожайный год один сборщик может собрать до тридцати килограммов клюквы в день. Из клюквы варят варенья, готовят морсы, соки, начинки для конфет. Употребляют ее и для засолки капусты.

Костяника растет в лиственных и хвойных лесах. Особенно ее много в Костромской области. Путешественники используют костянику как природный барометр: листья ее расправляются к дождю и сворачиваются в трубочку в сухую погоду.

ОТ РЕДАКЦИИ.

ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ! Всесоюзный конкурс комсомольских и пионерских организаций по сбору грибов, ягод, лекарственных трав продолжается!

В 1982 году во Всесоюзном конкурсе приняло участие более 500 тысяч комсомольцев и пионеров, которые собрали и сдали организациям потребительской кооперации около 35 ТЫСЯЧ ТОНН дикорастущих плодов, ягод, грибов и 6 ТЫСЯЧ ТОНН ценного лекарственного сырья.

За активное участие в организации и проведении Всесоюзного конкурса комсомольских и пионерских организаций в 1982 году награждены Почетными грамотами ЦК ВЛКСМ, правления Центросоюза и присуждены:

первая премия в сумме 5000 рублей —

Ровенскому обкому комсомола, отделу народного образования и облпотребсоюзу;

вторая премия в сумме 3500 рублей —

Хмельницкому обкому комсомола, отделу народного образования и облпотребсоюзу;

третья премия в сумме 2500 рублей —

Воронежскому обкому комсомола, отделу народного образования и облпотребсоюзу;

Ивано-Франковскому обкому комсомола, отделу народного образования и облпотребсоюзу;

Витебскому обкому комсомола, отделу народного образования и облпотребсоюзу.

А ТЫ ВКЛЮЧИЛСЯ ВО ВСЕСОЮЗНЫЙ КОНКУРС? СКОЛЬКО КИЛОГРАММОВ ТРАВ, ЯГОД И ЛЕКАРСТВЕННЫХ РАСТЕНИЙ СДАЛ ГОСУДАРСТВУ ТЫ? ЖДЕМ ПИСЕМ!

Рисунок Л. ХАЧАТРЯНА.

ЛИСИЧКА

ЧЕРНИКА

БРУСНИКА

Виктор БАНЫКИН

ВАЛЕРКИН КАЛЕНДАРЬ

ПОВЕСТЬ

Продолжение. Начало в №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6.

Рисунок М. ПЕТРОВА.

Глава восьмая

Зеленое половодье

Горячая пора сенокосная. Парни и молодые мужики, по пояс голые, работали на тракторах с прицепными косилками, бородачи — с литовками.

Дедушка Терентий и сам махал острой, как сабля, косой, не пропуская ни одного бугорочка, ни одной ложбинки, и за другими успевал присматривать. Сена и силоса заготовить надо было на всю зиму впрок!

Ученикам восьмилетки тоже нашлось дело. Они граблями ворошили знойно душистую траву, а подсохшую собирали в валки.

В Марфинку возвращались в сумерках — светлых, самую малость окрашенных багрецом. Молодежь горланила песни, стригунки-мальчишки гонялись за девчонками, разукрасившими свои головы венками из полевых цветов.

Валерка с дружком своим Петькой Петушком так посмуглели в эти распогожие деньки! И дома на них смотрели с заметным удивлением: уж не арапчата ли пожаловали в гости?

С ранней зорьки пламенело безоблачное небо. Жара распалилась на редкость дружная, и с сенокосом покончили в небывало короткий срок.

Обливаясь во дворе колодезной водой, дедушка Терентий смачно крякал:

— Запамятовал... и вспомнить не могу, когда еще этак пекло кряду добрую недельку!

Он тоже чуть ли не обуглился до черноты в эту жарицу, а борода его свалялась, выгорела и стала похожей на паклю.

— Добрый июль — году середка, лету макушка! — щурился весело дед, ретиво растирая грудь холстяным полотенцем.— А теперечко не мешало бы квасу ледяного ковшичек опорожнить! Нырни, внучек, в погреб, нацеди в крынку.

И Валерка со всех ног бросился выполнять дедушкину просьбу.

На другое утро после сенокоса Валерка еще блаженствовал в постели, накануне вымытый с головы до пят заботливой мамой, а к нему уже пожаловал гость.

— Вставай, соня! — широко распахнув дверь в горницу, зычно затрубил Петька. И тотчас поддернул модные джинсы, привезенные ему в подарок из Риги дядей-моряком.

— А ну тебя! — пробурчал недовольно Валерка и повернулся лицом к стене.

Но привязчивый Петька вмиг стащил с приятеля одеяло.

— Одевайся по-быстрому! И айда за мной! — не унимался Петька.— А то без нас смотаются. Смотаются за милую душу! Лесник попросил школу в пожарном порядке спасать мальков. А мы с тобой члены кружка... этого самого... по охране природы!

— Мальков? — переспросил Валерка.— А от чего их спасать?

Возмущенный Петька даже присел.

И, схватив приятеля за голые лодыжки, стащил с кровати.

Крикливую ораву мальчишек и девчонок с лопатами, сачками и ведерками они нагнали чуть ли не у Плуталова курмыша.

Валерка жевал одну за другой кокурки — сдобные солоноватые лепешки. Петька и тут опередил дружка — он уже проглотил свои кокурки. А поделил Валерка лепешки, оставленные матерью к завтраку, поровну: себе пяток и Петьке пяток.

Когда проходили мимо дедушкиного двора, Валерке захотелось на одну-разъединственную минуточку забежать проведать бабушку Анну. Да зоркий как сыч Петька, схватив приятеля за руку, прошипел гусаком:

— Обратно пойдем — завернешь.

Лес встретил ребят и густым тягучим настоем нагретой листвы, и зеленым половодьем разнотравья. Особо духовиты были пятачки-полянки с лиловыми островками Иван-чая, золотых звездочек зверобоя, пронзительно синих колокольцев. Даже глазам невмочь было от этой земной радуги. Над полянками тучами увивались мохнатые басовито гудящие шмели.

У обрывистого берега Сони пионервожатая Рита остановилась. Речушка млела в лучах безмерно щедрого солнца, нет-нет да стыдливо прикрывающегося белозарной прозрачностью воздушных облачков.

— Внимательно гляньте на Соню. Замечаете, как за эту жару обмелела речка? Кое-где образовались перешейки. А в махоньких озерках плещутся мальки. Пересохнут завтра лужицы, и глупыши погибнут. Один лишь омут Водяного никогда не мелеет. Но к нему — слышите, ребята? — к нему строго-настрого запрещаю подходить!

А в это время Валерка стоял на полянке возле ели, с недоумением прислушиваясь к звонкой и взбалмошной птичьей разноголосице. Что за переполох?

Пригляделся повнимательнее. Не сразу заметил в траве кукушонка. Нахохлившийся птенец пугливо озирался по сторонам.

Это на него налетали с тревожным писком пичуги, видимо, по ошибке принявшие птенца-слетка за молодого ястребка. Стремительнее других носились над поляной синицы, норовя во что бы то ни стало клюнуть ни в чем не повинного кукушонка.

Здесь же порхали рыжехвостые птахи, пытаясь отогнать от перепуганного птенца разъяренную лесную братию.

Лишь тут догадался Валерка, почему горихвостки не дают в обиду кукушонка. Ведь он их выкормыш! Злодейка кукушка по весне подбросила в гнездо горихвосток свое яичко и скрылась. Вот они и мучаются теперь с приемным сыном. А сынок-то в два раза больше своих воспитателей!

— Кыш! Кыш! — захлопал в ладоши Валерка, разгоняя птичью стайку. И бросился догонять спустившихся к реке ребят.

Петька пригоршнями вылавливал из крошечного продолговатого озерка мальков...

Петька подозрительно оглядел с ног до головы своего друга.

— Ты где застрял?

Он пригоршнями вылавливал из крошечного продолговатого озерка, до самого дна прогретого солнцем, увертливых мальков и опускал их в подобранную по дороге консервную банку.

— А воды почему не налил в банку? — заволновался Валерка.— Без воды они вмиг заснут!

— Забыл, — выдохнул перепачканный илом Петька.

Шикарные его джинсы красовались на суку прибрежной ветлы.

Вскоре девчонки дали мальчишкам розовое пластиковое ведерко. Отловив в озерке мальков, приятели перешли к другой лужице. Когда ведерко наполнилось до краев кишащей рыбьей мелкотой, отнесли его к большой и глубокой протоке.

— Живите! — бодро сказал Петька, заходя по колено в теплую воду. И опрокинул ведро.

Мальки устремились в разные стороны, сверкая в солнечных лучах серебрившимися боками.

— Обрадовались простору! — засмеялся Валерка.— К весне они здорово подрастут! Правда, Петух?

— Это уж наверняка! — кивнул Петька и, бросив ведерко на берег, окунулся с головой.

А Валерка, прежде чем нырнуть, огляделся вокруг. До чего же изменилась их родная речушка! В половодье была широкая-широкая. Даже не верит-

ся, что в мае они с Петькой и Мишкой свободно плавали по ее просторам на плоскодонке куда хотели! А теперь... Вздохнул Валерка и, сложив лодочкой ладошки, нырнул в глубокий бочажок.

Стрекозы и бабочки-белянки увивались над зеркально остекленевшей водой, отражающей четкой и пронзительной синевы небо, и кичливо-белые облака-барашки, с ленцой проплывавшие вблизи солнца.

— Кра-асатица! — надрывался восторженно Петька, плескаясь в заводи.— Ой, да что это я подцепил?

Валерка, отжимавший майку, глянул на друга и чуть не задохнулся от хохота.

На Петькиной голове, свисая на спину русалочьей косой, повис длиннющий пучок тины.

— Нисколечко не смешно! — буркнул Петька, сдирая с головы липкий «лягушачий шелк».

Откуда-то появился бредешок, и старшеклассники принялись вылавливать карасиков, окуньков и язишек из крупных бочажков, которые не сегодня, так завтра тоже могут высохнуть.

Мишка Михляев-Вихляев с тремя дружками из класса рыли канаву от заструги к широкой протоке.

Не отставали от мальчишек и девчонки. Они, как и Валерка с Петькой, выуживали сачками крошечных мальков из многочисленных луж.

Над речной поймой парами проплывали дружные кулички. Летели над самой водой, летели рядышком друг с другом, точно взявшись за руки.

Потешны были и огромные головастые стрекозы. Любопытницы опускались на камышинки, на ведра, на горячие ребячьи руки.

Под вечер, лишь собралась Рита прокричать: «На сегодня отбой! Собираемся домой!» — как вдруг над Соней пронесся огненный змей, и тотчас громыхнул чудовищной силы гром.

Валерке на миг почудилось: и оба берега, и лес качнулись туда-сюда.

Завизжали пронзительно девчонки, бросаясь к берегу. А тут снова тр-рах-тарарах! И на землю обрушился яростно ливень.

— Ну, ну! Хлещет как из ведра! — заныл, кляцая зубами, Петька, теснее прижимаясь к Валерке.

Приятели сидели на корточках, согнувшись в три погибели, под густущей еловой лапой, такой, казалось, надежной. Но и она не спасала от проливного дождя.

Вскоре страшная иссиня-черная грозовая туча, ворча и попыхивая слепящими глаза молниями, уплыла за дальний лес, к гиблым Волчьим болотам.

Промокшие до нитки ребята, во время ливня прятавшиеся кто где мог, снова весело зашумели, подбирая разбросанные лопаты, ведра, сачки.

Тут-то Петька-Петушок и вспомнил про свои модные джинсы. И со всех ног бросился к ветле, грустно склонившейся к песчаному бугру. Джинсы висели на том же суку, висели жалкие, сморщенные, исхлестанные злющим дождем.

— Как мне их такие надевать? — плаксиво протянул расстроенный Петька, комкая в руках свои джинсы, похожие на мокрую половую тряпку.

Исчезла даже этикетка с леопардом, устрашающе оскалившим пасть. Этой этикетке тайно завидовал Валерка. Но сейчас ему жалко стало Петьку.

— Забежим-ка давай к моей бабушке,— сказал он, не глядя на приятеля.— Она что-нибудь да придумает.

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Турнир в пионерском лагере

Идет веселая пора каникул. Хорошо и интересно сейчас в пионерском лагере. Можно сколько угодно заниматься любимыми видами спорта, участвовать в соревнованиях. И, конечно, в каждом пионерском лагере есть ребята, которые любят шахматы и с удовольствием приняли бы участие в турнире на первенство лагеря.

Ваш турнир, ребята, может быть классификационным. Таким, на основании результатов которого можно получить спортивный разряд. Для этого надо, чтобы турнир прошел организованно и чтобы каждый участник сыграл в нем не менее десяти партий.

Классификационные турниры можно проводить при одиннадцати участниках. Или при шести. Только в этом случае каждый из них должен сыграть с партнером по две партии.

Если в турнир запишутся более двадцати любителей шахмат, соревнование можно проводить в двух или трех группах.

Играть по правилам

Игра в турнирах должна проводиться строго по правилам. Ни в коем случае нельзя брать ходы обратно. Взялся за фигуру — делай ход. Не играйте больше одной-двух партий в день.

За порядком на турнире следит староста. Его выбирают ребята. Староста заносит результаты в таблицу.

Если кого-то постигла неудача, не огорчайтесь, помните, что не сумевший победить сегодня может добиться успеха в следующий раз.

Кто получит разряд?

Когда турнир закончится, таблицу результатов надо заверить

у пионервожатого или физкультурного руководителя и направить к нам в редакцию. Судейская коллегия пионерских турниров присвоит участникам спортивные разряды.

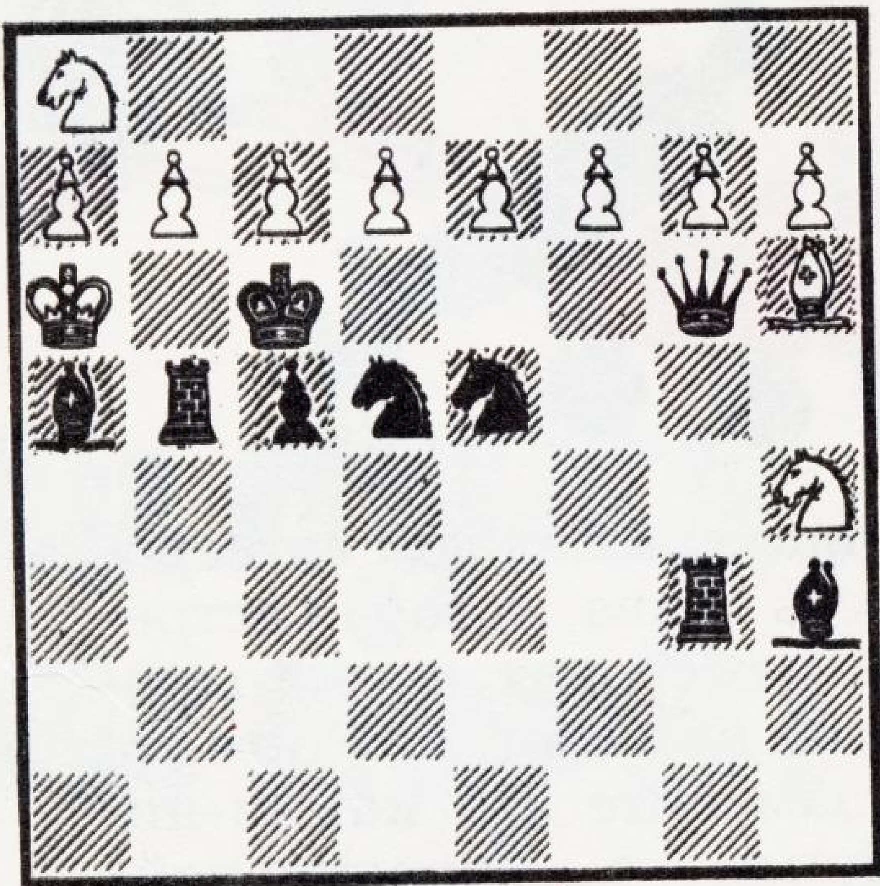
Все ребята, набравшие пятьдесят процентов из возможного количества очков, имеют право на получение четвертого разряда. Если все участники турнира имеют четвертый разряд, то третий получат те, кто наберет не менее шестидесяти семи процентов из возможного количества очков.

Желаем вам успехов, ребята. Уверен, что многие из вас получат этим летом разряд по шахматам!

Из почты Пешкина

Что такое повторение ходов, почему оно возникает? На эти вопросы просит ответить **Саша Карпухин** из Воронежа. Саша — чемпион своего класса, у него четвертый шахматный разряд.

Бывают такие позиции, в которых и белым и черным, чтобы избежать проигрыша, приходится делать одни и те же ходы. Всякое отклонение от единственно возможного пути грозит неприятностями. Ясно, что в таких случаях идут на повторение ходов, соглашаясь на ничью.

А эта позиция — ответ на вопрос **Андрея Малышкина** из Алма-Аты. «У нас в классе проходил турнир,— пишет Андрей.— В одной моей партии противник провел пешку до восьмой линии. Я думал, он поставит ферзя, а он поставил коня. Два коня у него уже было. Разве так можно?»

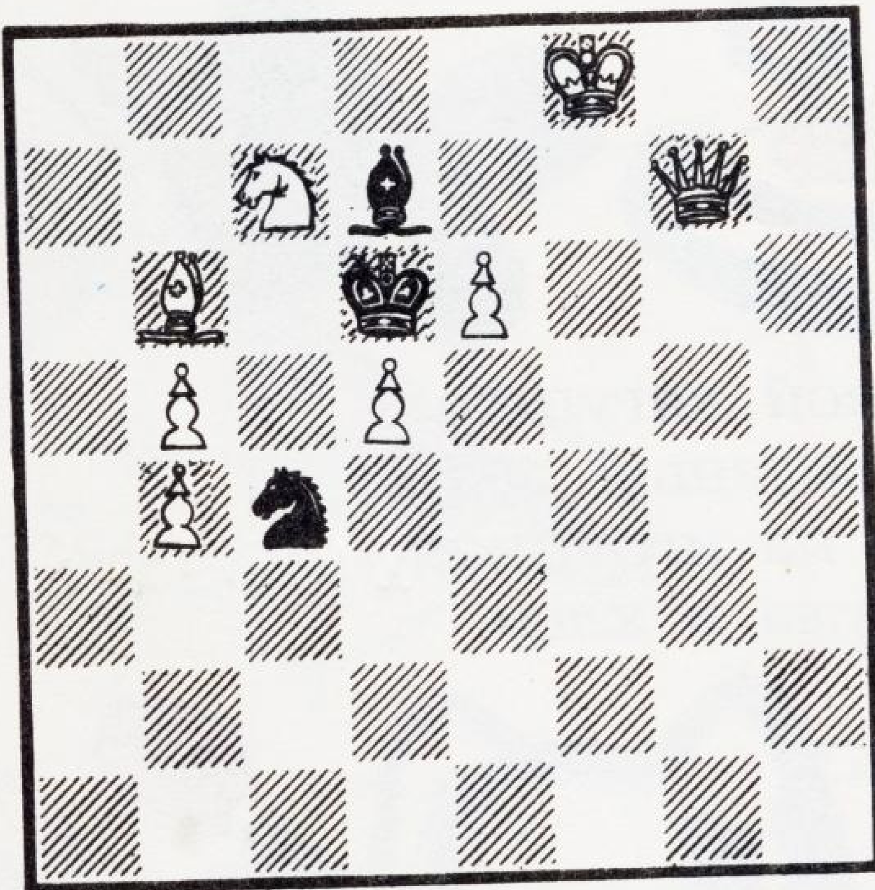
Пешку можно превращать в любую фигуру, кроме, конечно, короля. Теоретически на доске может быть даже десять коней! На диаграмме приведена старинная задача. Белые дают мат в восемь ходов таким образом:

1. b7—b8 К+ Лb5:b8 2. a7:b8 К+ Крc6—d6 3. c7—c8 К+ Крd6—e6 4. d7—d8 К+ Сa5:d8 5. e7:d8 К+ Крe6—f6 6. g7—g8 К+ Фg6:g8 7. f7:g8 К+ Лg3:g8 8. h7:g8 К — мат.

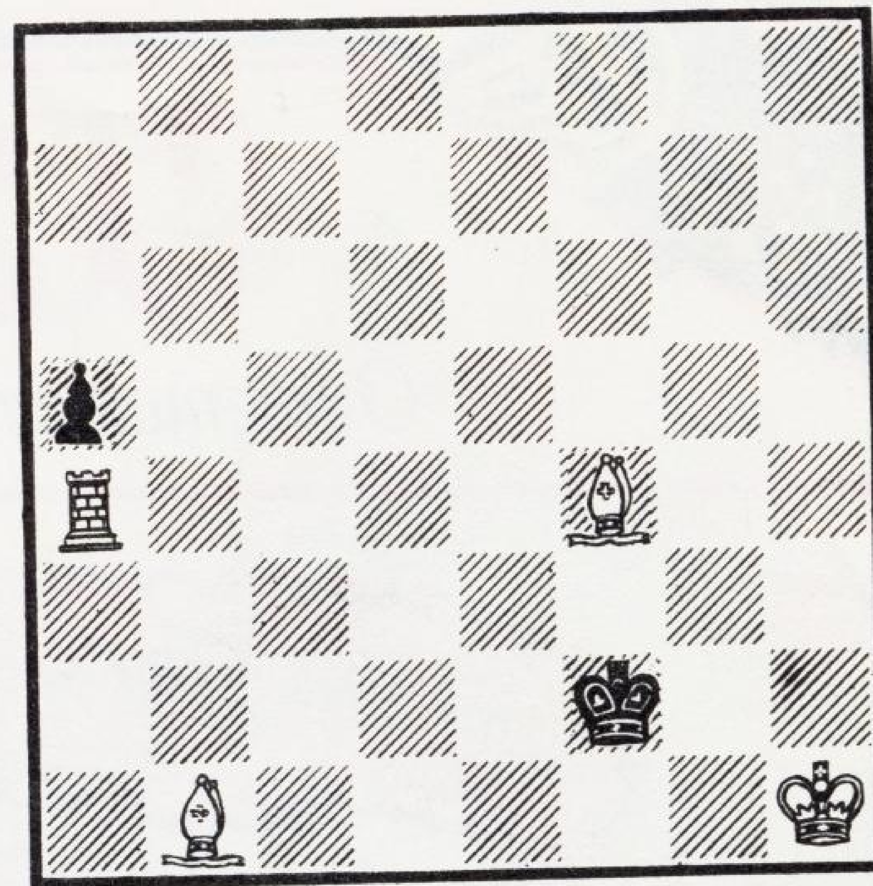
Посчитайте, сколькими конями располагали белые в этом поединке?

Конкурс Пешкина

Три задания входят в очередной конкурс Пешкина. Победители будут награждены грамотами журнала, установлено также двадцать премий за лучшие ответы. Премия — шахматный кодекс СССР, сборник правил игры и правил проведения соревнований.

Начиная игру, белые дают мат в два хода.

А здесь белые, начиная игру, дают мат в четыре хода.

Кому принадлежат слова: «Благодарю, душа моя, за то, что в шахматы учишься»?

Ждем ваших писем, ребята!

Как решаются задачи

В пятом номере журнала были опубликованы условия задач, которые Пешкин предлагал решить юным шахматистам. Посмотрите, как эти задачи решаются.

В позиции из партии В. Емельянова решает:

1. Фh6+! Крf6 (1... Кр:h6 2. Сf8 мат) 2. Сf8, и у черных нет удовлетворительной защиты от мата на g7.

В задаче, где мат дается в восемь ходов, путь к цели таков:

1. 0—0—0! Кр:a7 2. Лd8 Кр:a6 3. Лd7 Кр:a5 4. Лd6 Кр:a4 5. Лd5 Кр:a3 6. Лd4 Кр:a2 7. Лd3 Крa1 8. Лa3 — мат.

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

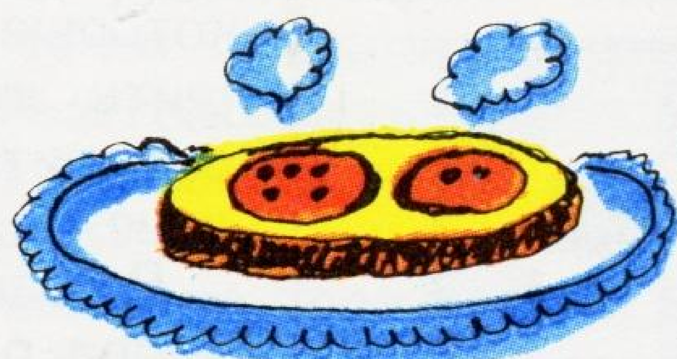
УМА ПАЛАТА

Ответственный дежурный Никита Разговоров. Рисунки А. Вовиковой.

Три розовых гориллы
Сварили бутерброд,
А ежик чернокрылый
Раскрасил пароход.

К малиновой лягушке
Подплыл зеленый лев.
Слон лает на игрушки,
Ползет акула в хлев.

Кудрявый вороненок
Воюет с воробьем,
Веселый поросенок
Свалился в водоем.

Примечание: в каждом четверостишии есть буква, которая встречается во всех словах, кроме одного. Предлоги не в счет. Найдите это слово и замените его каким-нибудь другим с «правильной» буквой.

Для разминки и для встряски
На картинке есть подсказки.

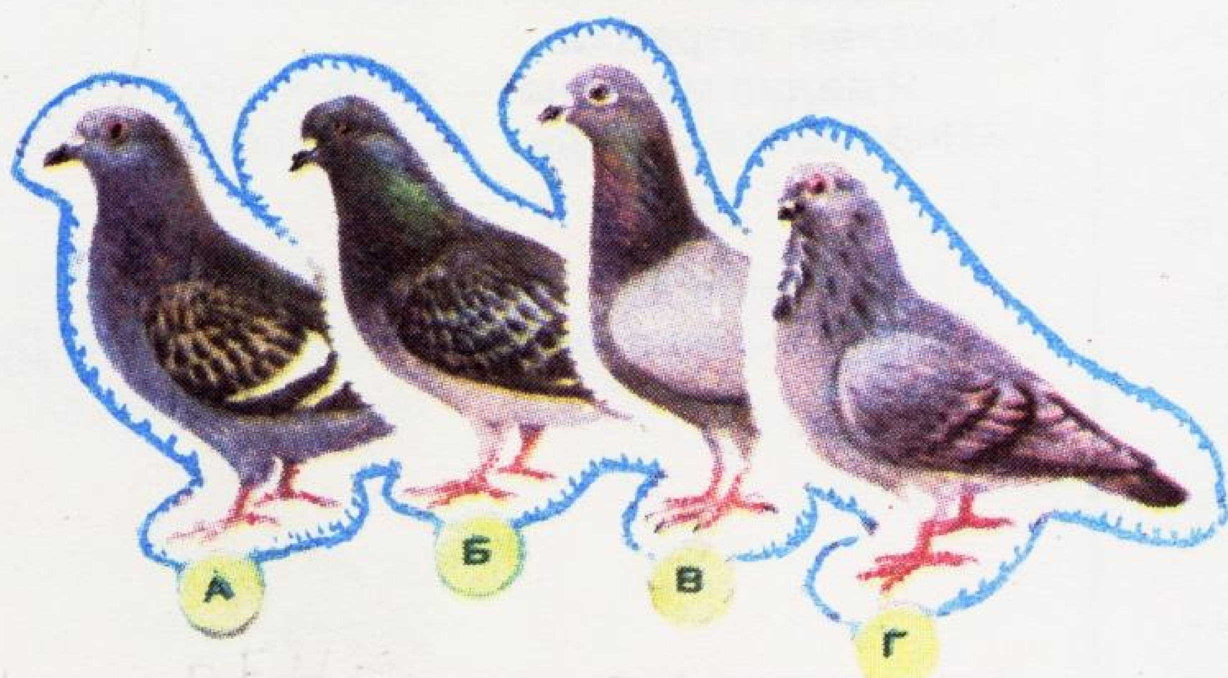
Почтовые голуби

Игры Лупы и Пинцета

Вы все хотите игр новых,
Так вот вам новая игра:
Четыре голубя почтовых
Нам почту принесли вчера.

Далекий путь они держали,
И каждый из своей страны.
Чтоб верно страны вы назвали,
Колечки с лапок вам даны.

На каждом колечке название страны написано целиком так, как оно пишется на марке. Вам видны не все буквы, но и тех, которые вы видите, достаточно, чтобы безошибочно определить название страны. Загляните в кляссер. (В игре участвуют только страны Европы.)

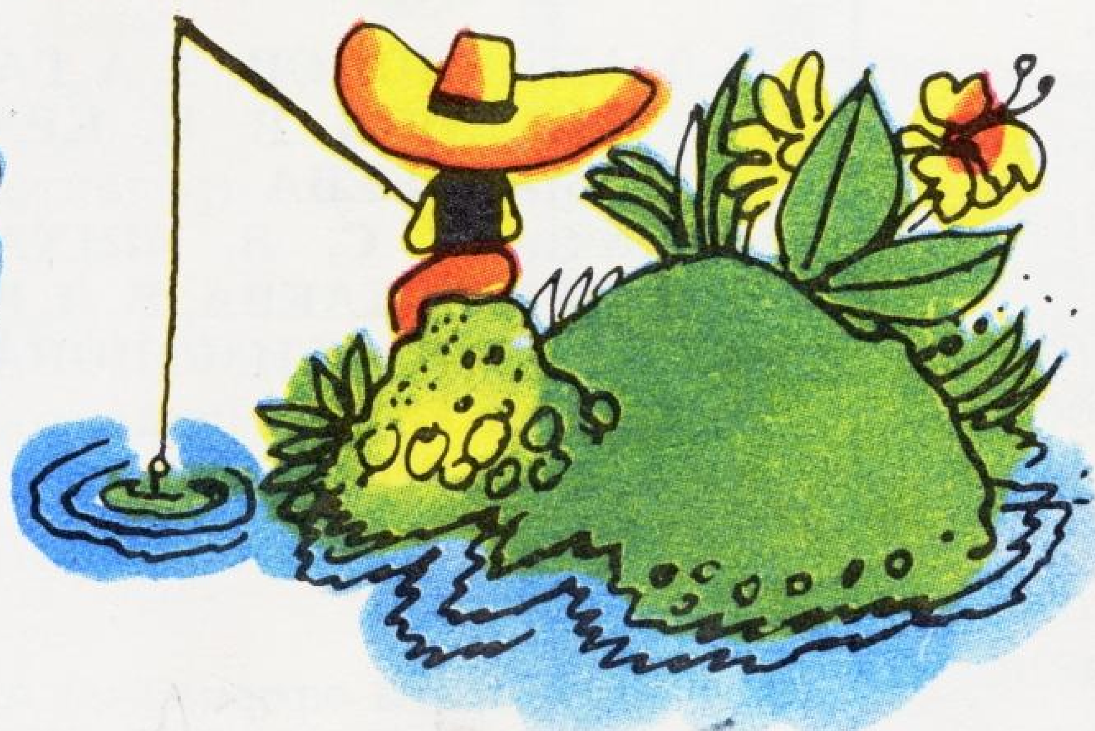

Ни пуха, ни пера!

Я на камушке сижу,
Рыбу с острова ужу.
Не могли б вы мне сказать,
Сколько здесь в заливе рыб?
Восемь? Девять? Двадцать пять?
И добавить не могли б,
Что за рыбы? Интересно!
Если вам не все известно,
В том беды особой нет.
Жду ответа. Всем привет!

Живживка

Победите цифрозавра

Капитан Перо ищет помощника

Не откладывай на завтра!
Нужен срочно твой ответ:
Исполина цифрозавра
Победил ты или нет?

Победит цифрозавра тот, кто сумеет в кружочках на зубцах его гребня расставить цифры от 1 до 8 так, чтобы ни одна сумма двух рядом стоящих цифр не равнялась какому-либо числу в ряду. Единица уже стоит на своем месте.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 6

Капитан Перо ищет помощника

Упражнение на квадратиках. По горизонтальным рядам: в первом — убрать вторую тройку, во втором — последнюю единицу, в третьем — вторую двойку, в четвертом — четвертую единицу, в пятом — первую двойку.

Игры Деда Буквоеда

Гол в ворота бульдога. Угол, уголь, голубь.

Игры Лупы и Пинцета

Шестиборье! Сто очков! Волейбол 3 раза, бег 1 раз, фехтование 1 раз, бокс 2 раза, баскетбол 2 раза, штанга 2 раза, бокс 3 раза.
Мячи в корзину! Четыре мяча.

КРАСНАЯ ТЕТРАДКА

А. ПЛЕШАКОВ

Я ВИДЕЛ МАХАОНА!

«Я видел махаона»,— сообщили нам сорок шесть мальчиков и девочек из ста ребят, принявших участие в прошлогоднем конкурсе Красной тетрадки «Рисуем бабочек».

«Однажды на берегу Енисея,— рассказывает Юра Аникутин из поселка Сосновоборск Красноярского края,— я увидел огромную желтую бабочку, порхавшую над цветами. Она сделала надо мною круг и села на дорогу... Наш край богат бабочками, но махаона я раньше никогда не встречал. И вот он сидит в двух шагах от меня... Я стоял как зачарованный. Хотелось подержать в руке это чудо. Но я остановил себя, вспомнил закон «Не касайся!». А махаон, посидев немного, взлетел и вскоре скрылся...»

Нас очень порадовало это письмо. Значит, махаон, эта по-настоящему чудесная бабочка, внесенная в Красную книгу СССР, не такой уж редкий вид. Есть еще махаоны! И можно надеяться, что общими усилиями удастся сохранить их, сберечь.

Бабочки прекрасны. И многие ребята написали нам, что закон «Не касайся!» — очень правильный закон и что они всегда будут его выполнять.

«Вот села на цветок яркая крапивница,— рассказывает Аня Боримская из Одессы.— Невольно хочется подкрасться и схватить ее за крылья. Но потом, выпуская бабочку, увидишь: ее бархатистые крылышки обтрепаны, узор стерт, она беспомощно бьется на земле... Бабочка обречена на гибель. Гораздо интересней наблюдать за бабочками, не повреждая их».

Когда мы начали подводить итоги конкурса, за окном лежал снег, но в редакцию, казалось, заглянуло лето. Яркие, красочные рисунки лежали на столах. Много-много прекрасных рисунков, а на некоторых бабочки — совсем как живые... Молодцы, юные художники!

Чаще всего ребятам встречались лимонница, крапивница, траурница, дневной павлиний глаз, белянки, желтушки, перламутровка...

А Игорю Житкову из Астраханской области посчастливилось увидеть очень редкую ночную бабочку — мертвую голову. Свое название она получила за необыкновенный рисунок на спинке, напо-

Продолжение на последней обложке.

СОДЕРЖАНИЕ

Есть такая партия! — В. Яковлев 1
Ответ Ю. В. Андропова на письмо американской школьницы 3
Идет пионерский Марш мира 4
Твоя тропинка. Цветы. Птицы. Книга. — Стихи Р. Фархади. Рисунок Г. Человечкова 5
Семейный экипаж. — Повесть С. Романовского. Рисунки В. Дудкина 6
Никогда не кончается. — С. Фурин 18
Боевой листок 19
Битва на Курской дуге. Викторина для юных историков. Ведет А. Митяев. Рисунок Д. Барабаша 20
Отряд говорит с отрядом. Рисунки А. Вовиковой 22
Школа умелых хозяев
Голубцы из свежей капусты. Т. Шаронова. Рисунки П. Пророкова 25
Сами о себе 28
На рубежах пятилетки
Луга будут всегда! — Н. Г. Андреев. Записал А. Марьянин. Рисунок А. Дугина 28
Одна лошадиная сила. Повесть И. Стрелковой. Рисунки Е. Медведева 30
«Кораблик» 42
Приключения рыси. Главы из повести В. Потиевского. Рисунки В. Горбатова 45
На научной волне. — Ведет В. Никитина. Рисунки Н. Доброхотовой 50
К 90-летию Владимира Маяковского
Стихи — оружие поэта 54
Что нам читать? Рисунок А. Дугина 55
Мой конек
Черничные диваны. И. Андрианова. Рисунок Л. Хачатряна 56
Валеркин календарь. Повесть В. Баныкина. Продолжение. Рисунок М. Петрова 58
В стране шаха — владыки черных и белых полей 60
Ума палата 62
Красная тетрадка
Я видел махаона! — А. Плешаков 64
«Переменка». Ведет Н. Ростовцева. Рисунки Е. Шабельника ..... III обл.

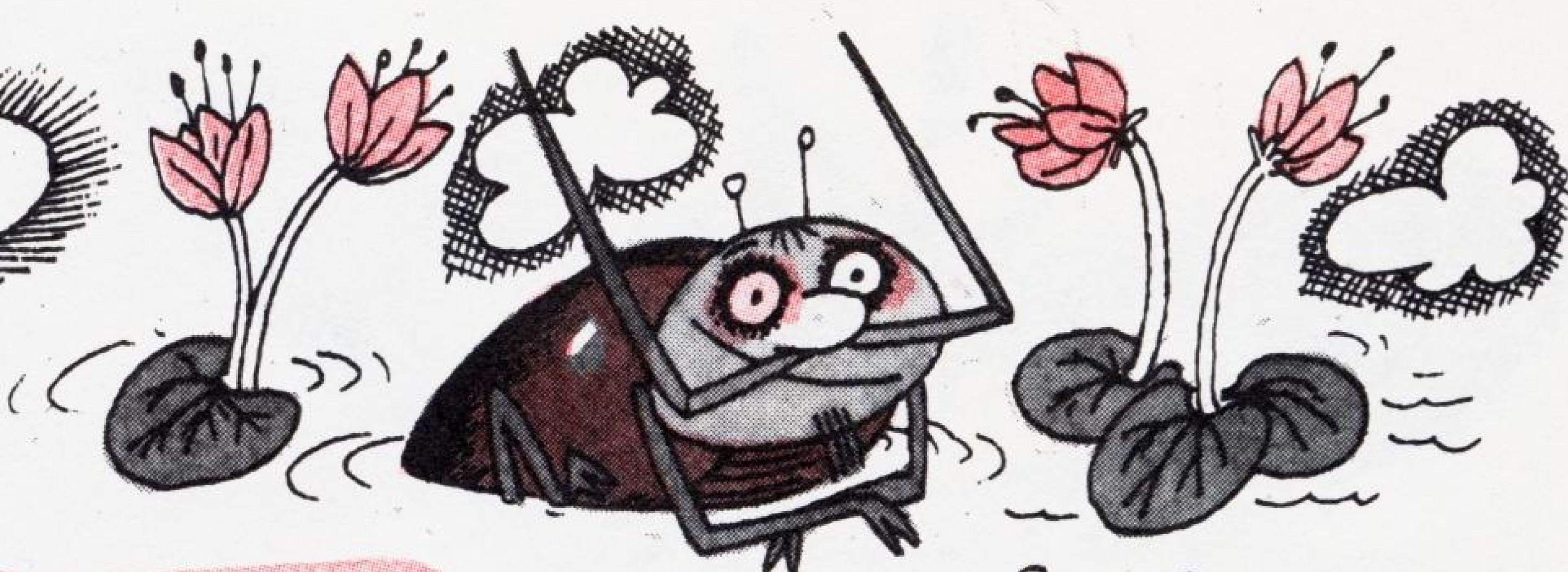
На обложке:
Луга — наше богатство. Рисунок А. Дугина.

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.

Сдано в набор 03.05.83.
Подписано к печати 19.05.83. А 02699. Формат $84 \times 60^1/_8$.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,46. Учетно-изд. л. 9,00.
Усл. кр.-отт. 31.25. Тираж 1 660 000 экз. Изд. № 1386. Заказ № 685.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

ПЕРЕМЕНКА

Невыдуманные диалоги

НА УРОКЕ ПРИРОДОВЕДЕНИЯ

Учитель. Что такое вода?
Ученик. Вода — это сырая жидкость.

Диана Вавилова,
г. Москва.

НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРЫ

Учительница. Назови твоего любимого писателя.
Ученица. Филимон Купер.

Лена Р.,
г. Сестрорецк.

* * *

Ученик. ...И некий из вельмож рязанских по имени Евпатий Коловратий...
Учительница. Не Евпатий Коловратий, а Евпатий Коловрат!
Ученик. Ага, Евпат Коловрат!

Алла Голубева,
г. Челябинск.

НА УРОКЕ ЗООЛОГИИ

Учительница. К какому классу относится жук-плавунец?
Ученик. К классу водяных.

Люда Яншина,
Света Турбина,
совхоз «Громколодезный».

НА УРОКЕ ГЕОГРАФИИ

Учительница. Расскажи нам о путешествии Магеллана.
Ученица. Магеллан объехал весь земной шар пешком, на верблюде...

Жаркова,
пос. Тамала.

НА УРОКАХ ИСТОРИИ

Учительница. Какое любимое развлечение было у рыцарей?
Ученик. Ледовое побоище.

Н. Терехова,
дер. Падерино,
Кировская область.

* * *

Учитель. Расскажи нам о животном мире Древнего Египта...
Ученица. В пустынях Древнего Египта водились сфинксы.

Ира Иванихина,
г. Москва.

* * *

Учительница. Какими представляли себе богов древние греки?
Ученик. Их боги были разных профессий.

Вова Экшаров,
г. Новосибирск.

Из школьных сочинений

«Лес осыпался золотыми полянами».
«У мальчика был портфель и хохолок».
«На картине изображен ученик средних лет».
«Сидя на диване, Коля читал книгу, задумчиво уставившись в потолок».
«День был пасмурный, но ярко светило солнце».
«Велосипед был весь красный, только брюки у Вити — черные».
«Телега ехала, везла крестьян и пела».
«Кот стремительно мчался на одной ноге».
«В басне «Волк и ягненок» волк олицетворяет ягненка».

Ведет Н. РОСТОВЦЕВА.
Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА.

16-81

Игорь Житков нарисовал очень редкую ночную бабочку — мертвую голову.

«Махаон полетел, как ласточка, быстро»,— пишет под своим рисунком Валера Абрамов из Ярославля.

Начало на 64-й странице.

минающий череп. Игорь встретил ее поздним вечером на пристани, где эта громадная бабочка (размах ее крыльев 13 сантиметров!) кружилась вокруг светящейся лампы. Запомните, ребята, что мертвая голова внесена в Красную книгу СССР. Видел Игорь Житков и другую бабочку из Красной книги, очень большую и красивую,— подалирия. Он пишет, что в его поселке подалирий встречается часто. Что ж, приятно это слышать. Во многих других местах он редок или совсем исчез.

Тамара Ворсова из Гурьевска Кемеровской области и Таня Асминкина из с. Яман Оренбургской области встретили интересную бабочку-медведицу. Она очень ярко окрашена, но гусеницы у нее бурые и мохнатые, словно маленькие медвежата. Обе девочки хорошо нарисовали эту бабочку.

Чтобы успешно выполнить задание Красной тетрадки, вам, ребята, нужно было не только уметь рисовать. Нужны были и немалые знания о природе. Оценить ваши знания мы попросили Елену Михайловну Антонову, известного в нашей стране специалиста по бабочкам, одного из авторов раздела о насекомых в Красной книге СССР.

— С удовольствием сообщу, что большинство участников конкурса правильно назвали бабочек, которых они нарисовали, и правильно написали, где их можно встретить и когда, об их многообразии, образе жизни. Чтобы определить бабочек, ребята обратились к книгам: к школьному учебнику зоологии, к «Книге для чтения по зоологии», к «Жизни животных» и другим. Это очень хорошо, натуралист должен уметь работать с книгой.

В ваших письмах, ребята, было для меня кое-что и новым! Например, оказывается, бабочку-крапивницу в Туле называют «царьком», у махаона в Саратове есть очень интересное имя «удочник». Действительно, хвостики на крыльях махаона напоминают удочки...

Какие ошибки встретились в письмах? Во-первых, бабочки никогда не питаются пыльцой, а только нектаром, который всасывают хоботком. Твердую пищу они есть не могут. И уж, конечно, никогда не охотятся за насекомыми. Во-вторых, нельзя называть гусеницу червяком. Гусеница — это гусеница, а червяки, вернее, черви,— совсем другие животные.

Еще одно замечание, очень важное: есть письма, авторы которых вроде бы правильно написали о бабочках, вроде бы неплохо их нарисовали, но... Нет в этих письмах главного — собственных наблюдений и впечатлений. Ребята эти воспользовались книгами, но поленились пойти в лес, в парк, на луг... Хочется сказать им: нельзя узнавать природу только по книгам — это помощники, а главное для натуралиста — его глаза, уши и... ноги. Очень хорошо написал Эдик Тийслер из эстонского города Пярну: «А знаете, как много приходится побегать, чтобы зарисовать одну только бабочку?..»

Что ж, пора назвать победителей конкурса «Рисуем бабочек»:

Брагина Инна, г. Уссурийск; Житков Игорь, пос. АЦЦК Астраханской области; Князева Люда, г. Тула; Абрамов Валера, г. Ярославль; Боримская Аня, г. Одесса; Якимова Лена, г. Саратов; Ботова Нонна, г. Балаково Саратовской области; Аникутин Юра, пос. Сосновоборск Красноярского края; Костадинова Лора, г. София, Народная Республика Болгария.

Поздравляем победителей и благодарим всех, кто принял участие в конкурсе!

«Красавица Артемида» — назвала свой рисунок Инна Брагина из Уссурийска.

Люда Князева прислала нам портрет крапивницы и написала, что у них в Туле ее называют «царьком».

Бабочку-медведицу Кайя (у нее гусеницы похожи на мохнатых медвежат) нарисовала Тамара Ворсова.

ISSN 0130—8009

Цена 30 коп. Индекс 70694.